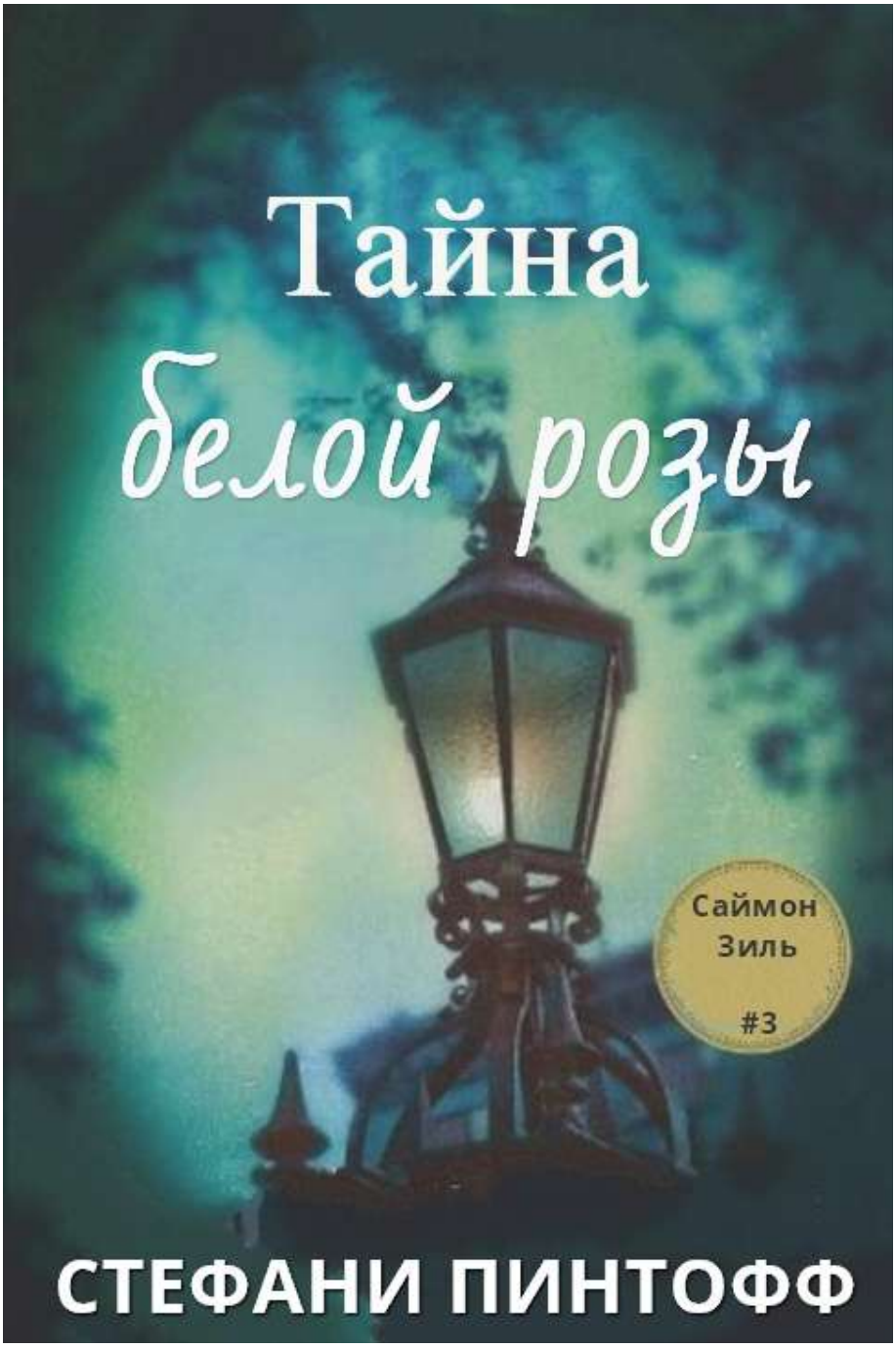
Стефани Пинтофф – Тайна белой розы



Переведено специально для группы
~”*°•†Мир фэнтези†•°*”~
http://vk.com/club43447162

Оригинальное название: Secret of the White Rose
Автор: Стефани Пинтофф / Stefanie Pintoff
Серия: Simon Ziele #3 (Саймон Зиль #3)
Перевод: Романенко Карина
Редактор: Волкова Евгения

Аннотация

Убийство судьи Хьюго Джексона находится вне юрисдикции детектива Саймона Зиля.

Во-первых, это дело настолько громкое, что им занимается не кто иной, как новый комиссар полиции, поскольку судья Джексон председательствовал на сенсационном процессе над Элом Дрейсоном. Дрейсон, анархист, взорвал бомбу на свадьбе семьи Карнеги, но вместо того, чтобы убить миллионеров, пострадали обычные прохожие, включая ребенка. Драматический судебный процесс захватил все внимание Нью-Йорка в 1906 году.

Во-вторых, участок Саймона включает в себя криминальный Тендерлойн, а не изысканный Грамерси-парк, где судья был найден с перерезанным горлом в своем запертом городском доме в ночь перед тем, как присяжные должны были вынести вердикт.

Но вдова убитого настаивает на том, чтобы полиция позвонила бывшему однокласснику её мужа - криминологу Алистеру Синклеру, который, в свою очередь, обращается за помощью к Зилю.

Вместе, применяя нестандартные методы Алистера, они должны выйти на след убийцы. Ведь полиция настолько сосредоточена на поимке приспешников Дрейсона, что отвергает любых других возможных подозреваемых.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРОЛОГ....4
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ....8
ГЛАВА 1....8
ГЛАВА 2....14
ГЛАВА 3....25
ГЛАВА 4....32
ГЛАВА 5....43
ГЛАВА 6....54
ГЛАВА 7....68
ГЛАВА 8....84
ГЛАВА 9....92
ЧАСТЬ ВТОРАЯ....98
ГЛАВА 10....98
ГЛАВА 11....105
ГЛАВА 12....113
ГЛАВА 13....119
ГЛАВА 14....129
ГЛАВА 15....136
ГЛАВА 16....142
ГЛАВА 17....148
ГЛАВА 18....152
ГЛАВА 19....157
ГЛАВА 20....160
ГЛАВА 21....171
ГЛАВА 22....178
ГЛАВА 23....186
ГЛАВА 24....196
ГЛАВА 25....202
ГЛАВА 26....207
ГЛАВА 27....215
ГЛАВА 28....221
ГЛАВА 29....228
ГЛАВА 30....235
ГЛАВА 31....242
ГЛАВА 32....247

ПРОЛОГ

22 октября 1906 года.

Понедельник.

Судья Хьюго Джексон был на грани нервного срыва — и так было с самого начала процесса.

Конечно, он был не один такой. Все - от финансовых магнатов Уолл-Стрит до рядовых работников магазинов в "Мейси", от брокеров по облигациям в "Бэнкерс Траст" до продавцов бакалейных лавок в "Уимэнсе" - нервничали из-за судебного процесса "Народ против Дрейсона".

Разница только состояла в том, что Джексон был главным судьёй.

Он не испытывал ничего, кроме отвращения, к Дрейсону, который ни словом, ни жестом не выказал никакого раскаяния за жизни, которые отнял.

Но этот обвиняемый будет осуждён по справедливости. В конце концов, в этом заключался долг судьи. Не говоря уже о том, что Джексон не хотел давать Дрейсону ни малейшего основания для апелляции.

И все же он не мог успокоиться.

Может быть, дело было в самом Дрейсоне — потому что Джексона приводило в замешательство то, как обвиняемый с отросшими волосами и бородой сидел молча, изо дня в день глядя на судью сквозь стёкла толстых очков в проволочной оправе. Это ощущение, что за ним наблюдают, не покидало его еще несколько часов после того, как он выходил из зала суда; хотя каждый раз, когда он оборачивался, за спиной никого не было.

Его жена сказала бы, что на старости лет он стал совсем чокнутым.

Вокруг него толпы людей, жаждущих узнать последние новости, хватали номера "Уорлд", "Трибьюн" и "Таймс" прямо из рук газетчиков, даже чернила ещё не успевали высохнуть. Они будут читать подробности того, как держалась сторона защиты. Завтра присяжные посовещаются, и судьба Дрейсона будет решена.

Публика, возмущенная преступлением, назвала этого человека чудовищем и теперь с трепетом ждала обвинительного приговора, в котором никто не сомневался. Если в этом мире существовала хоть капля справедливости, этот вердикт обязан был быть обвинительным.

По крайней мере, так считало большинство людей. Но судья слишком хорошо знал, что есть и другие.

Даже у Дрейсона были сторонники.

* * *

Когда примерно через полчаса судья приехал в свой солидный особняк из красного кирпича в доме номер три на Грамерси-Парк, он обнаружил, что его почта уже аккуратно сложена стопкой на серебряном подносе, стоявшем на столике в прихожей. Он задумчиво перебирал письма, пока не замер над одним из них.

Неужели снова?

Он разорвал конверт и взглянул на содержимое. Инстинктивно потянулся, чтобы ослабить галстук, который, казалось, начал его душить. Судья сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться. Затем, не сказав ни слова жене, он сунул всю пачку писем в карман пальто, схватил большой железный ключ, который всегда висел у входной двери, и перешел улицу к запертым кованым воротам, ведущим в парк, потому что только владельцы домов напротив парка имели доступ к маленькому частному оазису у подножия Лексингтон-авеню.

Дрожащими руками поднял ключ и повернул его в замке.

Проклиная свои расшатанные нервы, он закрыл за собой калитку, и на мгновение ему показалось, что он отгородился от всего земного зла.

Это был его личный рай: место покоя и красоты.

Он прошел через весь парк мимо нянек, толкающих детские коляски, и джентльменов, которые читали газеты на скамейках, выстроившихся вдоль ухоженных дорожек для прогулок.

Наконец он выбрал свою любимую скамейку, стоявшую у каменного фонтана возле западного входа. Его журчащие воды успокоили его расшатанные нервы, и он вздохнул свободнее. Успокоившись в тишине парка, судья заставил себя просмотреть остальную почту.

Это нужно было сделать. Рай никогда не был неуязвим перед Злом.

Сегодня днём ему доставили письма, полные ненависти и угроз.

Первые два были преисполнены гневных обвинений в том, что он слишком сочувствует Дрейсону.

Еще один автор объявил Дрейсона мучеником за правое дело и угрожал судье расправой.

Мужчина вздохнул, понимая, что придется вызвать полицию. Снова.

Почему все пытаются повлиять на него в связи с этим делом?

Дрейсон был самопровозглашенным анархистом, но не этот факт стал причиной того, что население Нью-Йорка было захвачено событиями в зале суда.

Нет, с Элом Дрейсоном всё было иначе.

Ровно в четыре часа в третью субботу июня он, предположительно, подложил бомбу в конный экипаж. Его целью был ни кто иной, как Эндрю Карнеги - гость на свадьбе в величественном кирпично-каменном особняке на Сорок седьмой улице.

Однако с самого начала план Дрейсона был плохо продуман.

Карнеги был не лучшей мишенью — потому что, как бы ни злился Дрейсон по поводу обращения с рабочими в "Американской металлургической компании Карнеги", сам магнат рассматривался в ней в основном как филантроп. Он поклялся отдать перед смертью свое огромное состояние и все пожертвования Карнеги-холлу, и Фонд героев утверждал, что он говорит серьезно.

- Я действовал во благо обычных рабочих людей. - После ареста Дрейсон произнес только эти семь слов и ничего больше.

Но когда взорвалась его бомба, погибли пять невинных человек: повозка разлетелась на куски, отчего разбились стекла в окнах близлежащих зданий и рассыпались кирпичи.

В то время как многие гости на свадьбе отделались лишь ссадинами и порезами, на улице орудие Дрейсона нанесло самый страшный ущерб.

Динамитная бомба - это неизбирательное, неуправляемое орудие смерти; простые слова не могут передать той бойни, которую она создает. Всего за мгновение она превратила приятный июньский полдень в сцену, которая больше подходила на поле боя, настолько велики были разрушения и травмы.

Лошадь, запряжённая в экипаж, оказалась отброшенной в сточную канаву, а ее задние ноги были оторваны взрывом; женщина осталась лежать, прислонившись к крыльцу городского дома, без обеих рук; мужчина с обожженной плотью растянулся на тротуаре...

Дрейсон хотел бороться за свое дело, нанеся удар по капиталистической системе, но, убивая невинных, обычных людей, он был навеки проклят общественностью.

И ещё... там был ребёнок.

Четырехлетний мальчик шел домой из церкви вместе с дедушкой, когда взорвалась бомба.

Один из его ботинок силой взрыва был отброшен на подоконник второго этажа.

Это было единственное неповрежденное напоминание о мальчике, и его изображение — одинокий детский башмачок с пуговицами, сделанный из черной кожи, одиноко болтающийся на этом выступе, — служило острым напоминанием о том, что город потерял в тот день.

Оно разошлось по всем крупным газетам и вошло в общественное сознание, как не смогли все остальные кровавые фотографии, которым было позволено выйти в свет.

И вот Дрейсона, человека, который хотел прославиться как революционер, вместо этого поносили как худшего из преступников - убийцу детей.

По этой причине зрелище у здания суда уже несколько недель напоминало настоящий цирк.

Многие хотели видеть Эла Дрейсона осужденным, и они приходили каждый день - часто с фотографиями жертв. Некоторые держали в руках фотографию уже упомянутого ботиночка.

И анархисты тоже пришли, в частности, пресловутая Эмма Голдман.

"Дрейсон допустил ошибки, - утверждала она, - *но общие цели анархистского движения остались верными".*

Своей зажигательной речью ей удалось разозлить толпу - причём, как сочувствующих, так и недоброжелателей.

Судья был скрупулёзен и осторожен в деле Дрейсона, и письма с угрозами в этом совсем не помогали. Он устал от махинаций и интриг, от политизирования всего этого процесса.

Судья собрал свою почту и вернулся домой из парка. Едва успев повесить пальто, он вернулся в библиотеку и потянулся к телефону.

Нужно сделать два звонка.

Первый звонок был человеку, которого он знал много лет и которому доверял.

- Я получил ещё одно письмо.

- Такое же, как и остальные?

- Да.

- Значит, всё так, как мы и ожидали, - голос на другом конце провода звучал устало.

- Что мне делать? - спросил судья.

- То же самое, что и раньше. Просто декодируй сообщение и следуй инструкциям.

- Это больше не может продолжаться, - сказал судья дрожащим голосом. - Мы должны выяснить, кто узнал наш код. С тех пор прошло уже много лет...

- Тише!

Несколько минут оба собеседника молчали. Потом второй спокойно продолжил:

- Мы придумаем, как это остановить. Но сейчас просто делай то, что тебе говорят.

У него не было выбора, поэтому он так и поступит. Пока.

Он положил тяжёлую чёрную трубку телефона на подставку. И почти сразу же снова снял её и дал оператору номер комиссара полиции Нью-Йорка Теодора Бингема.

Пока судья ждал, когда установится соединение, он решил, что будет осторожен.

Благоразумен - и всегда осторожен.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

"Не держит центр, вещей распалась связь;
Анархия обрушилась на мир
И попраны невинности обряды,
Сомненьем души лучшие объяты".

Уильям Батлер Йейтс, "Второе Пришествие"

23 октября 1906 года.

Вторник.

Детектив Саймон Зиль.

ГЛАВА 1

Семьдесят первая улица, дом 171.

01:30.

Несмотря на мои самые лучшие намерения — не говоря уже о превосходном французском жарком — я заснул от полного изнеможения.

Лежа на золотисто-зеленом пестром диване в середине трактата Моррисона "Преступление и его причины", я внезапно проснулся от яростного стука в дверь.

Я резко вскочил, отчего Моррисон рухнул на землю, а за ним последовала моя теперь уже пустая кофейная кружка.

Я нащупал свои видавшие виды карманные часы. Половина второго. В такое неприлично позднее время большинство людей предпочли бы звонить по телефону. Благодаря современному черному с медью телефону Строугера, установленному в моей новой квартире в прошлом месяце, со мной можно было связаться в любое время суток.

Конечно, во всём есть свои недостатки, но я уже начал ценить телефонные звонки гораздо сильнее, чем непрерывный стук в дверь, который разбудил меня сегодня.

Какого дьявола кто-то решил разбудить меня лично?

Я босиком подошел к двери по недавно покрытому лаком полу, который сейчас неприятно холодил голые стопы. Когда подошел ближе, стук прекратился, но вдруг настойчивый голос позвал меня по имени:

- Зиль! Открывай!

Я повернул замок и снял цепочку. В мерцающем свете газовых фонарей, стоявших вдоль коридора, узнал своего друга и коллегу-криминолога Алистера Синклера. Обычно уравновешенный и словоохотливый профессор, шатаясь, вошел в мою гостиную, рухнул на мой пестрый диван и беспомощно посмотрел на меня.

- Зиль, мне нужна твоя помощь, - сумел выдавить он, пока его не скрутил приступ кашля.

- Что случилось? - Закрыв дверь и заперев её на замок, я зажёг дополнительные масляные лампы в гостиной, а затем внимательно осмотрел Алистера в поисках травм, но ничего не заметил.

Ни разу за все время нашего знакомства я не видел Алистера в таком состоянии.

Его темные волосы, густо посеребренные сединой, не были гладко уложены; они стояли дыбом, как будто он несколько раз взъерошил их рукой. Дорогое кашемировое пальто было забрызгано грязью, а рукав - порван. Но больше всего меня беспокоило пустое выражение его голубых, смотрящих на меня глаз. Ясные, как лед, и всегда такие же холодные, его глаза обычно светились умом — но сегодня я видел в них лишь пустоту.

Я принёс ему стакан воды, который он взял, ничего не сказав.

Фонари мерцали - результат сквозняка, постоянно гулявшего по комнате, - и я поплотнее закутался в халат, а затем сел в мягкое зеленое кресло напротив Алистера.

Меня учили на работе, как нужно разговаривать в подобных случаях, поэтому, когда я спрашивал, что произошло, мой голос был тихим и спокойным. Но мой тон противоречил глубокой личной обеспокоенности - ибо то, что лишило Алистера привычного самообладания, должно быть поистине важным.

В первую минуту я подумал об Изабелле, вдовствующей невестке Алистера, которая помогала ему в его исследованиях мышления преступников — и которая занимала большую часть моих собственных мыслей, в чём я боялся признаться даже себе самому.

- Сегодня ночью был убит человек, - выдавил, наконец, Алистер, - тот, кого я когда-то считал одним из своих самых близких друзей.

- Мне жаль, - искренне произнес я.

Несколько мгновений мы молчали, пока он собирался с мыслями.

- Кто он?

- Хьюго Джексон. Он учился вместе со мной на юридическом факультете Гарварда, выпуск семьдесят седьмого года. - Алистер задумчиво улыбнулся. - Мы не разговаривали много лет, но когда-то были очень близки. Он даже был шафером на моей свадьбе.

- Вы поссорились?

Он покачал головой.

- Нет. Мы просто отдалились друг от друга. Завели разных друзей, разные интересы и стали видеться всё реже...

- Ты уверен, что это было убийство? - Теперь, окончательно проснувшись, я скрестил руки на груди и серьезно посмотрел на друга.

- Без сомнений. Его горло перерезано от уха до уха.

- Если вы не были близки, почему же ты узнал об этом одним из первых?

Давние отношения, которые не поддерживались много лет, не объясняли, почему он решил заняться этим делом. Или почему он был так расстроен.

- Наши жёны сблизились, и их дружба длилась долгие годы, даже когда наша собственная ослабла. Отчасти поэтому миссис Джексон сразу же позвонила мне.

- А вторая причина? - уточнил я, зная, что то, что Алистер не говорит, обычное важнее того, что уже сказал.

- Необычные обстоятельства, - Алистер инстинктивно понизил голос, хотя в комнате кроме нас никого не было. - Миссис Джексон нашла его в библиотеке; он лежал на столе в луже крови, - Алистер нахмурился и замолчал, погрузившись в свои собственные мысли.

- Продолжай, - не вытерпел я.

Он вернул мне стакан с водой.

- У тебя не найдётся чего-то покрепче, Зиль? Чтобы успокоить нервы?

Все, что у меня было, - это односолодовый виски "Талискер", который сам Алистер и подарил мне прошлым летом на день рождения — сувенир из недавней поездки на шотландский остров Скай.

Я щедро налил ему полстакана и сел ждать, когда он продолжит.

Алистер поболтал в стакане золотисто-коричневый напиток, больше наслаждаясь его ароматом, нежели вкусом.

- Рядом с его телом лежала Библия — не семейная Библия, а та, которую его жена никогда раньше не видела. И правая рука моего друга покоилась на ней, - сказал он, наконец.

Я попытался представить описанную Алистером картину.

- Будто он приносит присягу в суде?

- Да, - кивнул Алистер. - Мой друг был судьёй.

- Но ведь судьи чаще заслушивают чужие присяги, чем приносят собственные?

- Именно. - Он многозначительно посмотрел на меня. - А поскольку это была Библия, незнакомая его жене, мы можем предположить, что убийца принес ее с собой на место преступления.

Дрожащими руками Алистер поставил на стол стакан с виски.

Я наклонился ближе, начиная по-настоящему волноваться. Никогда ещё не видел своего друга таким встревоженным.

- Мы обсуждаем место преступления, - напомнил я ему, - которое никто из нас в действительности не видел. Но ты уже уверен, что это важная деталь?

- А ты как думаешь, Зиль? - взорвался он, но я видел, что эта вспышка больше обусловлена скорбью, нежели злостью. - Неужели наша совместная работа за последний год не смогла убедить тебя в важности поведения преступника на месте преступления?

Он был прав: прошел почти год со времени дела Фромли, когда он впервые вошёл в мой кабинет и объявил, что может использовать свои знания мышления преступника, чтобы помочь мне раскрыть жестокое убийство. Конечно, Алистер был не во всем прав. Но, как сказал бы он сам, знание преступного ума — это не только наука, но и искусство, и я никогда не сомневался, что он понимает в преступном поведении больше, чем я когда-либо мог предположить.

Алистер покачал головой.

- И ещё кое-что: у его руки положили белую розу.

- Белую розу? Как у невесты?

Мой друг серьёзно кивнул.

- Знаю. В это время года их трудно достать.

- Цвет чистоты и невинности, - добавил я, думая о невестах, которых видел с такими розами в день их свадьбы.

- Не всегда. - Алистер сделал паузу. - В некоторых странах это цвет смерти, и обычно он ассоциируется с предательством. Во время Войны роз[1] белую розу дарили предателям, которые нарушили своё слово. Он предупреждала их, что смерть неминуемо их настигнет.

- Так ты думаешь..?

[1] Война Алой и Белой розы или Война роз — серия вооружённых династических конфликтов между группировками английской знати в 1455—1485 годах в борьбе за власть между сторонниками двух ветвей династии Плантагенетов—Ланкастеров и Йорков.

- Я не знаю, что думать, - перебил он меня. - Но я хочу, чтобы ты занимался этим делом.

- И где был убит судья Джексон? - с сомнением уточнил я.

- На Грамерси-парк.

- Это территория Тринадцатого участка; не моя юрисдикция.

Я сейчас работал детективом в Девятнадцатом участке под началом моего давнего друга капитана Малвани.

- Раньше ты помогал другим участкам.

- Наш новый комиссар - приверженец протокола. - Комиссар полиции Теодор Бингем не желал и слышать, чтобы офицеры работали вне пределов своих участков, не получив особых распоряжений от него лично.

- Я могу сделать необходимые звонки, - сказал Алистер, вставая и пересекая комнату к моему телефону. - Я вызываю такси?

Я кивнул, и он поднял трубку.

- Оператор? Да, наберите, пожалуйста, Колумбийский университет, номер двадцать три - восемьдесят.

Пока соединение устанавливалось, он снова повернулся ко мне:

- Мой друг был выдающимся человеком. Ваши полицейские будут находиться под значительным давлением, чтобы быстрее раскрыть его убийство.

Я, несомненно, собирался сейчас ехать с ним в центр города.

Я уже встал и направился в свою спальню, чтобы переодеться, но его упоминание о полицейском начальстве пробудило какие-то воспоминания.

- Как, говоришь, звали судью?

- Джексон. Судья Хьюго Джексон.

Я нахмурился, пытаясь вспомнить, где именно слышал это имя, а затем резко повернулся к Алистеру.

- А это не тот же самый судья, который ведёт дело Дрейсона?

- Именно. - Алистер поднял палец и снова заговорил в телефонную трубку. - "Транспорт Нью-Йорка"? Да, мне нужен электромобиль на угол Семьдесят первой и Бродвея, пожалуйста.

Затем он повесил трубку и мрачно посмотрел на меня.

- Сегодня присяжные должны были закончить совещаться. А теперь? Есть большая вероятность, что судебное разбирательство объявят недействительным.

Это все меняло. Смерть — а точнее, убийство, — судьи, председательствовавшего на самом противоречивом процессе, который город видел за многие годы, вызвала бы самые страшные волнения, какие только можно себе представить.

Как и все, я с большим интересом следил за процессом — особенно потому, что знал таких людей, как Эл Дрейсон. Они росли и процветали в моем родном Нижнем Ист-Сайде, где новые иммигранты, уставшие от лишений в своей "приемной" стране, сочувствовали тем, кто отстаивал их права. Большинство из них были идеалистами, которые хотели только лучших условий труда и жизни.

Но я видел, как глаза некоторых мужчин вспыхивали страстью, когда они обсуждали свое дело, загораясь энтузиазмом, который я не мог понять. Особенно, когда их разговоры перескакивали на оружие и взрывчатку. Когда они не проявляли никакого уважения к человеческим жизням, которые уничтожали.

Бессмысленно бороться с одной несправедливостью, создавая другую.

Я понимал, какую преданность и самопожертвование люди могут испытывать к другому человеку. По моему опыту, даже самые высокие идеалы часто искажались ради личной выгоды и амбиций.

Из этого редко выходило что-то хорошее. А вот плохое и порочное - постоянно.

ГЛАВА 2

02:30.

Я поспешно оделся, собирая все необходимое, что носил с собой на каждое место преступления: блокнот, карандаш и хлопчатобумажные перчатки, чтобы защитить все, к чему прикасался, от собственных отпечатков пальцев.

Потом мы ждали у окна моей квартиры на втором этаже, выходящего на Семьдесят первую улицу, пока перед домом не остановилось такси. Мы поспешно спустились по лестнице, прошли через внутренний дворик и забрались в кабину, где устроились на черных кожаных сиденьях.

Алистер был не в состоянии вести свой собственный автомобиль, но его выбор электромобиля вместо одного из новых, более быстрых бензиновых такси, казался ненужной расточительностью. Алистер клялся, что они более надежны, и, без сомнения, они соответствовали его любви к роскоши. Со своей стороны, я считал их непрактичными и медлительными, учитывая их четырёхсоткилограммовые двигатели. Я предпочитал метро — там пятицентовый билет доставлял меня в центр города быстрее, чем любой другой вид транспорта.

Алистер дал водителю адрес на Грамерси-парк, и мы помчались на юг по Бульвару — именно так большинство людей до сих пор называли часть Бродвея к северу от Коламбус-серкл.

Улицы были пустынны, и кованые газовые фонари отбрасывали мрачные тени на все еще спящие здания.

Мне нравилась эта часть города — Верхний Вест-Сайд — где таунхаусы и многоквартирные дома вырастали из-под земли, как только архитекторы успевали их спроектировать.

Хотя постоянные строительные работы имели свои недостатки, в целом мне нравилось быть частью района, который постоянно менялся. Здесь была и моя собственная сдаваемая в аренду квартира на углу Семьдесят первой и Бродвея, построенная всего два года назад.

Я никогда не смог бы позволить себе однокомнатную квартиру в новом роскошном доме на зарплату детектива, но друг Алистера неожиданно переехал за границу и захотел, чтобы в его отсутствие за квартирой присматривали; он даже сказал, что так я окажу ему неоценимую услугу. Я не сразу согласился, но, в конце концов, на третьей неделе августа я переехал и вернулся к своей карьере детектива в Девятнадцатом участке, которым теперь командовал мой бывший напарник Деклан Малвани.

И вот, после двух лет пребывания в Добсоне - маленькой деревушке к северу от города, где я наслаждался передышкой от городской коррупции и насилия, — я снова назвал остров Манхэттен своим домом.

Пока наше такси ехало в центр города, молчаливый и озабоченный Алистер не проронил ни слова.

Мы проехали через Театральный квартал на Сороковой, где электрические рекламные щиты вдоль Большого Белого Пути заставляли улицы сиять ярко, как днем — даже в этот предрассветный час. А ещё это было место нашего с Алистером последнего совместного дела, когда прошлой весной сумасшедший убийца нацелился на красивых молодых актрис. Мне всегда нравилось бывать в театре в тех редких случаях, когда я мог себе это позволить, но с тех пор я не был ни на одном представлении. Бродвейские убийства — по крайней мере, временно - подорвали мою любовь к сцене.

Водитель свернул налево, на Двадцать третью улицу, и мы подъехали к Грамерси гораздо быстрее, чем я ожидал.

Район кишел полицейскими, но водитель подъехал как можно ближе к западной части Грамерси-парк. Алистер заплатил за поездку непомерные шесть долларов.

Дом судьи на Грэмерси-Парк-Уэст, 3, был типичным для всего окружающего: четырехэтажный городской дом из красного кирпича, окруженный кованым забором высотой сантиметров семьдесят.

Я сразу узнал людей не только из Семнадцатого участка, но и из Тринадцатого, и из Восьмого. Я также узнал худого, как тростинка, мужчину с седеющими волосами и сгорбленными плечами, который держался позади толпы.

- Харви, - произнёс я. - Рад тебя видеть.

Он вздрогнул от неожиданности, но тут же расплылся в улыбке и потянулся, чтобы пожать мне руку.

- Зиль. Я слышал, что ты вернулся в город. Но ты ведь теперь из Девятнадцатого, верно? А вас, ребята, тоже вызывали сюда? Тут сущий хаос. Похоже, мэр приказал всем детективам в городе работать только над этим делом. - И он указал на толпившихся на улице людей в синем.

Мне удалось сказать что-то уклончивое, прежде чем я коротко представил Алистера и спросил:

- Кто назначен главным? Уж не сам ли генерал?

Харви покачал головой и широко ухмыльнулся.

- Нам повезло: его нет в городе; он в Бостоне с женой. Хотя я думаю, убийство судьи разрушит его планы и вернет домой пораньше. - Он кивнул в сторону суматохи за воротами. - А пока делом руководит Сондерс.

Узнав о присутствии Сондерса, я вздохнул с облегчением.

"Генералом" был сам комиссар полиции Теодор Бингем, бывший военный, который привнес в свою работу не только военную решительность, но и упрямую веру в то, что он единственный знает правильные ответы. Он был комиссаром почти год, но уже успел заслужить глубокую нелюбовь среди подчинённых.

Мне ещё не приходилось встречаться с высшим командным чином этого города, но я был уверен, что он не обрадуется, когда увидит, что обычный детектив пытается вмешиваться в расследование. Он назвал бы моё поведение "выпендрёжем", и никаких связей Алистера не хватило бы, чтобы спасти мою репутацию.

Алистер просиял, услышав это имя.

- Вы имеете в виду заместителя Джона Сондерса?

После того, как Харви согласно кивнул, Алистер объяснил, как он познакомился с Сондерсом, одним из многочисленных заместителей комиссара, в начале этого года, когда был на совещании в полицейском управлении.

- Он, как и я, интересуется тем, как новые методика работы могут помочь в борьбе с преступлениями. Я предложил несколько способов, как можно включить результаты моих исследований в их повседневную практику.

Я знал, что высшее руководство до сих пор реагировало на предложения Алистера в лучшем случае скептически, а в худшем - просто издевательски. Большинство полицейских, в том числе и я, были не прочь попробовать новые методы, которые, как было доказано, надежно работают в полевых условиях. Но большинство идей Алистера были лишь учебными теориями - непроверенными и неиспытанными.

Я заметил, как Алистер на мгновение заколебался перед дверью. Затем он расправил плечи и решительно вошел в дом своего старого друга.

Я последовал за ним через фойе к библиотеке в дальней части первого этажа, где группа мужчин, среди которых был и заместитель Сондерс, мрачно ждала прямо возле двери. Причина этого была ясна сразу же: из комнаты вышли два младших офицера, несущих деревянные носилки, на которых, накрытое толстой белой простыней, лежало крупное тело, которое, как мы знали, принадлежало судье.

Мы молча смотрели, как он в последний раз покидает свой дом.

- Какого...? - начал Сондерс, увидев посторонних, но затем, узнав Алистера, протянул ему руку.

- Профессор. Какая неожиданность. Боюсь, сегодня вечером я не смогу вас впустить внутрь. Хотя мне известно о вашем интересе к подобным делам, это расследование - весьма деликатно и, как вы понимаете, только для официальных лиц. - Он сурово посмотрел на меня. - И ограничиваются только теми участками, от которых мы запросили помощь.

Алистер смерил Сондерса ледяным взглядом.

- Думаю, вам лучше поговорить с миссис Джексон. Это она попросила меня о помощи, и я, конечно, ей не отказал - и настоял на том, чтобы ко мне присоединился детектив Зиль.

Сондерс смутился и переступил с ноги на ногу.

- Я понимаю, что миссис Джексон расстроена и думает, что ее друг, учёный-криминолог, поможет делу, - сказал он. - Однако тем из нас, кто расследует это дело, не нужно вмешательство посторонних.

Мы не двинулись с места, и он добавил:

- Поэтому я хочу, чтобы вы ушли.

- А *я* хочу, чтобы он остался.

Эти слова, произнесенные властно и уверенно, исходили от импозантной женщины с серебристо-седыми волосами, уложенными в узел. Большая часть ее платья была покрыта черной шалью, а лицо исказилось от горя. Я был уверен, что вижу перед собой миссис Джексон.

Рядом с ней стояла высокая красивая женщина с оливковой кожей и черными волосами, собранными в тугой пучок. Она была одета в строгое, чёрно-белое накрахмаленное платье горничной и держала серебряный поднос с кофе и печеньями.

- Можешь отнести это в гостиную, Мэри, - холодно распорядилась миссис Джексон. - Мужчины, прошу вас, угощайтесь. Я знаю, что час уже поздний.

- Миссис Джексон, - произнёс Сондерс, - я приношу свои извинения, но вы должны доверять мне, чтобы я смог расследовать смерть вашего мужа в соответствии с протоколом.

- Вы имеете в виду *убийство* моего мужа? - язвительно сказала она, не стесняясь в выражениях. - Профессор Синклер - друг нашей семьи и выдающийся криминолог. Я обратилась за помощью в расследовании к нему, — она сделала паузу, и ее глаза остановились на мне, - и к человеку, которому он доверяет.

Заместитель комиссара снова начал протестовать, но она оборвала его на полуслове.

- Надеюсь, вы не хотите, чтобы я позвонила мэру и сообщила ему о наших разногласиях?

- Очень хорошо, мадам, - согласился Сондерс, и я сразу же осознал всю важность и силу связей человека, убитого здесь сегодня вечером.

Позже я узнал, что девичья фамилий миссис Джексон была Шермерхорн — одна из старейших и богатейших семей города, чье влияние в политических и общественных кругах оставалось сильным долгие годы.

Миссис Джексон подошла ближе, чтобы взять Алистера за руку, и впервые ее голос слегка дрогнул.

- Хорошо, что ты пришёл.

- Гертруда, - начал Алистер. - Мне так жаль...

- Конечно. - Женщина попыталась улыбнуться. - Главное, чтобы справедливость восторжествовала. Мне нужно, чтобы ты пообещал, что позаботишься об этом. А теперь идём.

Когда она повернулась к библиотеке, Алистер положил руку на ее плечо и посмотрел на нее испытующе-обеспокоенным взглядом.

- Ты уверена?

- То, что я избегаю этой комнаты, не изменит того факта, что сегодня ночью здесь убили моего мужа, - коротко ответила она. - Нужно смотреть правде в глаза.

Мы обменялись с Алистером взглядами и последовали за ней в библиотеку.

За годы расследования убийств я повидал много разных видов горя — но, по правде говоря, никогда не встречал такой стойкости и мужественности, как у миссис Джексон.

Я выпрямился и заставил себя дышать медленно, как только почувствовал тошнотворно-сладкий запах крови. Испытывал к ней неестественное отвращение — явный недостаток с учётом моей профессии, который я старался скрывать от окружающих. В большинстве случаев мне это удавалось — но только благодаря силе воли.

Желудок сжался, и волна тошноты заставила с трудом сглотнуть.

Сондерс отправился вслед за нами, держась на почтительном расстоянии, но внимательно наблюдая за происходящим. Остальные офицеры остались в коридоре, когда мы вошли в небольшую комнату, заполненную темными ореховыми книжными шкафами, до отказа набитыми юридическими книгами. У окна стоял письменный стол из красного дерева, заваленный бумагами и томами литературы — теперь все они насквозь пропитались содержимым темной лужи, которая покрывала стол и продолжала по каплям стекать на пол.

Судья потерял огромное количество крови. Я заметил Библию в черном кожаном переплете, о которой упоминал Алистер, а также лежащую посреди стола белую розу на длинном стебле, испачканную алым.

Миссис Джексон обошла вокруг стола и присела на бордовое кожаное кресло своего мужа, в то время как все остальные намеренно воздерживались от того, чтобы смотреть на лужу крови на самом столе.

- Он пришел сюда сразу после обеда, - произнесла женщина. - Я надеялась, что он пойдет спать, но он настоял на том, что ему нужно просмотреть свои записи. Упрямый человек. У него была ужасная бессонница. Из-за этого дела. - Она вздрогнула. - Он изо всех сил старался разобраться в деле Дрейсона, но всем всё равно не угодишь.

Она сделала глубокий вдох и повернулась к Алистеру:

- Хьюго не мог оставаться здесь один больше часа. Было уже начало десятого, когда я пришла, чтобы отправить спать. Но вместо этого... Я нашла его мёртвым. - Она жестом указала на кровь своего мужа.

Мы молчали, не зная, что сказать.

- Люди говорят мерзкие вещи, - продолжила она. - Они посылали ужасные угрозы. Хьюго получал письма от тех, кто имел наглость поддерживать детоубийцу.

Она повернулась к окну, и её голос едва заметно дрожал от гнева.

- Не менее ужасные письма он получал и от людей, которые считали, что он слишком мягок с Дрейсоном. Мой муж был честным и справедливым человеком, - сказала она, хватаясь за сердце, - но волнения среди людей так сильны...

Я подождал десять секунд, чтобы Сондерс, стоявший в дверях поодаль от нас, смог высказаться. Но он промолчал.

- Вы сказали, что ваш муж пришел сюда в восемь часов, а нашли его вскоре после девяти. У вас сегодня вечером не было посетителей?

Она покачала головой.

- Ни одного. Я бы обязательно услышала звонок. Как мы уже говорили заместителю комиссара и его людям, ни Мэри, ни я не видели и не слышали ничего необычного. - Она многозначительно посмотрела на Сондерса.

- Пошлите, пожалуйста, за горничной, - сказал Сондерс, обращаясь к одному из своих помощников, стоявших в холле.

- Кто ещё сегодня вечером был с вами в доме? - поинтересовался Алистер.

- Никто. У Чарльза, нашего водителя, был свободный вечер. А кухарка отправилась домой, как только прибралась после ужина — а это было около восьми часов. Мой муж, как обычно, проверил все двери, прежде чем удалиться в свой кабинет. Все они были заперты.

- Тогда как же убийца проник внутрь? - пробормотал Алистер, подходя к окну. Оно тоже было заперто.

- А прежде, в течение сегодняшнего дня, двери открывались? - спросил я.

- Конечно, днем, - ответила миссис Джексон. - Наши слуги часто выходят делать покупки, нам приносят почту...

Мы с Алистером переглянулись. Вполне вероятно, убийца судьи проник в дом до наступления темноты и затаился, ожидая подходящего момента.

В комнату вошла горничная в сопровождении одного из подчинённых Сондерса.

- Вы меня искали, сэр? - ее голос звучал мягко, и она оставалась спокойной, даже осознав, что все взгляды устремлены на нее.

- Как давно вы работаете в доме Джексонов, мисс? - спросил Сондерс.

- Уже пять лет, сэр.

- Мэри - одна из моих лучших помощниц, заместитель, - ответила миссис Джексон с успокаивающей улыбкой, предназначавшейся горничной. - Она - надежный и хороший работник. Не знаю, что бы я без нее делала.

- А сегодня вечером вы не заметили ничего необычного? - Сондерс пристально посмотрел на женщину.

- Нет, сэр, - уверенно ответила она. - Судья и хозяйка ужинали вместе. Потом он ушел в свой кабинет, и больше я его не видел. Мы с хозяйкой обсуждали приготовления к званому обеду, запланированному на следующую неделю, а потом я приступила к вечерней уборке.

- И вы не слышали ничего необычного?

Горничная покачала головой.

- И двери были закрыты?

- Да, сэр. Я сама их запирала.

- Джентльмены, - сказала миссис Джексон решительно. - Я уже рассказала заместителю комиссара Сондерсу и его людям все подробности распорядка дня моего мужа. Это будет в его отчете. А пригласила я тебя, Алистер, сюда сегодня из-за этого.

Она потянулась к стопке писем на столе — и хотя они лежали в дальнем углу, подальше от лужи крови, всё равно они оказались сильно испачканы.

Сондерс судорожно сглотнул.

- Мне очень жаль, миссис Джексон, но это улики.

- Да, заместитель, - женщина выдавила слабую улыбку. - Вот почему я показываю эти письма полицейскому. А именно..., - она махнула рукой в мою сторону.

- Детективу Саймону Зилю, - представил меня Алистер.

- Да, именно так. Я бы хотела, чтобы детектив Зиль и мой дорогой друг смогли некоторое время поизучать эти письма, - сказала она. - Когда они закончат, вы сможете их забрать.

И вот, когда я надеялся только помочь своему другу, я оказался именно в том месте, которого хотел избежать: на перекрестье политических разногласий. Это не предвещало ничего хорошего для моего будущего в полицейском управлении Нью-Йорка.

Миссис Джексон повернулась к нам.

- Вы можете расположиться в гостиной наверху. И конечно, если хотите, можете изучить и остальные вещи. Уверяю вас, сегодня днём их здесь ещё не было.

Она указала на Библию в черном кожаном переплете и белую розу на длинном стебле, тоже окровавленную, лежащую в центре стола.

- Нам не нужна эта ерунда, - пренебрежительно заявил Сондерс, выходя из комнаты. - Джентльмены, вы можете уделить этим письмам двадцать минут — и только под официальным наблюдением.

Он вышел в коридор, и мы услышали, как он приказал одному из офицеров следить за нами.

- Я считаю, что роза и Библия важнее, чем думает заместитель комиссара, - торопливо произнёс Алистер. - Можно нам взять их на несколько дней?

Женщина согласно кивнула. Я завернул Библию и розу в чистую ткань и аккуратно положил их в свою сумку, где они были надежно спрятаны, пока заместитель комиссара не передумал их забрать.

- Эти предметы действительно причудливы, но лучшие подсказки будут ждать вас в этих письмах, - сказала она. - Хьюго получал смертельные угрозы с того самого дня, как Эл Дрейсон появился в зале суда. Он сохранил все письма. - Она сделала глубокий вдох. - Пожалуйста, Алистер, - продолжила она, и впервые за этот вечер ее глаза наполнились слезами. - Мне нужна твоя помощь. Я рассчитываю, что ты сделаешь все необходимое, чтобы найти чудовище, которое забрало у меня Хьюго.

- Конечно, - кивнул он. - Мы позаботимся, чтобы полиция все сделала правильно. Я тебе это обещаю.

Но подобные обещания, пусть и исполненные благих намерений, часто трудно было сдержать.

* * *

Через несколько минут мы уже были в гостиной наверху под присмотром Харви - офицера, которого я узнал сразу же, как только вошел. Он, казалось, чувствовал себя так же неуютно, как и мы, поэтому держался у двери на почтительном расстоянии.

Сама гостиная, очевидно предназначенная для Гертруды Джексон, представляла собой официальную дамскую комнату с розовыми обоями в стиле рококо и голубой мебелью в цветочек.

Мы придвинули два стула к маленькому столику у окна, где всходящее солнце отбрасывало слабый розовый свет на столешницу. Там мы читали письма и пили горячий чай, который принесла Мэри.

Миссис Джексон была права: во многих письмах содержались завуалированные угрозы, которые, должно быть, нервировали судью на протяжении всех недель этого процесса. Каждое из писем заметно отличалось по грамматике и стилю, почерку и даже выбору бумаги. Сами авторы разделились на два лагеря: враги Дрейсона и его товарищи-анархисты; первые считали, что судья был слишком снисходителен к подсудимому, а вторые - наоборот.

"Нам не нужен судья, который отпускает на свободу детоубийц", - гласило одно из писем.

Другое, напротив, возражало:

"Если вы отправите Дрейсона на электрический стул в Синг-Синг, он станет мучеником во имя нашего дела. Многие из нас восстанут, бросая бомбы и проливая адский огонь на этот современный Содом. Мы убьем всех капиталистических подонков вроде вас. Ваша смерть будет только началом".

- В этом деле судье не удалось бы выйти победителем, - покачал я головой. - Если бы он отпустил Дрейсона, его бы прокляли одни, а если осудил - его бы прокляли другие.

- Хьюго изо всех сил старался быть справедливым судьей, - задумчиво ответил Алистер. - Он всегда сочувствовал стороне обвинения, так как считал, что история каждой жертвы должна быть услышана. Однако на прошлой неделе он позволил стороне защиты предоставить смягчающие доказательства о детстве Дрейсона во время погромов в России — до того, как его семья сбежала и приехала сюда.

Я вспомнил репортажи в новостях, обобщающие показания того дня: в детстве Дрейсон был свидетелем невыразимых ужасов. Но прессу это не растрогало; скорее наоборот, их освещение подчеркивало, что, несмотря на его американизированное имя, он не был настоящим американцем. Они преподносили его как воплощение русско-еврейского иммигранта-анархиста.

Мы продолжали читать. Один из авторов для угроз использовал карандаш и дешевую тетрадную бумагу:

“Почему бы нам не засунуть эту бомбу тебе в рот и не отправить тебя к праотцам вместе с Луисом Линггом[2]? Ты ничем не лучше этих проклятых анархистов”.

Алистер нахмурился.

- Лингг был одним из анархистов с площади Хеймаркет, который убил полицейских и был приговорен к повешению, однако покончил с собой с помощью динамита за день до казни. Получается, автор письма прекрасно помнит этот случай, хотя он произошёл в Чикаго двадцать лет назад.

Конечно, я знал о Хеймаркет; на сегодняшний день это была самая яростная атака анархистов в нашей стране.

Писем было еще много, но угрозы сливались воедино. Одно из посланий, не содержавшее словесной угрозы, было, пожалуй, самым тревожным: внутри конверта мы нашли лишь фотографию ребенка - очаровательной маленькой девочки лет шести с кудряшками и выпавшим молочным зубом.

Под фотографией был указан адрес на Шестьдесят шестой улице. Она была прикреплена скрепкой к популярной газетной вырезке, на которой был изображен только ботиночек ребенка-жертвы.

При виде этой фотографии Алистер заметно побледнел.

[2] Луис Лингг — американский анархист немецкого происхождения.

- Но жертвой Дрейсона был мальчик..., - произнёс я вслух.

Алистер с трудом сглотнул.

- Я полагаю, что это фотография внучки судьи, а ниже - её адрес. Эта скрытая угроза, должно быть, глубоко его ранила.

- Он, конечно же, должен был пойти с этими письмами в полицию, - заметил я, окидывая взглядом все послания. - Но почему он остался без защиты? Ему должны были организовать сопровождение до зала суда и обратно, выставить патруль возле дома...

- Скорее всего, он сообщил обо всех угрозах. Но Хьюго Джексон был независимым человеком, не желавшим принимать помощь от других, - с горечью ответил Алистер. - А именно так выглядела бы для него защита полицейскими.

Я передал ему последнее письмо, написанное на бумаге более высокого качества, чем все остальные. Алистер дважды перевернул его, заметил отсутствие почтового штемпеля и нахмурился.

На его лице отразилось изумление.

- Что там? - поинтересовался я.

Однако он, казалось, не слышал меня. Я придвинул свой стул поближе, заглянул Алистеру через плечо и увидел... музыку.

Он задумчиво протянул мне письмо.

Это была музыкальная партитура из четырех строк, написанная на плотной кремовой бумаге. Нотный стан, а отдельные ноты были аккуратно вычерчены от руки.

- Судья был музыкантом? - спросил я.

- Он играл на пианино. Скорей всего, это письмо просто перепутали и положили к угрозам.

Алистер встал.

- Нам лучше вернуть эти письма заместителю комиссара и запросить копии. Но вот это я бы предпочел оставить себе. - Он указал на музыкальную партитуру и добавил, подмигнув мне: - Уверен, Сондерс её не хватится.

Я мысленно застонал, потому что готовность Алистера нарушать правила всегда ложилась тяжким грузом на мою совесть.

Вместо этого взял письмо и произнёс:

- Для этого послания получить разрешение будет довольно просто.

Я подошел к Харви, приняв как можно более уверенный вид.

- Слушай, а ничего, если мы оставим его? - Я помахал перед ним письмом. - Все остальные мы возвращаем, а это, как видишь, не имеет никакого отношения к делу.

Он настороженно посмотрел на меня, взвешивая решение.

- Так теперь ты официально прикреплён к этому делу?

- Да, как только с утра подпишут все бумаги, - кивнул я, пытаясь его успокоить. - Но если хочешь, я могу попросить разрешения у миссис Джексон или у заместителя комиссара.

В его глазах мелькнуло сомнение. Он уже был свидетелем разногласий Сондерса и миссис Джексон и, к счастью для меня, решил, что не хочет повторения. Если он вызовет недовольство заместителя комиссара, это может полностью разрушить его карьеру.

- Если это всего лишь музыка, то я думаю, ничего страшного не произойдёт, - сказал он наконец.

Я широко улыбнулся.

- Мы вернём это письмо миссис Джексон, как только его изучим.

Харви вздохнул с облегчением, поскольку окончательное решение лежало на владелице дома, а не на нём.

Я сунул письмо в карман, махнул Алистеру рукой, и мы поспешно вышли, пока Харви не передумал — или нас не перехватил заместитель комиссара Сондерс.

Когда розовое зарево на востоке неба возвестило о начале нового дня, мы нашли общественный транспорт, который доставил нас в центр города, чтобы сменить одежду и позавтракать, прежде чем действительно начать расследования.

Только оказавшись дома и распаковывая вещи, которые дала нам миссис Джексон, я заметил в партитуре нечто необычное.

Я нахмурился. Странно, что Алистер не заметил этого сам. Хотя, конечно, прошлой ночью он был не в себе...

В нижней части партитуры на последней строке, где обычно проставляется басовый ключ, вместо него было другое изображение: одинокая белая роза.

ГЛАВА 3

Девятнадцатый участок, Тридцатая улица.

08:30.

- Смотрите, кто к нам пришёл! Ты уже пол-утра проспал. Не похоже на тебя, Зиль.

Когда я вошел в переполненный и обветшалый полицейский участок на Тридцатой улице, мужчина с широкой улыбкой и ярким акцентом повернулся ко мне и взглянул с удивлением.

Деклан Малвани, дородный ирландец, который был моим напарником, когда я ещё служил патрульным в Нижнем Ист-Сайде, теперь стал моим капитаном здесь, в Девятнадцатом участке.

И хотя официальные часы работы отдела начинались в девять, он знал, что я обычно появляюсь на своем рабочем месте задолго до семи утра.

- Если ты считаешь, что половина девятого - это слишком поздно, то можешь вычесть эти часы из моей сверхурочной работы, которую ты никогда не оплачивал, - добродушно ответил я.

Как обычно, Малвани не перекладывал бумажки в своем тесном кабинете сразу за входом, а ходил по всему главному залу, устраивая патрулирование и проверяя у каждого из своих офицеров состояние открытых дел. К этому времени Малвани, без сомнения, уже закончил одну-две встречи, сделал полдюжины телефонных звонков и выпил, по меньшей мере, три чашки кофе.

А кофе - это как раз то, что мне требовалось после долгой бессонной ночи. Должно быть, я выглядел безумно измученным, потому что Малвани одарил меня озорной усмешкой.

- Сомневаюсь, что ты до утра гулял с той девушкой, которая тебе нравится?

Я последовал за ним в его импровизированный кабинет, игнорируя очевидный намек на Изабеллу Синклер — вдовствующую невестку Алистера, с которой я завязала легкую дружбу, бросавшую вызов всем нормам светской жизни. Она, как и я, восстанавливала свою жизнь после ужасной утраты: в ее случае речь шла о ее муже Тедди; в моем случае - о моей невесте Ханне, которая была среди тысячи жертв катастрофы парохода "Генерал Слокам" в 1904 году. Теперь Изабелла помогала Алистеру в его криминологических исследованиях.

И пусть я и получал от ее общества больше удовольствия, чем следовало бы, но по-прежнему помнил о громадной разнице в состоянии и общественном положении между нами. Семья Синклеров, с ее безупречным социальным происхождением, была одной из членов общества Астор. Я же, напротив, рос в заброшенной квартире в немецком иммигрантском квартале Нижнего Ист-Сайда.

Синклеров объединял страстный интерес к разуму преступников, который и свел нас вместе, когда нужно было расследовать очередное дело.

Но когда мы не занимались каким-либо расследованием, я не мог забыть о явных различиях между нами.

- Видел последние наброски? - Малвани мгновенно сменил тему, протягивая мне большой чертежный план. - Наше предполагаемое новое здание. Говорят, что мы первый участок, который будет иметь полностью переведённый на автомобили патруль. Смотри, - он указал на большую арку рядом с главным входом, - машины будут проезжать здесь. - Он усмехнулся. - Правда, я не поверю, пока не увижу собственными глазами.

Планы, которые Малвани только что показал мне, — строительство нового современного здания участка через дорогу от нынешнего — так долго откладывались, что большинство из нас уже не верило, что оно когда-нибудь вообще будет построено.

Ни один участок не нуждался в дополнительном пространстве больше, чем мы: участок Малвани имел юрисдикцию на площади от Четырнадцатой улицы до Сорок второй, и простирался от Парк-авеню до Седьмой Авеню. Мы отвечали за Тендерлоин, а также за трудный район на Шестой авеню, названный "Цирком Сатаны", и наша юрисдикция соперничала с Нижним Ист-Сайдом за сомнительную честь быть самым криминальным районом города.

Но преступления в этих районах были тем, что я понимал. Грабежи, убийства, похищения и изнасилования могут быть жестокими и уродливыми — но преступные мотивы, стоящие за ними, всегда просты для понимания. Жадность и гнев не требовали особого анализа.

В отличие от убийства, произошедшего прошлым вечером.

- Я занимался одним делом допоздна, - сказал я, усаживаясь на деревянный стул напротив массивного дубового стола, заваленного бумагами. - Неофициально, конечно.

Малвани с удивлением посмотрел на меня.

- Это будет во всех сегодняшних газетах. Убили судью. И не просто судью, а председательствующего судью по делу Эла Дрейсона.

Малвани присвистнул.

- Ничего себе! А почему они позвали тебя? - спросил он и сам же вскинул руку. - Нет, подожди, я сам догадаюсь. В этом замешан Алистер.

- Да, - признал я.

Алистер обладал талантом вмешиваться в самые противоречивые и запутанные дела. Хотя, честно говоря, во время нашего последнего расследования серии театральных убийств именно я привлек его к тому делу. Его понимание разума преступника не имело себе равных — и этим ресурсом я научился пользоваться, когда более традиционные методы расследования терпели неудачу.

- Алистер всегда оказывается в центре какого-нибудь противоречия. Как и ты, очевидно. - Малвани и бровью не повёл. - Сегодня утром мне уже звонили два раза: один раз - от заместителя комиссара Сондерса, второй - от самого комиссара Бингема.

Я бросил на него раздраженный взгляд.

- Значит, когда я пришёл, ты уже знал об убийстве судьи. И когда ты собирался мне рассказать?

- Извини, - грустно улыбнулся Малвани. - Я хотел услышать твою версию, а не то, что говорит большое начальство. Их главная забота - угроза крупного заговора анархистов. И ты будешь работать под началом *самого́,* - он ткнул указательным пальцем вверх.

- Ты имеешь в виду Бингема? - Я не поверил своим ушам. Это была сомнительная честь, поскольку с Бингемом, как известно, было очень трудно сработаться. Но я не мог отрицать тот факт, что это была редкая возможность поработать с главным офицером города.

Малвани выразился более прямо.

- Работа с Бингемом либо поднимет тебя в должности, либо полностью разрушит карьеру - а у тебя нет выбора. У тебя уже назначена с ним встреча сегодня на час дня.

Я смотрел на Малвани, пытаясь прийти в себя.

- Я знал, что Алистер планировал сделать мое участие официальным, - тихо произнёс я, - но не так же...

Малвани усмехнулся.

- Я уверен, что у твоего профессора есть немалое влияние. Но он не виноват в твоём нынешнем затруднительном положении. Тебе нужно благодарить за это вдову судьи.

- Но вчера вечером мы с ней едва обменялись парой слов, - нахмурился я.

- Значит, ты произвел на нее неизгладимое впечатление - или Алистер заручился ее просьбой. Я так понимаю, они знакомы.

- Алистер учился в юридическом факультете вместе с судьей Джексоном. С годами они отдалились друг от друга, но их жены продолжают дружить.

- Жена Алистера? - удивился Малвани. - Я считал, что они развелись.

- Не думаю, - покачал я головой.

Я мало что знал о бывшей жене Алистера, кроме того, что она теперь постоянно жила за границей — и жила с тех пор, как три года назад их сын Тедди погиб во время археологической экспедиции в Греции.

Хотя я не был посвящен в детали, но знал, что это не было редкостью: потеря ребенка часто вызывала непоправимые размолвки между родителями. Я также подозревал, что распутный образ жизни Алистера объяснялся этим же.

- А Девятнадцатый участок будет этим заниматься? - уточнил я.

- Пока нет. Комиссар надеется, что это будет простое дело, так как судье немало угрожали — и многие угрозы исходили от известных анархистов. Он считает, что при наличии достаточного количества задействованных в расследовании людей, убийца судьи — и любой анархистский заговор — будет легко раскрыть.

- Возможно.

- Не стоит начинать это дело с несогласия с комиссаром, - раздражённо буркнул Малвани. - Заканчивай это, Зиль. Тебя беспокоит что-то из того, что ты узнал вчера вечером? Или тебя ввела в заблуждение болтовня твоего профессора?

Я улыбнулся, зная, что Малвани никогда не нравились криминологические теории Алистера.

Алистер считал, что, если мы хотим задержать преступников быстрее, — и в конечном итоге помочь им реабилитироваться - нам нужно понять, почему они поступают определённым образом. Как только мы лучше разберемся в мышлении преступника, утверждал Алистер, тогда мы будем раскрывать преступления эффективнее — и в один прекрасный день остановим их полностью.

Но для прагматичного Малвани вопрос "почему?" не имел никакого значения; главное было убедиться, что преступник не сможет нанести новый удар. И он считал, что лучше всего это достигается тюремными решетками, а не образованием и пониманием.

Когда-то я был того же мнения, что и Малвани. Но время — не говоря уже о нескольких трудных делах - научило меня важности понимания врага, с которым мы столкнулись.

Я узнал, что поведение преступников на месте преступления раскрывает важную информацию — и иногда даже с большей ясностью, чем улики в общепринятом смысле.

В двух совершенно разных случаях я использовал учение Алистера, чтобы раскрыть жестокое преступление — и если я не был истинным сторонником криминологической теории, то, по крайней мере, считал ее одним из многих ценных инструментов, имеющихся в моем распоряжении.

Я узнал, что очень немногие люди — как бы хорошо они ни были образованы — имеют правильные ответы на все вопросы. Успех зависел от формулировки этих вопросов.

А в деле судьи Джексона у меня набралась уже целая гора вопросов.

Я кратко рассказал Малвани о месте преступления в доме судьи, поделившись всеми относящимися к делу подробностями о Библии и белой розе, найденными у тела судьи.

- Кроме того, на нотном листе, найденном среди писем с угрозами, также была нарисована роза. Я думаю, Алистер тоже её видел, - сказал я, - но скрывает то, что знает. - При этих словах у меня возникло неприятное ощущение внизу живота.

Малвани фыркнул.

- Ничего нового. - Он откинулся на спинку стула, разминая пальцы. - Почему бы тебе просто не спросить Алистера о символе, нарисованном в партитуре? Я не сомневаюсь, что он найдет этому какое-нибудь причудливое объяснение. И *ты* действительно считаешь, что эта роза важна?

- Возможно. Я пока не уверен.

Он провел ладонью по короткому ёжику волос.

- Послушай, не спорю, это дело будет довольно сложным с политической точки зрения. Но в качестве дела об убийстве, оно должно быть сокращено по минимуму. Этот судья председательствовал на самом противоречивом анархистском процессе, который Нью-Йорк видел с тех пор, как был убит президент Мак-Кинли[3]. Так что не нужно копать в этом деле глубже анархистов, - с отвращением произнёс капитан. - Они приезжают в эту страну, рассказывают о насилии и кровопролитии на родине. Но если им здесь так не нравится, почему бы им не вернуться туда, откуда они пришли?

Он немного помолчал, борясь со своими эмоциями. Малвани добился всего, поднимаясь с самых низов с нелёгким грузом — у него было одиннадцать братьев и сестер и овдовевшая мать, - и он не испытывал никакой симпатии к тем, кто только сидел и ныл о тяжкой доле и не готов был работать, засучив рукава.

- Я хочу сказать, - произнёс он, наклоняясь ко мне, - чтобы ты не отвлекался на какой-нибудь причудливый символ или странную Библию, которая, как тебе кажется, имеет отношение к делу. Эти предметы были подброшены туда человеком... анархистом. И тебе просто нужно его найти.

- Я знаю, что судью убил человек; я ни на секунду не забываю об этом. Но мы оба знаем, что зачастую самое простое решение оказывается самым неправильным.

Между нами возникла неловкая пауза. Как раз прошлой весной Малвани совершил такую ошибку — и это стало причиной единственного разногласия между нами за всю нашу десятилетнюю дружбу.

[3] 6 сентября 1901 года на панамериканской выставке в Буффало президент Мак-Кинли был ранен американским анархистом Леоном Франком Чолгошем. Несмотря на своевременную операцию и первоначальное улучшение, через неделю после ранения, 14 сентября Мак-Кинли скончался от осложнений раневой инфекции.

- Послушай, Зиль, - наконец сказал он, встретившись со мной взглядом, - я позвал тебя обратно в город, чтобы ты работал со мной, потому что ты обладаешь лучшими навыками и интуицией, чем любой другой детектив, которого я знаю. Сосредоточься на реальных угрозах, которые окружали судью — и которые продолжают окружать всех нас в этом городе. - Он широко развел руками. - Они называют себя анархистами. Что же это за люди, которые ценят свои идеи больше, чем человеческую жизнь? Они готовы подложить бомбу и лишить жизни невинного ребенка?

- Я не понимаю таких людей, как Дрейсон, - сказал я. - Но ты также знаешь, что они не все такие. Помнишь Сэмюэля Лизке из старого квартала? Он присоединился к анархистским кругам, чтобы бороться с коррумпированным правительством. Он был обыкновенным человеком, который хотел улучшить условия работы.

Выражение лица Малвани смягчилось.

- Сэм - один из самых порядочных людей.

Я помнил Сэма миролюбивым идеалистом. И я знал, что его любимым оружием всегда останутся слова, а не динамит, потому что он был мечтателем, а не деятелем.

- Проблема не в их идеях, а в их жестокости и убийствах. Если их идеи забирают человеческую жизнь, - произнёс Малвани, - то к чёрту такие идеи. Они ничем не отличаются от обычных убийц. И они заслужили то, что будет дальше.

Официальный приказ будет заключаться в том, чтобы выследить всех анархистов в городе — и я это прекрасно понимал. Однако наш убийца отказался от своего любимого анархистского оружия — динамита — в пользу ножа. Вполне возможно, что он посылал судье личные угрозы, а затем оставил двусмысленные символы Библии и белой розы рядом со своей работой. Возможно, эти действия имели какое-то значение в анархистском сообществе.

Малвани был прав. Угроза дальнейшего насилия была вполне реальной.

Я поднял голову и увидел, что Малвани смотрит на меня с сочувствием.

- Ты теперь в самой гуще событий. Дай мне знать, если я могу чем-то помочь.

Я ободряюще улыбнулся.

- Такой уникальной возможности больше не предвидится, правда? - Я посмотрел на часы. - Можешь ли ты организовать мне встречу с Дрейсоном в "Гробнице" до совещания у комиссара?

Глаза Малвани расширились.

- Ты хочешь поговорить с этим ублюдком прямо сейчас?

Я молча кивнул. Люди уже подозревали его в организации убийства из тюремной камеры — и прежде чем я начну разбираться с этим делом, мне нужно было увидеть его лично. И я хотел, чтобы со мной пошёл Алистер.

Всё было организовано в считанные минуты.

Я вышел от Малвани и направился в центр города, к "Гробнице" - в недра самого ада.

ГЛАВА 4

"Гробница", Центральная улица.

10:30.

В Нью-Йорке не было места более отталкивающего, чем "Гробница" - городская тюрьма, где в одинокой подвальной камере содержался Эл Дрейсон.

Это было новое здание, построенное всего четыре года назад на том же месте, что и первоначальная тюрьма. На самом деле, с улицы она выглядела даже красиво — величественный французский замок, над которым возвышалась красивая каменная башенка.

Но для тех из нас, кто бывал внутри, даже самая причудливая внешность не имела никакого значения.

Несчастье тех, кто был заключен внутри, казалось, проникало в сами стены и становилось осязаемым — ещё прежде, чем такой посетитель, как я, входил с Центральной улицы через двадцатисантиметровую деревянную дверь, обитую железом.

Но на самом деле я ощущал не страдание, а запах немытых тел, рвоты, кала и мочи. Гнилостный запах был безошибочно узнаваем даже у самого входа.

Я вручил удостоверение и пропуск суровому охраннику, одетому во все черное. Он впустил меня, коротко кивнув и сказав лишь:

- Дженкинс вас отведёт.

Услышав его слова, с деревянного табурета поднялся, позвякивая большой связкой ключей, сгорбленный пожилой человек. Его голос был хриплым и дребезжащим.

- Идёмте.

Я последовал за ним сначала через главный зал, где содержались заключенные, осужденные за относительно незначительные преступления. "Гробница" была разделена по уровням, причем преступники размещались в соответствии с тяжестью их преступлений. Те, кто был здесь, на первом этаже, наслаждались относительным комфортом единственной дровяной печи в центре помещения. Большинство заключённых молча смотрели, как я проходил мимо — хотя с верхних уровней освистывания и крики не прекращались. Мудак. Ублюдок. Гомик.

За время моих визитов сюда я научился не обращать внимания на проклятия и обзывательства, так что слова, которые следовали за мной по коридору, были для меня пустым звуком.

А вот для чего мне нужно было собрать все силы, так это для подвала — места, отмеченного самыми жалкими условиями и предназначенного для самых мерзких преступников.

Когда я спустился по лестнице, то был ошеломлен прогорклым запахом гнили. "Гробница" была построена на болотах - наследие, из-за которого их пористый каменный фундамент находился в вечной сырости. И вот зловоние фекалий и мочи смешивалось с запахом сырости, что создавало отвратительную вонь, грозившую с каждым последующим шагом всё быстрее отправить меня в обморок.

Внутренности "Гробницы" были пригодны только для крыс - и одна из них, кстати, пробежала перед нами так близко, что Дженкинс едва не пнул ее ногой.

Дженкинс хихикнул - и от этого хриплого звука у меня по спине пробежал холодок сильнее, чем от зловонного запаха или от грызунов под ногами.

Когда мы были уже на полпути вниз, я услышал голоса из камер внизу. Алистер уже был здесь. Я попросил его дать мне пятнадцать минут наедине с Дрейсоном, прежде чем он присоединится ко мне; но я должен был догадаться, что он не дотерпит и придёт раньше.

Но когда мы с Дженкинсом добрались до нижнего этажа, оказалось, что Алистер общается вовсе не с Дрейсоном.

Алистер стоял перед камерой сухопарого мужчины с глубоко запавшими глазами. Мужчина был загипнотизирован словами Алистера — а может и самим Алистером.

Горячая ванна и несколько часов сна полностью восстановили самообладание Алистера; теперь он был одет в своей обычной безупречной манере: дорогой серый костюм из шерсти дополняло черное кашемировое пальто и пестрый шарф, а в руках у него был кожаный чемодан с латунными застёжками. Он делал пометки в блокноте в таком же кожаном переплете новой авторучкой "Уотерман" — той, что уже содержала внутри чернила.

Заключенный откровенно таращился на Алистера.

- Значит, все, что мне нужно сделать, это ответить на несколько вопросов, и вы поможете направить моё дело на новое судебное разбирательство? - недоверчиво уточнил он, но в глазах засветилась надежда.

- Я сделаю все, что смогу, - спокойно ответил Алистер. - Решение, конечно, останется за судьёй, но я могу вас заверить, что ваши доводы, по крайней мере, будут услышаны.

Заключённый издал хриплый смешок.

- Это просто причудливый способ сказать, что ты попытаешься, но ничего не гарантируешь. И всё же, это больше, чем то, что сделал в первый раз мой никчемный адвокат.

Алистер улыбнулся и что-то записал в блокнот.

- Мне лишь нужно еще раз проверить вашу историю, мистер...

- Хэйес. Роулин Хэйес.

Мужчина сжал грязными пальцами прутья решетки, отделявшей его от Алистера, и наклонился вперед.

- Спроси у любого в Файв-Поинтс[4], и тебе скажут: я не совершал никакого покушения на убийство. Потому что я никогда не пытался никого убить. - Его губы растянулись в широкой улыбке, открывшей рот, почти полностью лишенный зубов. - Если бы я захотел кого-то убить, *покушением* он бы не отделался.

Неудивительно, что он, казалось, не ел уже несколько месяцев: тюремная еда была не такой уж плохой, но у него просто-напросто не было, чем её жевать. Я не удивлюсь, если из-за плохого здоровья этот мужчина не доживёт до следующего разговора с Алистером.

Зловонный воздух и леденящая кровь сырость создавали плачевные условия жизни — такие, в которых даже здоровым людям было бы трудно выжить. А я подозревал, что Роулин Хэйес с самого начала не был воплощением здоровья.

Алистер, заметив мое присутствие, взглянул на меня и слегка кивнул, а затем снова повернулся к заключённому.

- Благодарю Вас, мистер Хэйес; обещаю, что взгляну на ваше дело.

Алистер повернулся ко мне, и даже в тусклом свете я заметила, что его щеки раскраснелись, несмотря на холод. Он был в своей стихии, почти не замечая нашего мрачного окружения - включая Дженкинса, охранника, который нависал над нами, стремясь поскорее увести нас дальше.

- Готовы двигаться дальше, мальчики? - спросил Дженкинс. - Не стоит застревать в таком месте.

По моему кивку он повел нас по коридору, который становился все темнее по мере приближения к концу. Именно здесь содержались преступники, приговоренные к одиночному заключению; в камерах без окон, за толстыми деревянными, обитыми железом дверями не было ни проблеска света, кроме слабого свечения фонаря Дженкинса.

Когда мы подошли к последней двери, Дженкинс достал большую связку ключей и, держа в левой руке толстенную дубинку, приготовился нанести удар, если потребуется, а правой открыл двойные замки на двери.

Дверь распахнулась, и мы увидели хрупкого худощавого мужчину с темной бородой и очками в проволочной оправе, одетого в стандартную тюремную серую робу. Он сидел в кресле, которое больше напоминало средневековое орудие пыток — его руки и ноги были закованы в кандалы, а грудь пересекал кожаный

[4] Файв-Пойнтс (англ. Five Points) — статистически обособленная местность, расположенная в округе Колумбия.

ремень. Я не видел такого уже много лет, но знал, что это: “смирительное кресло”, обычно приберегаемое в качестве сурового наказания за самые тяжкие преступления. Оно было настолько неудобно, что люди, прежде находившие в здравом уме, после слишком долгого пребывания в нём могли свихнуться.

На Эле Дрейсоне не было живого места. Вся левая сторона его лица и носа была покрыта коркой засохшей крови, глаз заплыл и уже не открывался. Даже при слабом освещении на его предплечьях и плечах виднелись синяки различной давности — и синие, и фиолетовые, и желтые.

Дрейсон никак не отреагировал на наше появление. Голова его склонилась вправо, но здоровый глаз оставался закрытым.

- Это неприемлемо, - резко произнёс Алистер и повернулся к Дженкинсу. Алистер всегда подвергал критике использование подобных устройств в любой тюрьме и для любого преступника - даже для такого детоубийцы, как Дрейсон. - Никакие грехи не оправдывают такое издевательство над человеком.

Глядя на Дрейсона, я должен был признать, что согласен с Алистером. Никогда не признавал тактику "око за око".

Дрейсон уже был заперт в этом зловонном месте, и его наверняка ждал электрический стул. Это само по себе уже было достаточно суровым наказанием.

Но Дженкинс только усмехнулся.

- Не надо винить нас; не мы избиваем его каждый день, а толпа снаружи. Они собираются у здания и поджидают, когда он вернется сюда из зала суда.

- И ваши люди не могут удержать их на безопасном расстоянии? - поинтересовался Алистер.

- Их не очень много. И все они ненавидят Дрейсона.

- А как же смирительное кресло? - спросил я.

Дженкинс пожал плечами:

- Вчера вечером он жаловался на свою камеру. Сказал, что ему надоело жить в собственных экскрементах, и пригрозил, что начнёт бросать в нас, тюремщиков, своё дерьмо.

Алистер выпрямился и сурово посмотрел на Дженкинса.

- Мы не можем разговаривать с ним в таком виде. Вам придется его развязать.

Дженкинс посмотрел на меня.

- Этот человек может обладать важной информацией, - сказал я. - Мы хотели бы поговорить с ним свободно, без оков. - Я закусил губу, надеясь, что поступаю правильно.

Дженкинс нахмурился, но снял висящий на стене ключ - а затем протянул его мне.

- Тогда делайте это сами. Я и пальцем не притронусь к такому подонку, как он.

Сжимая ключи в руке, я шагнул ближе к Дрейсону. Я старался дышать ртом, пытаясь избежать отвратительного запаха, исходящего от его тела. К нему не подходили уже несколько часов, и он помочился под себя — и, вероятно, не один раз. Он даже не пытался открыть глаза.

Прежде чем прикоснуться к нему, я заговорил, словно он мог меня понять.

- Меня зовут детектив Зиль, и я хочу задать вам несколько вопросов. Но сначала я собираюсь отстегнуть эти путы, начиная с того, что у вас на груди.

Я расстегнул кожаный ремень, который туго обтягивал верхнюю часть его туловища. В тот момент, как давление на грудную клетку ослабло, Дрейсон захрипел, а затем сделал несколько неровных вдохов, пытаясь наверстать то количество воздуха, которое он не мог вдохнуть раньше.

- А теперь ноги, - сказал я и наклонился, чтобы расстегнуть железные цепи у основания стула.

На какую-то долю секунды я испугался, что он ударит меня, но он просто распрямил затёкшие ноги.

- И руки. - Я обошёл вокруг кресла, наклонился и расстегнул замок на цепи, связывающей его руки.

Только я собрался встать и снова обойти его, как его жилистые пальцы сжали мою правую руку - так сильно, что я поморщился от боли. Она уже давно висела безвольно, почти бесполезная, и постоянно болела - особенно в сырости или холоде. Так было со дня катастрофы парохода "Генерал Слокам", когда я бросился спасти как можно больше жертв, и заработал травму, которая стала постоянным напоминанием о том дне. Но и без этого я не забывал о том крушении ни на секунду.

Я резко повернул голову в сторону двери. Дженкинс, похоже, оставил нас наедине с Дрейсоном, расплачиваться за нашу собственную глупость.

- Отпусти меня. - Мой голос прозвучал громко и угрожающе, и я резко ударил его левым кулаком в висок.

Дрейсон поморщился от боли, но его хватка на моей правой руке стала еще крепче. Я снова ударил его, на этот раз левым локтем.

- Кто ты такой, чтобы говорить мне, что делать? - прошипел Дрейсон.

- Я тот, кто имеет полномочия высвободить тебя из этого пыточного кресла. Но если ты сейчас же не отпустишь мою руку, я не стану за тебя заступаться.

При этих словах хватка, похожая на железные тиски, ослабла, и я высвободил свою ноющую руку и потёр её, подходя ближе к Алистеру.

Глаза Дрейсона следили за каждым моим движением, и в них я видел стальную решимость и холодный расчет.

- Ты сказал, что ты - детектив? Зачем ты здесь?

- У меня есть к тебе несколько вопросов по поводу убийства судьи Джексона.

- А он тоже детектив? - кивнул Дрейсон на Алистера.

- Он - профессор криминологии, и он помогает мне в этом деле, - ответил я.

Губы Дрейсона скривились в издевательской усмешке.

- Вот это да! Меня впервые допрашивает профессор. - Он побарабанил пальцами по колену. - А криминология интересуется моим делом - или лично мной? - обратился он к Алистеру.

- Меня интересует, *что* привлекает вас в вашем деле, - сказал Алистер, решив не обижаться. Он явно хотел заручиться поддержкой Дрейсона — как для сегодняшних целей, так и для будущих. Я знал, что вопрос “почему?” укоренился в Алистере и превращается в настоящую одержимость, если ответ ускользает.

- Если вы воспользуетесь своим влиянием для просвещения масс, - сказал Дрейсон с хитрой ухмылкой, - я отвечу на любой ваш вопрос.

- О да, - просиял Алистер. - Просвещение всегда являлось ответом практически на любой вопрос, не так ли? Я часто...

Мне пришлось его прервать. От зловонного воздуха у меня кружилась голова, и сейчас я не мог вытерпеть рассуждения Алистера.

- Во-первых, - обратился я к Дрейсону. - Мы так понимаем, ты русский?

- Да, - ответил он, - я приехал из Гданьска. Моя семья перебралась сюда, чтобы спастись от погромов — и в Америке мы попали в ад, который мог бы соперничать с тем, который, как нам казалось, мы оставили позади.

Я с трудом сглотнул и прикусил язык. Я читал об ужасах погромов, и с какой бы несправедливостью Дрейсон ни столкнулся здесь, это было ничто по сравнению с насилием, совершенным казаками. В этом я был совершенно уверен.

- По достижении совершеннолетия ты присоединился к анархистскому движению. Я полагаю, что теперь вы - вместе с мисс Голдман[5] — возглавляете их Нью-Йоркскую организацию.

Дрейсон сплюнул на пол.

- Никаких "вместе с Эммой Голдман". Лидер - я, и был им с тех пор, как слабак Беркман угодил в тюрьму. Ничьи полномочия не могут быть выше моих. Ни Багинского[6], ни Эббота[7], ни самой Голдман.

---

[5] Эмма Голдман, или Гольдман (1869 - 1940) — политическая активистка и писательница. Сыграла ключевую роль в развитии политической философии анархизма в Северной Америке и Европе в первой половине XX века.

[6] Макс Багинский (нем. Max Baginski; 1864—1943) — немецко-американский анархист, с 1894 года - главный редактор «Рабочей газеты» в Чикаго.

[7] Леонард Далтон Эбботт (1878-1953) был американским публицистом английского происхождения, политиком и вольнодумцем. Соучредитель так называемых "современных школ Феррера"; ратовал за «рационалистическое воспитание» — умственное развитие ребёнка с максимальным учётом его (её) интересов и индивидуальных особенностей.

- Какова ваша цель как их лидера? - спросил Алистер.

Я знал, что делает Алистер: прежде чем спросить Дрейсона конкретно о судье, он устанавливал взаимопонимание и поддерживал разговор, чтобы мужчине было комфортнее с нами общаться.

Дрейсон посмотрел на нас, как на сумасшедших.

- Справедливость, конечно же. Мы работаем над тем, чтобы защитить трудящихся от эксплуатации со стороны капиталистического правительства. Видите ли, - сказал он, наклонившись так близко, что я отпрянул от его отвратительного запаха, - мы все приехали в эту страну за возможностями. Мы слышали, что Америка - это страна возможностей. Но мы приехали сюда - и не нашли никакой работы. Ничего такого, что обеспечило бы нам прожиточный минимум и позволило содержать наши семьи. Поэтому каждое наше действие направлено на то, чтобы привлечь внимание общественности к бедственному положению трудящихся.

Он ударил кулаком по спинке кресла и посмотрел на нас с яростью.

- Всё, чего я хочу, - это научить людей видеть несправедливость, к которой они слепы. Поэтому мы рассказываем им о переполненных квартирах, где мы живем в отвратительных условиях. Мы открываем наши двери и позволяем Якобу Риису[8] сделать фотографии. Мы показываем другим журналистам фабрики, где мы трудимся долгие часы за недостаточную плату — в то время как капиталистическая мразь зарабатывает состояние на нашем поте. Но все это не имеет никакого эффекта. Правительство, банки и фабрики продолжают эксплуатировать нас всех. Мы делаем вид, что в Соединенных Штатах есть демократия, но только голосом обладают лишь богачи.

- Но вы же подложили бомбу, - сказал Алистер. - Вы забрали невинные жизни. Это совсем не то же самое, что просить мир обратить внимание на несправедливость, от которой вы страдаете.

Дрейсон пожал плечами:

- Не совсем так. Никто нас не слушал, поэтому мы были вынуждены перейти к следующему этапу: ограниченному нападению на худших капиталистических преступников. Таких людей, как Карнеги и Вандербильты. На этот раз это принесло мало пользы, и теперь мы должны принять ещё более безжалостные попытки - действия, которые заставят мир обратить на нас внимание.

- Что ты имеешь в виду? - уточнил я осторожно.

- Мы направили многочисленные предупреждения правительству и промышленным предприятиям, но те их проигнорировали. Мы старались быть

---

[8] Якоб Август Риис (1849 — 1914) — датско-американский фотограф, один из основателей документальной фотографии. Известен как борец с социальным неравенством, старавшийся отобразить в своих работах жизнь «низов» Нью-Йорка. Также Риис относится к пионерам фотографии, поскольку он был первым фотожурналистом, начавшим использовать вспышку.

осторожными, чтобы не причинить вред простым гражданам. Но такие мягкие методы не работают.

Он наклонился вперёд и ухмыльнулся, и я еле сдержался, чтобы не отшатнуться.

- В нашей стране полно глупых людей, детектив. Они не учатся. Если мир не начнет действовать сейчас, мы будем вынуждены пойти по этому пути без возврата.

- Это значит, что вы убьёте еще больше невинных людей, - с горечью сказал я. - Сначала, ребенка. А теперь судью Джексона.

Дрейсон сжал кулаки.

- Ребенок стал мучеником за наше дело. Но я не имел никакого отношения к убийству этого судьи, хотя он, возможно, и заслужил смерти за поддержку капиталистической политики, которая причинила нам столько проблем.

- "*Этого* судьи"? - переспросила я, и мой голос дрогнул от гнева. - Судья Джексон был *твоим* судьей. Ты смотрел на него каждый день в течение последних двух месяцев. Он был судьей, который приговорил бы тебя к смерти. Ты же сам сказал, что твоя власть в анархистском движении Нью-Йорка абсолютна. Любой из твоих последователей подчинился бы твоему приказу.

- Он умер не от моей руки. - Дрейсон улыбнулся. - Ты действительно думаешь, что смерть одного человека что-то для нас решит?

В тот момент я понял, что он будет говорить одно и то же, водить нас кругами, пока мы его слушаем. Ему нравилось разглагольствовать о своей пропаганде, и он получал извращенное удовольствие, не давая нам ни капли реальной информации.

- Расскажи нам правду о судье Джексоне, - не смог сдержаться я. - Нам нужно имя. Имя того, кто преследовал судью и убил его прошлым вечером — как раз перед тем, как твоё дело передали присяжным.

Дрейсон закрыл глаза и ничего не ответил. Несколько мгновений мы с Алистером молчали, не готовые сдаться и уйти с пустыми руками.

- Неужели вам все равно, каким вас видит мир, мистер Дрейсон? - спросил, наконец, Алистер. - Вас казнят, заклеймят как детоубийцу. Если бы вы поговорили с нами... сказали нам правду... мы могли бы помочь вам добиться чего-то лучшего.

- Мистер Синклер, - сказал Дрейсон, открывая глаза и складывая руки на груди. - Вы должны помнить: красота - в глазах смотрящего. Для угнетенных трудящихся я - Спаситель. Давид, сражающийся с капиталистическим Голиафом за права народа. Если я должен стать мучеником со стороны моих угнетателей, то что я могу сделать?

- Ничего, - с горечью ответил я. - Здесь мы явно ничего не можем сделать. - Я повернулся к Алистеру и звякнул ключами от камеры Дрейсона. - Идём. Мы провели достаточно времени в этом богом забытом месте.

И вот, несмотря на раздраженный взгляд Алистера и его очевидную готовность продолжать разговор с Элом Дрейсоном, я встал и вышел из комнаты.

* * *

Я подождал, пока мы отойдем подальше — не только от здания "Гробницы", но даже от её тени, - прежде чем спросить Алистера:

- Что думаешь?

- Он - не наш убийца. - В голосе Алистера не было ни капли сомнения.

- Но он *убийца*. И он, безусловно, выиграет от ненадлежащего судебного разбирательства, которым, вероятно, объявят этот процесс, хотя ещё пару дней назад обвинительный приговор был почти гарантирован.

- Присяжные - это джокер, и никогда не знаешь, как он себя поведёт. Но причина, по которой я убежден, что Дрейсон не играл никакой роли в убийстве судьи, кроется не в этом. Вот, - сказал он, указывая на скамейку возле небольшой зеленой лужайки напротив мэрии, - давай присядем на минутку.

Он достал из портфеля сигару и предложил мне. Я отказался, и несколько минут мы сидели в тишине, пока Алистер выпускал идеальные кольца дыма в воздух.

- Дрейсон - лидер группы интеллектуальных, рациональных людей, которые убивают во имя дела. Другими словами, гнев Эла Дрейсона всепоглощающ — но это контролируемый гнев, направленный на капиталистические мишени. А не на такого судью, как Хьюго Джексон.

- Но в половине писем, которые получал судья Джексон, его называли "капиталистическим отребьем". По-моему, очень похоже на Дрейсона.

На лице Алистера появилось задумчивое выражение.

- Верно. И я не думаю, что у Дрейсона возникли бы проблемы с убийством Хьюго, если бы это соответствовало его более крупным целям. Он сделает все, чтобы поддержать свое дело. Но, видишь ли, его дело - это то, что движет им; он не заботится об исходе своего разбирательства или даже о том, будет ли он жить или умрет. Он хочет поразить цели с наибольшими потерями для противоборствующей стороны - чтобы газеты остервенело освещали ущерб, не замолкая ни на минуту. - Алистер пожал плечами. - Убить ножом одного-единственного судью? Это не то, что сделал бы Дрейсон.

- Он пытался убить Эндрю Карнеги, - напомнил я ему.

- Карнеги - вместе со всеми присутствующими на свадьбе, - сказал Алистер. - И ему бы это удалось, если бы бомба не взорвалась раньше времени.

Мой взгляд блуждал по улице, заполненной мириадами спешащих людей. Небо над нами потемнело от грозовых туч, и все спешили добраться до места назначения, пока не хлынул дождь.

- Если судью Джексона убил не Дрейсон, то кто? У тебя есть мысли на этот счёт? - спросил я, наконец.

- Мы должны вернуться на место преступления, - произнёс Алистер. - Помнишь, преступники раскрывают себя через свои преступления. Поэтому главный вопрос не в том, "почему он убил?", а "почему он убил именно таким способом?" Зачем использовать нож? Зачем оставлять судью с рукой на Библии и белой розой рядом? Это явно означают нечто важное. Нечто личное.

- И ты ещё ничего не сказал о музыке, - заметил я.

- Ты имеешь в виду партитуру среди бумаг судьи? - озадаченно уточнил Алистер.

Я кивнул, наблюдая за его реакцией.

Алистер расхохотался и, сияя, хлопнул меня по спине.

- Бог мой, ты заметил! У тебя хороший глаз на улики, старина. А я решил, что мне придется объяснять тебе всё и убеждать в важности сей улики.

- Если это важная улика, - сказал я, - почему мы не обсудили её вчера вечером?

- А что обсуждать. Я уверен, что партитура - часть головоломки, но пока не могу понять, с какой стороны к ней подойти.

Я поднялся, поправил пальто и шляпу.

- Мне пора на встречу с комиссаром. Поговорим позже.

- Дай мне знать, что думает комиссар. Не завидую тебе: ты должен описать эту сложную совокупность доказательств и объяснить, почему Дрейсон не тот убийца, которого мы ищем.

Я недоверчиво посмотрел на него.

- Ты ждёшь, что я расскажу обо всём комиссару прямо сегодня? Да меня снимут с этого дела раньше, чем я успею им заняться.

Но Алистер лишь улыбнулся и сухо сказал:

- Если кто и сможет справиться с комиссаром, Зиль, так это ты. Я всегда восхищался твоей замечательной способностью обходить ловушки полицейской политики.

- А я всегда удивляюсь, как ты оказываешься в центре самых скандальных уголовных расследований в городе за последние несколько лет.

- Ты прав. Хотя к последнему делу меня привлекла вдова судьи. - Алистер помолчал и добавил: - Удачи с комиссаром.

Да, удача мне понадобится. Точнее, мне понадобится даже больше, чем удача, чтобы сохранить свою работу после допроса, который мне наверняка устроят

комиссар Теодор Бингем и высшее полицейское начальство, если я хотя бы намекну, что человек, которого они считают убийцей — кстати, самый ненавистный и презираемый человек в этом городе — на самом деле так же невиновен в произошедшем преступлении, как и я.

ГЛАВА 5

Полицейское управление, Малберри-Стрит, 300.

13:00.

Черный автомобиль с шофером, припаркованный перед домом номер триста по Малберри-стрит, говорил мне о том, что комиссар Теодор Бингем находится в здании. Я взбежал по каменным ступеням, вошел в полуразвалившийся вестибюль и поднялся на третий этаж.

Дверь в конференц-зал была закрыта. Я вытащил карманные часы и проверил время. Без десяти час. Я так спешил, что умудрился приехать раньше.

Большую часть третьего этажа занимала комната Бертильона — к счастью, сейчас она была пуста, так что я вошел и огляделся. Она была названа в честь европейского ученого Альфонса Бертильона, который утверждал, что преступники выглядят иначе, чем законопослушные граждане.

Хотя большинство из нас больше не верило, что размер головы мужчины или форма уха женщины что-то говорят об их склонности к преступному поведению, стандарты Бертильона для измерения и фотографирования преступников оказались полезными в качестве системы для их идентификации и каталогизации.

Теперь, как результат его наследия, преступников регулярно фотографировали при аресте - и в профиль, и в анфас в соответствии с едиными стандартами. Мы называли эти фотографии "снимками рож", и многие из них были развешаны по стенам комнаты Бертильона. На этих фотографиях, получивших название “Галерея мошенников”, были изображены самые отъявленные преступники города, начиная с Билла "Шрама" Стинзенски, который грабил и пытал своих жертв ножом, и кончая Гарри Тау, убившим архитектора Стэнфорда Уайта в мае этого года.

Конечно, Эл Дрейсон, самый известный из всех, занимал почётное центральное место.

Через пять минут я вернулся в конференц-зал, где должна была состояться сегодняшняя встреча. Теперь у дверей ждали ещё двое мужчин, подчиняясь правилу, которое было неписаным, и, тем не менее, беспрекословным: встречи с комиссаром начинались точно в срок - ни минутой раньше, ни минутой позже. Я всегда думал, что причина этому - хромая нога, вызванная ещё армейской травмой. Все его приезды и отъезды с официальных встреч тщательно спланированы, поскольку он был гордым человеком, который не хотел, чтобы мир заметил его слабость.

Мужчина с прилизанными черными волосами вытащил золотые карманные часы.

- Пора, - мрачно кивнул он. Я узнал в нем Тома Савино, серьезного и трудолюбивого человека, с которым познакомился, когда только начинал работать в Пятом участке.

Я глубоко вдохнул и вошёл, немного нервничая. Комиссар - или генерал, как он предпочитал, чтобы его называли, — и в хорошем настроении был, судя по всему, не самым лёгким человеком.

А я был единственным детективом в комнате, которого Бингем не назначил *лично*. Малвани сказал мне, что это либо разрушит мою карьеру, либо даст ей толчок к неимоверному росту. Сейчас первый вариант казался мне более вероятным.

Генерал Бингем сидел во главе массивного дубового стола, занимавшего практически всю комнату. Это был выдающийся человек с венцом седых волос по бокам лысой головы, длинными усами и пронзительными голубыми глазами за очками в проволочной оправе.

Окруженный своими заместителями и любимыми советниками, он казался чуть ли не царём в инвалидном кресле, которое было его троном.

- Чёртовы иностранцы, - произнёс один из заместителей. - Они уничтожат наш город, если мы не вмешаемся.

- Именно поэтому мы должны их остановить, - прогремел мужчина с большим животом. Я узнал в нем Большого Билла Ходжеса — офицера, которому приписывают разгром нескольких банд, включая печально известную банду Истмана.

- Да, но их слишком много, - пронзительно взвизгнул другой мужчина. - У нас бомбы бросают и грязные итальяшки, и русские евреи, - с отвращением выплюнул он.

Генерал Бингем кашлянул.

- Джентльмены, говорю вам: они ответственны за восемьдесят пять процентов преступлений в этом городе.

- Просто нужно отправить их туда, откуда они пришли, - буркнул Ходжес.

Я сел за стол рядом с Говардом Грином - еще одним офицером, которого я знал по предыдущим делам. Он поймал мой взгляд, наклонился ближе и пробормотал:

- Они будто не понимают, что говорят обо всех нас.

Том Савино, услышав это, обернулся и бросил на Грина уничижительный взгляд.

- Не говори глупостей. Мы теперь американцы.

Но это было не так. Такие люди, как Савино, могли бы отрицать этот факт, но реальность такова, что наше иммигрантское прошлое никуда от нас не делось — и слова генерала только отражали двойные стандарты нашего Департамента.

Еще не было комиссара полиции или его первого заместителя, который не был бы англичанином или ирландцем по происхождению — и я сомневался, что в ближайшие десятилетия что-то изменится. Такие люди, как Грин, Савино и я, находились здесь только благодаря усилиям президента Тедди Рузвельта, когда тот был комиссаром полиции Нью-Йорка десять лет назад: он ввел вступительный экзамен, который теперь требовался от всех новых патрульных, заменив старую систему шефства и покровительства, что основывалась на взятках, связях или и том, и другом одновременно.

Генерал Бингем тоже считал себя реформатором, но он не был Тедди Рузвельтом. Манеры генерала были грубыми, речь - резкой, и ему не хватало той уникальной смеси энтузиазма и благоразумия, которая позволила тогдашнему комиссару Рузвельту осуществить радикальные перемены.

Другие, возможно, злились, что преемники Рузвельта не сделали большего, но я уже давно решил, что обида мало что решала — и мне не хотелось тратить свои собственные усилия на то, что нельзя было изменить.

Жизнь никогда не будет одинаково благосклонна ко всем. А жертвы преступлений, с которыми я сталкивался на своей работе, часто напоминали мне, что общая цель, которую я разделял со своими коллегами, — раскрытие насильственных преступлений — была гораздо важнее, чем различия, разделявшие нас.

Худощавый сгорбленный мужчина быстрым шагом вошёл в комнату и сел рядом со мной, нервно поглядывая на карманные часы. Генерал громко обратился к нему:

- Не смогли прийти вовремя, Петрович? - он устремил ледяной взгляд на опоздавшего.

- Простите, сэр, - смущенно пробормотал мужчина.

- Сегодня утром мы заняты важным делом.

Речь генерала была отрывистой, и он почти проглатывал каждое слово. Стукнув кулаком по столу с такой силой, что его инвалидное кресло откатилось назад, по меньшей мере, на полметра, он произнёс:

- Прошлой ночью уважаемый судья — честный человек - был зверски убит в своем собственном доме. Не нужно далеко ходить, чтобы найти убедительный мотив. Судья Хьюго Джексон председательствовал на процессе Дрейсона. На самом деле, многие из вас здесь, в этой комнате, были вовлечены в дело о последствиях взрыва, в организации которого обвиняют Дрейсона.

По всей комнате разнеслись комментарии вроде "проклятые анархисты", и несколько человек закивали головой.

- Судья Джексон собирался отправить Дрейсона на электрический стул — мощный мотив для Дрейсона организовать убийство судьи из его собственной тюремной камеры. В этом я не сомневаюсь. - Комиссар сделал драматическую

паузу. - Задача для нас будет заключаться в том, чтобы выловить тех анархистских подонков, которые ему помогают.

- Выловить? - Большой Билл Ходжес приподнял бровь. - Не обижайтесь, генерал, но когда эти люди узнают, что мы их ищем, они исчезнут. Вспомните, как долго мы пытаемся арестовать Макса Багински. Он - самый опасный из них всех, а мы до сих пор не можем его поймать.

- Вот почему нам нужен другой подход, - ответил генерал, широко улыбнувшись. - И вот почему я собрал вас здесь.

Он по очереди обвёл ледяным взглядом своих синих глаз каждого из нас, но мне показалось, что на мне его взгляд слегка задержался.

Затем Бингем повернулся к сидящему слева заместителю.

- Приведите парня.

Заместитель комиссара исчез и через несколько минут вернулся с молодым человеком лет семнадцати, чьи волосы представляли собой спутанную массу соломенных кудрей. Он неуклюже встал рядом с генералом, глубоко засунув руки в карманы брюк.

- Это Оливер, - объявил генерал. - Мы завербовали его прошлым летом после взрыва, и я рад сообщить, что он успешно внедрился в группу анархистов, которые регулярно встречаются в пивной Филиппа Ру. У него есть для нас имена. - Он похлопал мальчика по спине. - Конкретные имена. И если мы не сможем найти тех, кого назвал Оливер, мы будем нацеливаться на их семьи. Мы превратим их жизнь в сплошные страдания, пока люди, которых мы ищем, не сдадутся.

Второй заместитель - высокий мужчина - обеспокоенно взглянул на начальника.

- Генерал, при всем моем уважении... я не уверен, что мы имеем на это право.

- Чушь собачья, - ответил генерал. - Вы забываете, что в этом городе закон - это *я*. Я не планирую ничего сверх того, что позволяет закон. Но мы можем поставить их под наблюдение. Они и шагу не сделают без нашего ведома. Мы не будем вмешиваться в дела бара, наблюдая издалека за его посетителями.

Бингем усмехнулся.

- Мы ударим их в самое больное место. Посмотрим, сколько посетителей захотят зайти на стаканчик пива, когда за ними так пристально наблюдают. - Генерал прищурился. - И тогда они сами выдадут нам тех, кого мы разыскиваем.

- Вы упомянули, что у вас есть имена, сэр? - тихо спросил Савино. - Люди, за которыми мы должны наблюдать?

- Не *наблюдать*, - взревел генерал. - Я хочу, чтобы вы выслеживали их, как зверей, которыми они и являются. Напиши их имена на доске, парень, и расскажи нам о них.

- Я... я не могу, - произнёс, заикаясь, Оливер.

- Совсем забыл. Ты же неграмотный. Но ты умный мальчишка, не тот глупый толстяк, которого я нанял в прошлый раз.

Оливер густо покраснел, а Билл Ходжес схватил мел и обратился к нам:

- Мы вызвали сюда четырех детективов из-за ваших связей с нашими главными подозреваемыми.

Волосы на затылке у меня тут же встали дыбом.

- Связей, сэр? - вопрос вырвался у меня прежде, чем я успел его осознать.

- Совершенно верно, детектив... Зиль, если мне не изменяет память? Каждый из вас имеет какое-то отношение к людям, которых мы разыскиваем. - Генерал повернулся и окинул меня проницательным взглядом. - Не стану отрицать, что я был раздосадован, когда вдова убитого начала настаивать, чтобы вы присоединились к моему делу. Мне плевать, кем являются её родственники; я не люблю, когда люди вмешиваются в мою работу.

- Никто и не вмешивается, сэр, - спокойно ответил я.

Он снова улыбнулся.

- Ну, иногда провидение проявляет странную заботу о нас, детектив. Теперь я осознал, что вы действительно идеально подходите для этого дела. Наш четвертый мушкетер, так сказать. Оливер все объяснит.

Я больше ничего не сказал, но настороженно посмотрел на Оливера. Я заметил, что трём детективам, присоединившимся ко мне, тоже было не по себе.

Теперь мне стало ясно, почему высшее начальство с такой готовностью согласилось на просьбу миссис Джексон привлечь меня к этому делу: мое прошлое — детство, проведенное в многоквартирных домах Нижнего Ист-Сайда, рассаднике преступников и анархистов, - вполне соответствовало их целям.

Очевидно, один из моих товарищей по детству вырос и превратился в человека, подозреваемого в этом преступлении. Я разочарованно понял, что такую возможность Малвани явно не продумал.

И все же, возможно, это было к лучшему. Мне не очень хотелось работать лично с генералом.

- Я хожу на встречи к Филиппу Ру с августа, - запинаясь, начал Оливер. - Я рассказал всем, что моя мать умерла от переутомления на фабрике, и что я хочу внести свою лепту в улучшение условий труда. Теперь я в курсе всех последних новостей, в том числе о том, когда и где запланированы собрания, и кто их возглавляет.

Он замолчал, чувствуя себя неловко в центре всеобщего внимания.

- Продолжай, - подбодрил его Ходжес.

- Радикалы, которые встречаются у Ру, много говорят о революции, о правах женщин и о свободной любви, - продолжал он, краснея от смущения. - Все они поклоняются Эмме Голдман и хотят писать для ее нового журнала "Мать Земля".

- Журнала? - усмехнулся Ходжес. - Ты же не всерьез? Ей-Богу, мы тут говорим об убийстве...

- И мы все знаем, как слова Эммы Голдман заставляют людей действовать, - прервал его генерал. - В конце концов, она вдохновила своего любовника на убийство одного из богатейших бизнесменов мира.

Я знал, что он имеет в виду Александра Беркмана, отсидевшего четырнадцать лет за попытку убийства Генри Клея Фрика. Освободился он только прошлой весной.

- Два человека, - продолжил Оливер, - являются явными лидерами. У них есть прямой доступ к самой Красной Эмме, и большинство из них и пальцем не пошевелят, не получив разрешения от одного из главарей. Так что вероятность, что судья Джексон был убит анархистами без ведома этих людей, равна нулю.

Он посмотрел на Билла Ходжеса, который стоял наготове с мелом в руке.

- Первый - Джереми Вессон, - произнёс Оливер.

Ходжес написал это имя на доске большими буквами. Мне эта фамилия ничего не говорила, но я заметил, что Говард Грин сильно вспотел.

- Кажется, это ваш кузен, детектив Грин, - сказал генерал и с притворной жалостью покачал головой. - Кто-нибудь должен когда-нибудь сделать репортаж о том, как одна половина семьи может стать порядочной, а другая - сволочной. Судя по моим наблюдениям, это случается сплошь и рядом.

- Джереми не..., - начал бормотать Говард.

Но генерал его перебил.

- Даже не пытайтесь убедить меня, что он не связан с анархистским движением. Нам виднее. У нас есть доказательства. Поэтому вместо того, чтобы пытаться защитить честь своей семьи, я хочу, чтобы вы использовали свои семейные связи, чтобы выяснить, что знает Джереми.

- Я не разговаривал с Джереми более семи лет, - произнёс, наконец, Говард без единой эмоции.

- Значит, сейчас самое подходящее время возобновить ваше общение, - в голосе генерала проскользнуло сочувствие, но тон остался деловитым. - Теперь вы один из нас, — напомнил он Говарду, на этот раз более мягко, и этот поворот фразы заставил меня задуматься, не подслушал ли он наши предыдущие комментарии. - Ваша преданность принадлежит мне. Не тем паршивым овцам, которые есть в вашей семье — а они есть у каждого из нас, - закончил он, оглядывая всех присутствующих.

Но с моей стороны он ничего не найдет — по крайней мере, теперь. Мой отец последовал за моей матерью в могилу шесть месяцев назад — и с ним же лежали

похороненными любые претензии к моей семье по поводу безответственного поведения.

На том свете никто не запретит ему играть в карты. А моя сестра была уважаемой леди в Милуоки. Больше из нашей семьи никого не осталось.

- Петрович, - сказал генерал, - вы будете помогать детективу Грину. Есть в вас что-то "анархистское", так сказать.

Петрович покраснел, но ничего не сказал. Не каждый русский еврей был анархистом, но генерала явно больше интересовали стереотипы, чем реальные факты.

Ходжес начал писать второе имя на доске — и не сразу смог разобрать его, потому что его крупная фигура полностью закрывала доску от моего взгляда.

Только слова генерала заставили меня вспомнить это имя. За последние два года я ничего о нём не слышал и даже не вспоминал. Но в тот момент, когда услышал его, я внутренне содрогнулся, настолько острым было воспоминание, которое оно вызвало.

Джонатан Струпп. *Брат Ханны.*

- Джонатан? - переспросил я пересохшими губами.

Когда я его видел последний раз, он был серьезным мальчиком в очках с проволочной оправой, который не поднимал глаз от книги.

Поскольку он был на четыре года младше Ханны, я плохо его знал. И я не поддерживал связь со Струппами с первых же недель после смерти Ханны. Конечно, это было эгоистично — но я не мог вынести печального упрека, который, как мне казалось, я видел в глазах ее матери.

"Ты был там, - казалось, говорила она мне, - *но так и не вернул её домой".*

Это было правдой: в тот день, когда пожар охватил "Слокам", я помог спасти много жизней, но не смог помочь собственной невесте. И травма, которую я все еще носил — ослабевшая правая рука, которая так и не восстановилась после неправильно вправленного перелома — была постоянным напоминанием об этой неудаче.

- Насколько я понимаю, он не был анархистом, когда вы с ним познакомились? - Губы генерала изогнулись в саркастической усмешке. - Люди меняются. Теперь он стоит у власти — и если Дрейсон нацелился на судью, то Страпп в этом непременно участвовал.

Он повернулся к Савино.

- По-моему, вы с мальчишкой Страппом были школьными товарищами. Если Зилю не повезет, я попрошу вас заняться этим вопросом.

Том Савино безрадостно кивнул, но спросил только:

- Скольких человек мы ищем?

Генерал сложил руки вместе.

- Джентльмены, я полагаю, что мы напали на след крупнейшего анархистского заговора, который когда-либо видел этот город. Мы начнем с самой верхушки, с Вессона и Страппа — и будем спускаться вниз, пока не поймаем всех приспешников, которые им помогали.

Я закашлялся. Меня поразила чудовищность того, что задумал генерал. Это будет охота на ведьм, сосредоточенная на двух мужчинах и управляемая верой в вину из-за дружбы. Он был готов арестовать кучу людей — и жестоко обращаться с семьями, которые и так уже достаточно пострадали, — ради двух человек, против которых не было абсолютно никаких веских доказательств.

- Сэр, я вырос среди многих людей, которые теперь называют себя анархистами, - сказал я. - В большинстве своём - это лишь разговоры и никаких действий.

- Сперва - возможно, детектив, - сказал генерал, мрачно глядя на меня. - Но Оливер не зря говорил про журнал "Мать Земля". Это напоминание для нас, что все гнусные поступки начинаются с чего-то мелкого. Я считаю, что они начинаются с дурных идей и пустой болтовни.

- Даже если вы в это верите, генерал, семьи этих людей ни в чем не виноваты...

- Мне плевать, - резко оборвал он меня. - Я использую все имеющиеся в моем распоряжении средства, чтобы задержать виновных.

Он снова стукнул кулаком по столу, на этот раз наклонившись так, чтобы кресло не отъехало в сторону.

- Те, кого мы разыскиваем - не люди. Они - отбросы общества, которые оскверняют все хорошее своими гнусными словами. Они убивают хороших людей - даже детей - во имя своего забытого богом дела. - Он перевёл дыхание и добавил еле слышно: - Такие люди, как Дрейсон, не заслуживают даже той защиты, что дают им законы этой прекрасной страны.

- Конечно, генерал, - сказал я со всей возможной вежливостью. - Но есть ли у вас доказательства — я имею в виду *веские* доказательства, — что Джереми Вессон и Джонатан Страпп действительно замешаны в этом деле?

Лицо Бингема покраснело от злости, и я понял, что иду по тонкой грани между моим долгом перед этим расследованием и прямым нарушением субординации.

- У меня есть все *необходимые мне* доказательства, - прорычал он. - Эти анархистские отбросы получают поддержку от своих общин - от простых граждан в пивных и салунах, в библиотеках и даже в церквях. Они все виновны, - прокричал он, стуча кулаком, - все до единого! Вот почему я посылал шпионов под прикрытием, вроде Оливера, в такие места, как пивная Джастина Шваба и Тевтонский зал Фрица Бахмана. Мальчики вроде него держат ухо востро.

Он пристально посмотрел на меня.

- Мне все равно, какие у вас связи, детектив Зиль. Я не позволю вам указывать мне, как делать мою работу. Может, нога у меня и хромая, - сказал он, постукивая по креслу, - но ум острый. Мне не просто так доверили этот город.

Я напрягся.

- Я не хочу вас оскорбить, генерал. Я только хочу подчеркнуть, что мы не должны игнорировать стандартный протокол расследования, пусть даже речь идёт и об анархистах. В конце концов, вполне возможно, что судья Джексон был убит по причинам, отличным от заговора анархистской верхушки. - Я сделал глубокий вдох и продолжил, пока Бингем меня не перебил: - На месте преступления прошлой ночью были обнаружены признаки того, что у убийцы судьи мог быть другой мотив.

- Вы хотите сказать, что это сделал не анархист? - ошеломленно пробормотал Билл Ходжес. - Суд над Дрейсоном - самое крупное событие, которое этот город видел за последние годы.

- Я не утверждаю, что это был *не* анархист, — спокойно ответил я, — но мы должны рассмотреть возможность того, что у кого-то был более личный мотив для убийства судьи. Согласен, вариант с анархистами наиболее вероятен. Возможно, многие анархисты хотели освободить Эла Дрейсона. Но только один человек хотел убить судью особым способом.

Я продолжал, подчеркивая странные элементы, которые, без сомнения, замалчивались в официальных отчетах. Я начал свою речь из-за беспокойства за Страппов, но теперь и сам верил собственным словам.

Голубые глаза генерала за стеклами очков в проволочной оправе внимательно наблюдали за мной, и хотя слова его по-прежнему звучали отрывисто, теперь в них сквозило неподдельное любопытство.

- Я понимаю вашу точку зрения. Но ни у кого нет более личного и убедительного мотива, чем у Дрейсона. Боже правый, да ведь на кону стоит его жизнь!

- Да, - спокойно ответил я, - но проблема в том, что Дрейсон не слишком дорожит собственной жизнью.

- Что вы хотите этим сказать?

- Я беседовал с ним сегодня утром, сэр. Я признаю, что разумным людям трудно это понять — но я уверен, что он готов умереть за свое дело. Фактически, он хочет стать мучеником, как он сам это называет.

- Этот город будет только рад исполнить его мечту, - буркнул генерал. - Но это не значит, что его не хотят спасти его приспешники.

- Возможно, - согласился я. - Но вы же видели отчет с места преступления, генерал, и я объяснил вам свои опасения. Вы должны признать, что типичный анархист, бросающий бомбы, не стал бы оставлять Библию или белую розу.

- Но наш информатор сообщил нам, что лично подслушал разговоры тех, кто хотел вызволить Дрейсона из тюрьмы. - Генерал одобрительно посмотрел на Оливера.

- При всем уважении, сэр, но я полагаю, что работает он у вас не бесплатно, - деликатно выразился я.

- Что? Да зачем мне..., - Оливер вскочил со стула, но генерал заставил его замолчать, положив руку на плечо мальчишки.

- Можешь идти, Оливер, - произнёс Бингем.

Оливер, спотыкаясь, вышел из комнаты, бросив на меня сердитый взгляд.

- Зачем анархисту — да и вообще кому бы то ни было - укладывать рядом с покойником Библию или розу? - поинтересовался генерал.

- Не знаю, - ответил я. - Но руку судьи положили на Библию, будто он приносил присягу. Может быть, его убийство было возмездием за то, что он нарушил одну из них?

- Вы... Да как вы смеете даже думать, что судья Джексон изменил своему долгу?! - Теперь генерал брызгал слюной от гнева. Он был одним из лучших судей Нью-Йорка, и предполагать обратное - полная глупость, с которой я...

- Генерал, правда здесь не главное. Но таковым судью видел убийца — в его собственном, изменённом взгляде на дело. - Я заметил, что генерал заметно расслабился. - С вашего позволения, сэр, я хотел бы продолжить свое расследование. Я считаю, что на месте преступления есть зацепки, которые, в конечном счете, более перспективны, чем все, что мы можем узнать, преследуя семьи двух известных лидеров анархистов.

Генерал выпрямился.

- Детектив, я обещаю вам, что мы не оставим без внимания ни одну хорошую зацепку. Но как ваш комиссар, я решил сосредоточиться на руководителях анархистов. Я верю, что они приведут нас к убийце, виновному в убийстве судьи Джексона — и намного быстрее, чем ваша тарабарщина о Библиях и белых розах.

Он помолчал несколько секунд, оглядывая меня с головы до ног.

Я ждал. Неужели он собирается отстранить меня от этого дела?

- Вы можете рассматривать любые теории, детектив, - произнёс он, наконец. - Но только в свободное от работы время. И помните, что это ваша личная инициатива.

- Конечно, генерал.

- Я буду за вами наблюдать, - с мрачной улыбкой пообещал мне Бингем. - Помогите мне раскрыть это дело - и я гарантирую вам повышение. Но если станете вмешиваться в мои приказы и оспаривать их - ждите последствий.

Ему не нужно было ничего объяснять. В лучшем случае, я снова окажусь в патруле, заполняя бумажки; в худшем - я никогда больше не буду работать полицейским. Я действительно шел по тонкой грани.

Генерал улыбнулся, разгладил усы и отпустил нас всех.

- Приступайте, джентльмены. Заставьте меня гордиться тем, что мы можем сделать, когда поставим перед собой цель. МОЯ цель - арестовать виновных в убийстве судьи в течение сорока восьми часов.

Выходя, я старался успокоиться.

"Сосредоточься на жертве", - сказал я себе.

Это также напомнило мне, что все, чем я рисковал, - как в профессиональном плане, так и в личном, - было ничто по сравнению с тем, что жертва уже потеряла.

Саму жизнь.

ГЛАВА 6

Здание «Дакота», 72-ая улица, дом 1.

15:30.

- Вы пришли как раз к свежеиспеченным булочкам с черникой, детектив, которые только что подали в музыкальную комнату к послеобеденному чаю, - миссис Меллоун преувеличенно неодобрительно фыркнула, впуская меня в дом.

Алистер, без сомнения, ел булочки не с чаем, а с чем-то более крепким — к большому огорчению пожилой седовласой женщины, служившей экономкой в квартире Алистера на восьмом этаже здания "Дакота". Более двадцати лет она следила за домом Алистера и пыталась навести порядок в его жизни — правда, с переменным успехом.

Я тепло поздоровался с ней, протягивая шляпу, шерстяной шарф и пальто. Она повесила их на вешалку, а я по ее просьбе снял туфли. Она всегда настаивала на том, что меня нужно проводить, хотя я сам прекрасно знал дорогу.

Я последовал за ней по коридору, которому позавидовал бы любой коллекционер произведений искусства: здесь были выставлены экспонаты, картины и гобелены, привезённые из многочисленных путешествий Алистера. Роскошные красные и синие турецкие ковры, изящные портреты маслом и китайские шёлковые картины всегда заставляли меня чувствовать себя так, словно я вошёл в музей, а не в чей-то частный дом.

Когда мы подошли ближе, я с удивлением услышал сердитый громкий голос Алистера:

- У нас нет права на ошибку. Слишком многое поставлено на карту!

В ответ прогремел другой, грубый и низкий, голос:

- Ты думаешь, я этого не знаю?

Я заколебался, но миссис Меллоун не замедлила шага, но специально звякнула связкой ключей, привязанной к фартуку, предупреждая о своем присутствии.

Она остановилась у открытых дверей с полированными медными ручками, которые вели в музыкальную комнату, повернулась ко мне и понимающе улыбнулась.

- К нам в гости заехал старый друг профессора. Хорошо, что вы к ним присоединитесь.

Похоже, мне предстояло сыграть роль миротворца — но куда интереснее было узнать, что Алистер так горячо обсуждал со своим гостем.

Миссис Меллоун вошла в музыкальную комнату и официально объявила о моём прибытии, добавив:

- Вам еще что-нибудь понадобится, профессор?

Я вошёл как раз вовремя, чтобы увидеть, как Алистер взял себя в руки, но безмятежное выражение, которое он изобразил на своем лице, не могло скрыть предательского румянца, вспыхнувшего на щеках. Очевидно, он какое-то время спорил со своим гостем ещё до моего прихода.

- Да, принесите нам еще одну тарелку булочек, пожалуйста, - сказал он, одарив Миссис Меллоун мальчишеской улыбкой. Затем он обратил свое внимание на меня. - Входи, старина. Рад, что ты здесь. Я хочу познакомить тебя с моим другом, Ангусом Портером. Детектив Зиль, судья Портер.

Я протянул для приветствия руку человеку, поднявшемуся мне навстречу. Судья Портер был невысоким дородным мужчиной с животом, который едва не разрывал застегнутую на все пуговицы белую рубашку. Его массивный подбородок зарос седой щетиной, что придавало мужчине несколько неухоженный вид, но карие глаза судьи светились умом.

- Ангус учился со мной на юрфаке Гарварда, - сказал Алистер. - На протяжении многих лет он поддерживал дружеские отношения с Хьюго Джексоном.

- Хьюго был благородным человеком и хорошим другом, - сказал судья Портер, снова опускаясь на мягкий зеленый диван.

- Его смерть - огромная утрата, - кивнул я.

Алистер жестом пригласил меня сесть рядом с ними, указывая на маленькую пёструю кушетку напротив судьи. Я присел, понимая, что никогда раньше не проводил много времени в музыкальной комнате Алистера.

Эта комната, в отличие от других помещений в его огромной одиннадцатикомнатной квартире, казалось, была создана именно для комфорта: мы сидели в дальней части комнаты, у окна от пола до потолка, выходящего во внутренний двор "Дакоты", среди уютных мягких диванов и стульев с резными спинками.

Переднюю часть комнаты занимал чёрный рояль "Стейнвей"; вдоль левой стены тянулись ряды книжных полок, заполненных нотами, историями и биографиями знаменитых музыкантов. На остальных стенах комнаты висели картины с изображениями различных музыкальных инструментов: от флейт и скрипок до мандолин и арф.

Тут даже стоял элегантный фонограф "Виктрола" из красного дерева, его рупор, который Алистер использовал для регулировки громкости проигрывателя, был опущен вниз: Алистер открывал его для громкой музыки, и закрывал - для приглушения звука.

Рядом с фонографом стояла полка с многочисленными пластинками и дополнительным запасом игл для их воспроизведения. Больше ни у кого я не видел такую машину — но Алистер взял за правило приобретать самые последние изобретения.

Сегодня из-за закрытых дверей доносился мягкий баритон Энрико Карузо. Я узнал его голос - это был любимый оперный певец Алистера.

- Выпьешь с нами по стаканчику хереса, Зиль? - спросил Алистер, когда я положил себе на тарелку булочку. Он добавил лед в бокалы и наполнил их бледно-янтарной жидкостью. - "Харвис Бристоль Крим". - Он удовлетворённо вдохнул божественный аромат. - В отличие от других сортов хереса, его лучше всего пить охлажденным, со льдом.

- Нет, спасибо. Мне предстоит еще одна долгая ночь.
Я был бы не против бокала любимого хереса Алистера, но мне нужно было быть трезвым перед сегодняшним визитом к Страппам.

Алистер сделал глоток из своего стакана, а затем налил мне чашку горячего чая, который миссис Меллоун принесла вместе с булочками.

- Тогда перейдём сразу к делу. Я пригласил сегодня Ангуса, потому что он очень хорошо знал Хьюго Джексона. Фактически он был доверенным лицом Хьюго в вопросах, связанных с процессом Дрейсона.

Следуя за ходом мыслей Алистера, я повернулся к судье Портеру.

- В чём именно судье Джексону понадобился ваш совет?

- Он хотел убедиться, что поступает справедливо. - Судья Портер развел руками. - С делом Дрейсона было непросто. Хьюго старался быть беспристрастным, но он ненавидел Дрейсона. И дело было не только в поступках Дрейсона - убийстве невинных людей, и особенно ребенка. - Он доверительно наклонился к нам. - Хьюго снились кошмары, потому что он считал, что Дрейсон ему угрожал.

- Угрожал? - удивлённо приподнял я брови.

Судья задумчиво кивнул.

- Какие бы показания ни давали на суде, кого бы ни допрашивали, Дрейсон не сводил глаз с судьи Джексона. Хьюго это чрезвычайно тревожило. Ему даже начали сниться эти глаза, следящие за ним из-за очков в проволочной оправе.

Я вполне мог себе это представить. Я вспомнил из утреннего допроса в "Гробнице", что у Дрейсона был очень пронизывающий взгляд — казалось, он видел тебя насквозь, прожигая в теле дыру.

- У него были другие причины полагать, что Дрейсон желал причинить ему вред? - уточнил я.

Судья покачал головой.

- Нет. По крайней мере, не физически. Он был уверен, что таким образом Дрейсон хочет вывести его из равновесия.

- Дрейсон общался с кем-нибудь в зале суда?

Судья пожал плечами.

- Сам Дрейсон первым ни с кем не заговаривал. Но его возлюбленная пыталась передать ему сообщения. Судья перехватил несколько из них: любовные записки, ничего зловещего.

Я отставил чашку с чаем и достал из нагрудного кармана маленький блокнот в кожаном переплете и карандаш.

- Я и не знал, что он влюблен в какую-то девушку. Вы в курсе, как ее зовут?

- Конечно. - В его глазах промелькнуло веселье. - Её зовут Китайская Роза.

- Полагаю, это не настоящее имя.

- Нет, её настоящее имя - Го Мей Лин.

- Где я могу её найти?

- Она работает в китайском ресторане своих родителей на Мотт-стрит.

- Не знаете, как давно они знакомы?

Губы судьи изогнулись в улыбке.

- Вы меня переоцениваете. Я просто повторяю то, что мне говорил Хьюго о нарушениях в зале суда.

- Значит, больше ничего существенного он не упоминал?

- Только о толпе, которая собиралась каждое утро на улице. Больше половины горожан надеялись разорвать Дрейсона на куски. Остальные были анархистами, болтающими о реформах и правах трудящихся. Эмоции переполняли здание суда каждый день, и если бы ваши полицейские в центре города не поддерживали порядок, толпы людей разорвали бы друг друга на части.

Я уже слышал подобные слова от коллег-патрульных.

До этого момента Алистер сидел на диване, просматривая свои личные записи, но теперь присоединился к нашей беседе.

- А как насчет предыдущих случаев? - спросил он. - Известно ли тебе о каком-либо другом недавнем деле Хьюго, кроме дела Дрейсона, которое могло бы заставить кого-то желать судье зла?

- Определённо, нет, - в голосе судьи Портера прозвучал вызов.

- Другие анархисты? - поинтересовался я.

- Мне он об этом не говорил, - ответил судья.

- Тем не менее, мы должны проверить недавний список судебных разбирательств судьи Джексона. - Я посмотрел на Алистера. - Я могу получить его по официальным каналам, но будет быстрее, если ты попросишь миссис Джексон.

- Конечно, - кивнул Алистер.

Судья Портер нетерпеливо отодвинул бокал с хересом.

- Ты хотел поговорить о символах...

- Да, мы к этому еще вернемся, - прервал его Алистер. - Но сначала позвольте мне быстро поделиться с вами двумя результатами вскрытия судьи Джексона.

- Как ты смог...? - я запнулся на полуслове. Очевидно, причиной была дружба Алистера с миссис Джексон, что он мне сразу же и подтвердил.

- Конечно, вдова судьи захотела, чтобы я одним из первым ознакомился с результатами, - сказал он, передавая мне пачку бумаг через кофейный столик. - Заключение коронера подтверждает моё предположение.

- Какое именно? - уточнил я.

- Что убийца судьи Джексона - в высшей степени умный и организованный человек, и все его действия тщательно продуманы.

- И всё это указано в отчете о вскрытии? - я побарабанил пальцами по бумаге.

Алистер улыбнулся.

- Не так многословно. Но если ты посмотришь на записи, сделанные коронером, то поймешь мою точку зрения: наш убийца точно знал, что делал.

Я просмотрел отчет, сосредоточившись на наиболее важных моментах. Судья Хьюго Джексон умер от потери крови после того, как ему перерезали горло от уха до уха. Разрез был длиной двадцать два с половиной сантиметра и достаточно глубоким, чтобы перерезать обе сонные артерии и яремную вену.

Алистер был прав: в отчете отмечалось, что рана была нанесена таким образом, что смерть наступила почти сразу. Голова судьи была наклонена к груди, что облегчало доступ сразу к обоим крупным сосудам. Непрофессионал же запрокинул бы голову своей жертвы назад, чтобы подставить шею под удар ножа — но при этом рискуя, что нож не заденет главные артерии. Подсунув нож под наклонённую вперед шею жертвы, убийца продемонстрировал уверенность и знания. Но ведь для такого необходима недюжинная сила?

Я пролистал еще несколько страниц, но там больше не было ничего существенного.

- Либо убийца был достаточно силен, чтобы удержать судью Джексона, либо застал его врасплох.

- Я тоже так считаю, - кивнул Алистер. - В любом случае, все было тщательно спланировано.

- И он хотел убить судью быстро и окончательно, - добавил я. - Не хотел растягивать процесс и заставлять его мучиться.

- И что нам это даёт? - Ангус отмахнулся от отчета, который я ему протянул. - Все ваши разговоры о том, как хорошо этот убийца спланировал свое преступление, ни на шаг не приближают вас к раскрытию дела.

- Именно поэтому ты нам и нужен, Ангус. - Затем Алистер повернулся ко мне и добавил: - Я пригласил сюда сегодня судью Портера, потому что он - опытный символист.

- Символист? - я вопросительно посмотрел на них обоих.

- Это мое хобби, - усмехнулся Ангус, - ещё со времен учебы в колледже. - Они с Алистером обменялись взглядами. - Это стало результатом моих занятий греческим языком, потому что греческие буквы часто используются в качестве символов. Постепенно я начал понимать, что всё вокруг нас - символы, и мой интерес распространился на все формы символизма. - Он пожал плечами. - Полагаю, мне нравится разгадывать тайный смысл посланий.

- Полагаю, символы на месте преступления являются ключом к установлению личности убийцы судьи Джексона, - сказал Алистер. - Видишь ли, в выборе метода и способа убийства преступник показал себя образцом рационального мышления: он вошёл и вышел из дома судьи незамеченным и расправился со своей жертвой быстро, без единого звука.

Он помолчал, переводя взгляд с Ангуса на меня.

- Такое поведение полностью противоречит тому, что мы видим, когда рассматриваем символы, которые он оставил. Он рисковал драгоценным временем, которое мог бы использовать для побега, решив оставить белую розу и приложив усилие, чтобы положить левую руку судьи на Библию. Возникает вопрос: почему эти символы так важны?

Я пожал плечами.

- Библия может означать кучу вещей... как мы можем определить одно значение из множества возможных?

- Потому что в контексте произошедшего смысл будет иметь лишь одно значение, - объяснил судья. - Убийца Хьюго использовал не один символ, а два, и это нам на руку: значит, их можно связать воедино.

- Судья Джексон был верующим? - поинтересовался я.

- Он почти каждое воскресенье ходил с женой в церковь, - слегка улыбнулся судья. - Для него была важна религиозная принадлежность.

- Значит, ему нравилось посещать церковь и общаться с прихожанами, - подытожил я.

- Думаю, вы правильно уловили мою мысль, - кивнул судья Портер. - Он был "социально религиозен".

Я положил себе еще одну булочку.

- Тогда маловероятно, что Библия намекает на личные верования судьи Джексона?

- *Весьма* маловероятно, - решительно ответил Ангус Портер.

- Итак, мы вернулись к тому, с чего начали: Библия означает что-то в его профессиональной жизни. Каждый раз, когда он принимал присягу у свидетелей на суде, он приказывал им поднять правую руку вверх, а левую положить на Библию. Я прав? - я посмотрел на обоих собеседников, ожидая ответа.

- Правы, - кивнул судья.

- И Хьюго принес бы присягу точно таким же образом, - добавил Алистер, - подтвердив свою преданность закону и приверженность его соблюдению.

- Вы знаете, как звучала бы его клятва? - уточнил я.

- Я и сам приносил такую всего через два года после того, как Хьюго вступил в суд, - добродушно произнёс судья Портер и процитировал по памяти: - "Я, Ангус Джервис Портер, торжественно клянусь, что буду осуществлять правосудие, подчиняясь только закону, быть беспристрастным и справедливым и предоставлять равные права бедным и богатым; и я буду добросовестно исполнять все обязанности, возложенные на меня Конституцией и штатом Нью-Йорк. И да поможет мне Бог".

- И именно левая рука судьи лежала на Библии, верно? Как будто он сам приносил присягу? - Я изо всех сил старался подражать этому жесту, пытаясь скопировать то, что видел из раза в раз в залах суда.

Судья Портер подскочил и попытался возразить, но замолчал, когда Алистер бросил на него суровый взгляд - и я не смог промолчать.

- Что такое? - спросил я судью.

Судья кашлянул.

- По-моему, это чересчур. То, что рука Хьюго оказалась на Библии, еще не значит, что убийца сделал это преднамеренно.

Алистер ответил более дипломатично:

- Я знаю, что у тебя есть сомнения, Ангус. Но мне нужно, чтобы ты мне поверил: ничто из того, что мы обнаруживаем на месте преступления, подобном убийству судьи Джексона, не является случайным. - Он снова повернулся ко мне. - Да, левая рука судьи лежала на Библии, как будто он приносил присягу. И именно это, как я полагаю, имел в виду убийца.

- Значит, ты полагаешь, что убийца намекает на... некоторое аннулирование судебных обязанностей? - уточнил я.

Ангус резко меня перебил:

- Никто не может обвинить Хьюго в том, что он пренебрег своим долгом! Напротив, он был одним из самых уважаемых членов суда, которых когда-либо видел этот город!

- Никто этого и не отрицает, - сказал Алистер. - Помни, что мы обсуждаем собственную ошибочную точку зрения убийцы, а не мнение здравомыслящего человека.

Судья еще немного поворчал, но, похоже, успокоился.

- Не забывайте: даже если мы считаем, что убийца Хьюго имел в виду присягу судьи, есть еще один важный символ, который мы еще не обсуждали. - Он

наклонился вперед и посмотрел нам обоим в глаза. - Я имею в виду, конечно, rosa alba. Белую розу. Вы сказали, что она лежала на столе судьи рядом с его трупом.

Я согласно кивнул.

- Если предположить, что её оставил убийца Хьюго, то это крайне важно. Уточню, однако, - есть ли шанс, что Хьюго мог принести её сам, в качестве подарка для своей жены? - Судья посмотрел сначала на Алистера, потом на меня.

Здравый смысл подсказывал мне, что это маловероятно.

- В таком случае разве он не отдал бы ее жене сразу же, как только вернулся домой? Вряд ли он стал бы медлить.

Я еще не упоминал об этом вслух, но не мог избавиться от мыслей о символе розы, который появился в музыкальной партитуре.

- Ангус, - мягко упрекнул его Алистер, - ты лучше всех знаешь, что означает белая роза.

Ангус побледнел, и на мгновение мне показалось, что ему стало плохо.

- Налей мне ещё, - попросил он, протягивая стакан.

Алистер налил еще хереса, почти опустошив стеклянный графин, а Ангус тем временем то открывал, то закрывал рот, будто он пытался что-то сказать, но не мог. Затем он сделал большой глоток вина, собрался с духом и начал объяснять:

- Сама по себе роза - это цветок, который символисты на протяжении веков наделяли множеством значений. Но из всех роз именно белая роза наделена самым сложным значением. Простые значения - это те, которые вы и так знаете: чистота и невинность.

- Как у невесты, - произнёс Алистер.

Ангус кивнул.

- Именно. Она также может быть символом памяти или чести. Белые розы часто приносят на похороны.

- Значит, наша роза может быть знамением смерти, как на похоронах. Ничего больше. - Я перевел взгляд с Алистера на Ангуса, наблюдая за их реакцией. Оба выглядели неудовлетворенными.

- Конечно, может, - сказал Алистер. - Но учитывая, что убийца так хорошо спланировал убийство, факт, что он включил розу в место преступления...

- Говорит о том, что она значит нечто большее, - закончил я фразу.

Алистер кивнул.

Ангус глубоко вздохнул.

- Одна из моих самых любимых историй, связанных с белой розой, происходит из греческой мифологии. Афродита подарила белую розу своему сыну Эросу, а

тот, в свою очередь, подарил ее Гарпократу, Богу молчания, в награду за то, что тот скрыл ее опрометчивый поступок[9].

- И это снова указывает нам на совершение некого проступка, - заметил я.

Ангус энергично кивнул в знак согласия.

- Именно.

Символы начинали приобретать для меня некоторый смысл, особенно когда я думал о Библии как о символе присяги судьи.

- Просто чтобы убедиться, что мы ничего не упустили: возможно ли, что роза символизирует другой вид религии? Как розенкрейцеров, например, - поинтересовался Алистер.

- Кто такие розенкрейцеры? Какое-то тайное общество? - уточнил я.

Ангус хмыкнул.

- Моя сестра - практикующий врач. Точнее, была им. Она попалась на их обещания тайного знания. Они верят, что их последователи могут открыть секреты всего - от реинкарнации до астральной проекции! - Он снова засмеялся. - Затем она влилась в еще более странное движение — спиритизм — и теперь целыми днями пытается общаться с нашей покойной мамой. Полная чепуха, уверяю вас. - Он громко кашлянул. - И нет, я не думаю, что эта роза связана с розенкрейцерами. Их символ розы всегда вплетен в крест.

Некоторое время мы сидели молча, обдумывая сказанное.

Я повернулся к Алистеру.

- Ты упоминал что-то о белой розе во время Войны Роз - о том, что она давалась каждому, кто нарушал свою клятву, как предзнаменование смерти.

- Да. Я имел в виду выражение "Sub rosa[10]": смерть тому, кто под покровом тайны розы предаст свою клятву, - ответил он.

Ангус строго посмотрел на нас обоих.

- И это снова приводит нас к мысли о преданной клятве. Но это символическое значение передано нам литераторами, а не историками. *Sub rosa* - это легенда, а следовательно, не обязательно правда.

- А разве имеет значение, откуда появляется значение символа? - спросил я.

---

[9] Согласно греческой мифологии, Гарпократ склонил Афродиту к любовной связи. Чтобы купить его молчание, сын Афродиты - Эрос - подарил ему белую розу.

[10] *Sub rosa* — латинское крылатое выражение. Дословно переводится "под розой". Розу как символ молчания древние римляне часто вешали над столом во время пиршеств в знак того, что о сказанном под розой, во время застолья, следует молчать, где бы то ни было. Впоследствии, в средние века, с той же самой целью она изображалась на потолке комнат, где проходили важные, секретные совещания, встречи, переговоры, а также в решётке католической исповедальни.

- Полагаю, что нет. - Ангус откинулся назад, и рубашка туго натянулась на его животе. - Вы помните, что война Алой и Белой Розы была гражданской войной за британский трон, в которой потомки Эдуарда III, или дома Йорков, сражались против потомков Генриха IV, или дома Ланкастеров. Гораздо позже писатели эпохи Возрождения, такие как Шекспир, изображали аристократов, выбирающих сторону, срывавшими белую или красную розу из сада. Белая представляла дом Йорков, а красная - дом Ланкастеров.

Алистер просиял.

- "Что разгорелся здесь... В борьбе меж розой алою и белой, заставит сотни душ покинуть тело...". Это же шекспировский "Генрих VI"!

Я с трудом сглотнул, заставляя себя следить за их беседой. Трудно было не чувствовать себя совершенно не в своей тарелке — ведь моя короткая учеба в Колумбийском университете дала мне очень мало знаний, которые эти мужчины принимали как должное.

Я хотел получить образование, думая, что оно гарантирует мне жизнь, отличную от той, которую я знал в детстве. Но когда вмешались семейные обязательства, мне пришлось отказаться от этих планов.

- Дело было не только в выборе сторон, - добавил Ангус. - Тех, кто предавал свой дом, будь то Йорк или Ланкастер, считали предателями и предавали смерти. Но, согласно легенде, они всегда сначала получали справедливое предупреждение: вручение одной белой розы.

- Значит, судья, по мнению убийцы, мог быть предателем: его должны были казнить за то, что он нарушил свою присягу, - сказал я.

- Думаю, да. Клятва на Библии косвенно призывает Бога в качестве свидетеля, чтобы судить и мстить за нас, если человек, принимающий клятву, не останется верным своему слову, - сказал Алистер.

- Значит, судья был предателем — но по какой причине? - спросил я. - Раньше мы говорили о его долге перед законом. Но что, если его убийца думает о другом долге? Меня поражает тот факт, что речь идет о целом ряде закрытых обществ, мало чем отличающихся от анархистов — от розенкрейцеров до членов Дома Йорков.

Ангус сурово посмотрел на меня.

- Я бы не стал заходить так далеко. Анархисты не похожи ни на одну другую группу. У них нет позитивных целей. Они хотят свергнуть церковь и государство - словом, все, что пытались создать добрые и трудолюбивые люди.

- Только потому, что они чувствуют, что к ним никогда не будут относиться справедливо, как в настоящее время и происходит в нашем обществе, - ответил я. - Я понимаю, почему кто-то из их сторонников может поверить, что судья нарушил некий высший долг по отношению к рабочему человеку вообще или к подсудимым в зале суда в частности.

- Осторожнее, Зиль, - сказал Алистер, подмигивая, - а то я начинаю думать, что ты стал последователем анархистов.

- Едва ли, - улыбнулся я в ответ. - Но это не значит, что я не понимаю и даже не сочувствую источнику их недовольства. - И моя улыбка исчезла, когда я снова вспомнил сегодняшнюю утреннюю встречу с комиссаром.

- Если образы предательства — и особенно предательства клятвы — постоянно ассоциируются с белой розой, - продолжал я, - то это соответствует тому, как убийца положил руку судьи на Библию. Но есть ли в этом что-нибудь, что поможет нам установить личность убийцы судьи?

- Мы должны посмотреть на оставшуюся часть головоломки, - абсолютно трезво ответил Алистер. - Зиль, я знаю, что ты тоже это заметил: символ белой розы, который был вставлен в музыкальную партитуру, которую мы нашли среди бумаг судьи. Ты принес её с собой?

Я кивнул, а судья Портер чуть не подавился булочкой, которую ел.

- Алистер, ты ничего не говорил о музыкальном символе.

- Зато говорю сейчас, - произнёс Алистер, когда я передал копию партитуры судье. - Это не музыкальный символ как таковой. Скорее всего, белая роза заменяет символ басового ключа в последней строке на странице.

Судья несколько мгновений смотрел на партитуру, а потом поднял её высоко вверх, к свету. Наконец, он с ворчанием положил лист бумаги на кофейный столик Алистера.

Когда он заговорил, его голос был хриплым.

- Когда Хьюго получил это письмо?

- Оно было среди писем, доставленных в тот же день, когда судья был убит, - ответил я. - Вы знаете, что это значит?

Алистер покачал головой.

- Хьюго, как и все, ценил прекрасную музыку, но играл только на пианино. Я не могу себе представить, почему кто-то послал ему музыкальную партитуру. - Он забрал копию партитуры и пересек комнату, направляясь к пианино. - Жаль, что здесь нет Изабеллы. Она играет гораздо лучше меня.

Пригласить её было достаточно просто, потому что она жила напротив — в той же квартире, которую занимала с тех пор, как вышла замуж за сына Алистера. Но Алистер сел на стул, открыл крышку пианино и начал перебирать пальцами клавиши.

Теперь мне стало ясно, почему Алистер выбрал для сегодняшней встречи именно эту комнату, а не библиотеку, которая, с ее потрясающим видом на Центральный парк, обычно была его любимой. Закончив играть партитуру, он повернулся к нам лицом.

- Ну, что? - Он выжидающе посмотрел на меня.

Я пожал плечами.

- Неплохая мелодия, но ничего примечательного или запоминающегося.

Судья на несколько мгновений погрузился в глубокое раздумье.

- Ты сыграл ее целиком, - сказал он, наконец, - и мне она ничего не напомнила. Давай попробуем что-нибудь еще: ты можешь сыграть лишь ту часть, где вместо басового ключа появляется белая роза?

- Хорошо. - Алистер развернулся обратно к пианино и начал проговаривать ноты вслух: - Ля бемоль, ми, ми, ми диез, соль, ми, до...

- Разве в этом есть какой-то ритм? - перебил его Ангус.

На лице Алистера промелькнуло раздражение.

- Я играю в точности так, как написано. Это просто набор нот.

- Можешь сыграть ещё раз? - попросил судья.

Алистер пожал плечами и снова сыграл ноты, стараясь следовать их ритму. Это нисколько не улучшило мелодию.

- Беспорядочный ритм заставляет меня думать, что мелодия здесь не имеет значения, - произнёс судья, размышляя вслух. - У тебя есть чистый лист бумаги? - Затем, осушив бокал хереса, он начал что-то рисовать на кофейном столике. Мы с Алистером озадаченно наблюдали, пока Ангус, наконец, не откинулся назад с самодовольным видом.

- Это нотный шифр, - произнёс он.

- Что? - переспросил я.

- Шифр - это код, который скрывает секретное сообщение, - терпеливо объяснил он. - В частности, автор этого кода, — он постучал указательным пальцем по нотной записи, - использовал код Порта, где ноты представляют собой буквы алфавита.

У Алистера загорелись глаза:

- Джованни делла Порта?

- Кого? - удивлённо спросил я.

Ответил мне Ангус:

- Порта был человеком эпохи Возрождения; у него было много интересов, но наиболее широко он прославился благодаря собственному коду. Он широко использовался в течение всего восемнадцатого века и позже был адаптирован другими шифровальщиками. Большинство музыкантов знали о нем; многие забавлялись, используя его для тайной связи друг с другом. Полагаю, в этом есть смысл, - добавил он, сверкнув глазами. - В конце концов, многие верят, что музыка - это единый, истинный универсальный язык. Шуман написал свой "Карнавал", основываясь на шифре, а Брамс и Бах вложили имена в свою музыку. Но я отвлекся…

Он нарисовал на новом чистом листе бумаги нотный стан.

- Видите ли, в шифре Порта каждая нота имеет алфавитную корреляцию. Таким образом, значение половинной ноты "ля бемоль - до" соответствует букве алфавита А. Но "ля диез - до" означает букву Х. И так продолжается до тех пор, пока вы не достигнете "ми диез"... затем вы опускаетесь на один ряд к четвертным нотам. Снова доходите до "ля бемоль", который на этот раз обозначает Я...

- Так, давай разберемся, что это значит. - Алистер наклонился, делая какие-то пометки на листе бумаги.

Ангус кивнул. Я не смог понять странного выражения, с которым он ответил на взгляд Алистера. Мне казалось, что они поняли что-то, что ускользнуло от меня.

Алистер закончил и развернул лист так, чтобы мы с судьёй могли прочитать написанное.

- Я всё правильно сделал? - уточнил он.

- Правильно, - кивнул судья, а затем прочел вслух все сообщение целиком. - *"Леруа отомщён".*

- Леруа отомщён..., - эхом отозвался я, а затем посмотрел на Алистера и судью. - Но Эл Дрейсон никогда не был известен под именем Леруа, не так ли?

Судья покачал головой.

- Насколько мне известно, нет. Но нам стоит перепроверить его второе имя, а также любые прозвища, под которыми он может быть известен.

- Теперь список прошлых дел судьи представляет для нас ещё большую важность, - сказал я. - Но если всё правильно...

Судья прервал меня:

- Все правильно. Я в этом уверен.

- Значит, мы только что нашли мотив убийцы, - сказал я.

Идентифицировать самого убийцу, конечно, будет гораздо сложнее. Но имя "Леруа" было ключом к этому делу - если, конечно, эту подсказку не подбросили нам намеренно, чтобы сбить с пути.

Судья Хьюго Джексон каким-то образом ранил человека по имени Леруа. Кто такой этот Леруа? И какой человек в жизни Леруа хотел, чтобы причинённое зло — не важно, было оно реальным или мнимым — было отмщено? Хотел настолько, что был готов убить.

Судя по выбору времени, это имя должно быть связано с Дрейсоном. В конце концов, убийца нанес удар накануне суда присяжных над Дрейсоном.

И хотя это могло оказаться простым совпадением, я был согласен с Алистером: мало что на этом месте преступления можно охарактеризовать как “совпадение". Между Элом Дрейсоном и Леруа, упомянутым в музыкальном

шифре, должна быть какая-то связь - какая-то неизвестная пока связь, которая приведет нас к убийце судьи Джексона.

А учитывая нежелание комиссара Бингема и Департамента полиции принимать какие-либо версии, которые не нанесли бы ущерба подпольной анархистской организации, раскрытие этой связи ложилось исключительно на мои плечи.

ГЛАВА 7

Здание «Дакота», 72-ая улица, дом 1.

18:00.

- Что происходит? И почему никто из вас не одет к ужину?

У меня перехватило дыхание, когда я поднял глаза и увидел стоящую в дверях Изабеллу — в желтом платье, с каштановыми волосами, уложенными к вечеру. Ее карие глаза сверкали, когда она рассматривала нас всех.

Увидев свою невестку, Алистер заметно расслабился и подошел к ней с извиняющейся улыбкой.

- Прости, Изабелла. Мы были так поглощены обсуждением, что я совсем забыл об ужине.

На ее лице отразилось разочарование, хотя глаза остались теплыми, когда она приветствовала сначала меня, а потом Ангуса Портера. Может быть, она с нетерпением ждала совместного ужина — или расстроилась из-за того, что ее исключили из дискуссии? Я был уверен, что дело в последнем.

Алистер вытащил карманные часы и нахмурился.

- Уже перевалило за шесть. Нам с Ангусом еще нужно кое-что обсудить; я попрошу миссис Меллоун подать нам ужин сюда. - Он повернулся ко мне. - Зиль, почему бы тебе не отвести Изабеллу на ужин и не посвятить ее в это дело? Если хотите, можете взять мой автомобиль.

Застигнутый врасплох этим неожиданным проявлением великодушия, я вопросительно посмотрел на Алистера. Мало того, что он предложил мне воспользоваться своим самым ценным имуществом — автомобилем "Форд" образца 1905 года, - я также знал, что он относился к моей дружбе с Изабеллой с немалой долей подозрительности.

- Алистер, - сказал я, - ты же знаешь, что я никогда раньше не водил автомобиль.

Выражение его лица оставалось невозмутимым.

- Ты довольно часто наблюдал за мной. Это совсем не трудно.

- Нет, спасибо. Нас вполне устроит такси.

Я много раз был пассажиром в автомобиле Алистера, но я понимал, что мне не хватит его умения ориентироваться на дорогах, заполненных конными экипажами, тележками и пешеходами. Не говоря уже о том, как терпеливо он заводил мотор каждый раз, когда тот с шипением останавливался.

Я коротко попрощалась с судьей Портером, а Алистер повел Изабеллу по коридору. Как будто он как можно быстрее хотел от нас избавиться — и мне было интересно, что он хотел обсудить с судьей наедине?

Со времени нашего первого совместного дела в прошлом году я узнал, что Алистер часто бывает не слишком откровенен; но на самом деле, это была привычка скрывать информацию, которую он не считал относящейся к делу — и не важно, что по этому поводу считал я.

С другой стороны, я не хотел судить Алистера слишком поспешно. Он и Ангус Портер были школьными товарищами Хьюго Джексона; возможно, им действительно стоит посидеть наедине, предаваясь воспоминаниям о своем друге.

- Вот, - прошептал мне на прощание Алистер, протягивая небольшой пакет. - Это копии писем, которые Го Мей Лин написала Элу Дрейсону. Я подумал, что ты захочешь просмотреть их за ужином.

- И откуда они у тебя? - поинтересовался я.

- Связи, друг мой, связи, - ответил он с загадочной улыбкой.

- И почему ты не упомянул об этом раньше? - я спрятал письма в саквояж.

Алистер пожал плечами.

- Не думаю, что Ангусу нужно об этом знать. Приятного вечера.

* * *

Как только мы сели в такси, направлявшееся в центр города, и я дал водителю адрес Чайнатауна, Изабелла повернулась ко мне с улыбкой.

- Мы едем в "Мон Лэй Вон", Саймон?

Я покачал головой. Она говорила про ресторан, который мы часто посещали с Алистером в прошлом; его называли "Китайским Дельмонико", потому что, как говорили, китайская еда там была не хуже, чем европейская - в его нью-йоркском тёзке.

- Сегодня я решил выбраться в менее модный китайский ресторан. У нас там встреча с женщиной.

Изабелла искоса на меня посмотрела.

- Мы договорились поужинать всего пятнадцать минут назад.

- А я и не говорю, что эта женщина нас ожидает.

- Тогда тебе лучше поскорее ввести меня в курс последнего дела и объяснить, каким боком в нём замешана эта женщина, — парировала Изабелла, вцепившись в сиденье, когда наше такси резко дернулось вправо.

Я рассказывал ей, что произошло, пока такси быстро несло нас в центр города, по булыжникам, покрытым грязью, - и кто знает, чем еще, - обгоняя другие автомобили, тележки и повозки, запряженные лошадьми, забрызгивая грязью тех несчастных пешеходов, которые подходили слишком близко.

Изабелла всё схватывала на лету, поэтому сразу сообразила, как Алистер втянул меня в это дело — с участием известного судьи, противоречивым судебным процессом и местом преступления, испещренным символами. А после всех подробностей я вернулся к Китайской Розе и нашей сегодняшней цели.

- Ее зовут Го Мей Лин, - сказал я, следуя китайской традиции ставить фамилию на первое место. - Она также известна как "Китайская Роза" - и, очевидно, является возлюбленной Эла Дрейсона. Она каждый день приходила на заседания суда и пыталась передать ему любовные письма. Я только что получил копии нескольких из них. - Я указал на коричневый саквояж у своих ног.

- И ты думаешь, что она каким-то образом причастна к убийству судьи Джексона? - поинтересовалась Изабелла.

- Учитывая время совершения убийства и дурную славу процесса Дрейсона, вполне вероятно, что в нем замешан анархист. Если не она сама - то, возможно, знает, кто это сделал.

На лице Изабеллы появилось недоуменное выражение.

- Интересно, почему о ней никогда не писали в газетах? Я следила за процессом и читала новости, как и все остальные; Дрейсона поносили все, от Херста и Пулитцера до Окса. Я была уверена, что, по крайней мере, жёлтая пресса подхватит эту историю. - Она повернулась ко мне и рассмеялась. - Это ведь был бы идеальный заголовок для разгромной статьи: "Дьявол и его китайская любовница"!

Она была права.

- Даже не знаю, - пожал я плечами. - Может, потому, что она китаянка?

- А Эмма Голдман - русская, но о ней пишут постоянно. - Изабелла упрямо вскинула подбородок.

- А ещё она - известная анархистка.

- Но ты ведь и Китайскую Розу считаешь замешанной в этом убийстве. Или всё дело в том, что она не настолько известна?

Я сдался, смеясь.

- Ты права — у меня нет ответа на этот вопрос. Возможно, полиция попросила газетчиков не писать слишком много и не подогревать ненависть, потому что поняла, что сдерживать толпу во время суда - задание не из лёгких. Может быть, журналистам даже пообещали "эксклюзивную информацию" после окончания процесса, если во время оного они будут помалкивать.

Изабелла внимательно посмотрела на меня.

- Тебя беспокоит что-то еще. Ты морщишь лоб, как и всегда, когда у тебя в голове что-то не сходится.

Я кивнул, и её губы дрогнули в улыбке. Она слишком хорошо меня знала.

- Вполне возможно, что судью убили только ради того, чтобы сорвать почти верный приговор Дрейсону, - признал я. - Но из-за символов, найденных на месте преступления — и сообщения "Леруа отомщён" - я полагаю, что убийца мог быть мотивирован чем-то из прошлого судьи, и процесс Дрейсона вывел это на поверхность.

Такси резко остановилось; мы добрались до места назначения - пересечения Баярд-стрит и Мотт-стрит.

- Другими словами, ты считаешь, что убийство судьи - не просто помощь Дрейсону от его друзей-анархистов?

- Именно. Идём. - Я расплатился с таксистом и помог Изабелле выйти из автомобиля. - Продолжим разговор за ужином.

Как только мы оказались на тротуаре, я на мгновение остановился, чтобы вдохнуть неповторимый запах Чайнатауна.

В этот вечер запах рыбы со множества рынков смешивался с резким ароматом табачных киосков и чайных лавок.

Их ароматы были настолько сильны, что обычно маскировали запахи, исходящие от массы людей вокруг нас — от потных рабочих, возвращающихся домой, до надушенных женщин, направляющихся в ресторан.

Вокруг нас стоял ужасный гам: люди кричали на всех языках: мандаринском и кантонском диалектах, смешанных с корейским, японским и английским. Сам я умел разговаривать лишь на своём родном языке, однако, если прислушивался, мог различать по интонациям другие диалекты.

Мы вышли на улицу и очутились в живом человеческом море.

Мимо нас проходили китайские прачки с узлами чистой одежды на головах; женщины толкали нас корзинами, наполненными мясом и овощами; молодые люди пробирались в двери салунов; а случайные патрульные во время вечерних обходов делали вид, что следят за порядком, останавливаясь только, чтобы поговорить с лавочниками.

- Хотите экскурсию? Всего пятнадцать центов за полчаса. - К нам подошел мужчина-экскурсовод. - Я отведу вас в ресторан с самой экзотической кухней.

- Нет, спасибо, - сказал я, беря Изабеллу за руку. Мне не нужен был проводник; я хорошо знал этот район, благодаря тому, что провел детство всего в нескольких кварталах к северу отсюда.

А во время частых отлучек моего отца, Ники Скарпетта - грубоватый владелец салуна за углом на Пелл-стрит - выполнял своего рода роль отчима - помогал моей матери, когда не хватало денег на аренду, и заботился обо мне. Но ценить я это начал гораздо позже, когда уже вырос.

Мы продолжили путь по Мотт-стрит, миновав несколько китайских ресторанов, конкурировавших за бизнес в этом квартале: "Империал", "Порт-Артур" и "Тукседо".

- Что мы ищем, Саймон? - Изабелла сжала мою руку, когда корзина с рыбой - казалось, подвешенная в воздухе, настолько крошечным был несший её человек - материализовалась из ниоткуда и врезалась в нее.

- "Красный фонарь", вот, он уже виден. - Я указал на желтый навес, на котором были изображены китайские иероглифы рядом с рисунком простого фонаря на красном флаге.

Я притянул Изабеллу поближе, чтобы она не столкнулась с шатающимся мужчиной, который, без сомнения, провёл слишком много часов в одном из опиумных притонов или салунов Чайнатауна.

Некоторые из них рекламировались открыто; другие можно было найти только в верхних комнатах некоторых ресторанов, скрытых от общего взгляда. Их наличие принесло респектабельным китайским ресторанам по всему городу плохую репутацию.

Жители Нью-Йорка ассоциировали китайские рестораны с этими сомнительными заведениями, но на самом деле большинство связанных с опиумом посетителей и владельцев были ирландцами, англичанами, немцами или русскими. Кем угодно, только не китайцами.

В конце концов, мы добрались до угла, где в витрине "Красного фонаря" висело меню. Поднялись на две ступеньки, вошли через красные занавески, которые служили дверью, и тут же нас встретила хорошенькая миниатюрная женщина в синем шелковом ханьфу.

- Ni hao ma[11]? - поинтересовалась она с вежливой улыбкой. - Добрый вечер.

- Hen hao, xie xie[12]. Столик на двоих, пожалуйста.

- Конечно.

Вторая улыбка была более широкой, открыв желтые зубы, которые разрушили первое приятное впечатление. Возможно, она была большой любительницей чая или табака, или и того, и другого.

Мы последовали за ней в маленькое помещение, заполненное до отказа; она подвела нас к единственному свободному столику в глубине зала. Остальные посетители перестали есть и уставились на нас, потому что мы были единственными не китайскими посетителями в зале, а Изабелла — единственной женщиной, не считая пожилой дамы, обедавшей со своим сыном.

Когда мы уселись за маленький деревянный столик в глубине зала, женщина снова обратилась к нам:

---

[11] Ni hao ma (кит.) - Как у вас дела?

[12] Hen hao, xie xie (кит.) - Всё отлично, спасибо.

- У нас есть только меню на китайском языке. Вы читаете по-китайски?

- Yī dian[13], - ответил я на одном из диалектов и по выражению лица китаянки понял, что даже в этих трёх слогах совершил пару ошибок. Я знал лишь несколько иероглифов, и в меню мог только отличить блюда из риса от лапши, не больше.

- Тогда я вам помогу, - кивнула женщина.

- Мей Лин! - донёсся голос из кухни, а за ним последовали несколько слов по-китайски.

- Прошу прощения, - пробормотала она. - Одну минуту.

Как только она отошла достаточно далеко, Изабелла наклонилась ко мне и прошептала:

- По-моему, она не похожа на анархистку.

Я мог только пожать плечами. Бертильон, возможно, и ошибался, утверждая, что преступники отличаются от законопослушных граждан чертами внешности, но в одном он был прав: мы все склонны ожидать, что преступник будет выглядеть как злодей. Таков базовый человеческий инстинкт — и я вспомнил, как только сегодня утром искал в глазах Эла Дрейсона признаки зла. Разумеется, их там не было. Худшее зло было невидимо; оно спало в сердцах и умах.

Мы подождали несколько минут, но Мей Лин не возвращалась.

- Если мы не станем заказывать что-то экзотическое, то высоки шансы, что нам понравится, - предложила Изабелла.

Мы остановили свой выбор на чайничке зелёного чая, жареном омаре с рисом и овощной лапше с салатом из бок-чой. Я жестом подозвал официанта, представившегося Чарли, и он записал наш выбор в маленьком блокнотике.

Я продолжал высматривать Мей Лин, пока разговаривал с Изабеллой, объясняя ей свои опасения по поводу этого дела, включая главную дилемму, с которой я столкнулся: как лучше всего справиться с невыполнимым требованием генерала Бингема? Как мне следить за братом Ханны и оказывать давление на свою семью Страпп?

- До сегодняшнего утра я с генералом никогда не встречался, - объяснил я. - У него репутация человека слишком прямолинейного и никогда никого не слушающего. Но я не воспринимал эти рассказы всерьез: все работники считают, что их начальство знает меньше, чем они сами, - усмехнулся я.

- А теперь ты с ними согласен: ты не доверяешь комиссару.

- Его подход абсолютно неверен, - сказал я, потянувшись за чайником, и налил чая Изабелле и себе. - Генерал - военный человек, который думает, что может бульдозером проложить себе быстрый путь сквозь все проблемы. Но люди,

[13] Yi dian (кит. искажённый) - Немного.

особенно вовлеченные в расследование, плохо реагируют на приказы или грубую силу. Гораздо лучше попытаться аргументированно убедить их в своей правоте.

Изабелла, как и всегда, была предельно пряма:

- У комиссара один подход, у тебя - другой. Это заставляет меня задаться вопросом: ты действительно против самого комиссара? - спросила она между глотками чая. - Или ты просто ищешь предлог, чтобы избежать встречи с семьей Страпп?

- И то и другое, - признался я. - Методы генерала могут насторожить наших подозреваемых — и если они залягут на дно, то наше расследование обречено. Но ты права: у меня нет ни малейшего желания встречаться с кем-либо из Страппов, тем более обсуждать участие Джонатана в анархистской деятельности. - Я на мгновение замолчал. - Не то чтобы есть какая-то особая причина избегать их. Просто эту связь я для себя закрыл и предпочёл бы больше не открывать.

Изабелла молча ждала, пока я продолжу.

- Я не верю, что Джонатан имеет какое-то отношение к смерти судьи. Какую бы руководящую должность он сейчас ни занимал, он не мог быть анархистом слишком долго. Прошло чуть больше двух лет с тех пор, как я видел его в последний раз. А если я прав, человек, причастный к убийству судьи Джексона, таит злобу очень долгое время.

- Два года - это очень долго. - Изабелла бросила на меня многозначительный взгляд и подлила себе ещё чая. - Достаточно долго, чтобы люди изменились. Ты раньше был с Джонатаном близок?

- Нет. В те годы он был робким, замкнутым мальчиком, интересовался книгами и научными экспериментами и надеялся получить стипендию в колледже, как и я. Но этого не случилось, и он пошел работать к отцу.

Еду нам принесли горячей и исходящей паром. Пока официант расставлял тарелки, мы с Изабеллой умолкли — и я заметил, что вернулась Мей Лин. Она здоровалась с клиентами, подавала им напитки и управлялась с кассовым аппаратом.

- А как насчет мистера и миссис Страпп? - поинтересовалась Изабелла.

Я постарался удобно перехватить китайские палочки, но они, похоже, плохо сочетались с омаром и рисом.

- В самом начале я с ними прекрасно ладил. Они приняли меня, когда я был студентом Колумбийского университета и собирался стать адвокатом. Но когда бросил учебу и поступил в полицию, они забеспокоились. - Я скорчил гримасу. - Видишь ли, полицейские получают стабильный и надежный доход, но существует потенциальный риск для жизни и здоровья на рабочем месте. А поскольку большая часть моего заработка уходила на содержание матери и сестры, они, по-моему, отчаялись, что я когда-нибудь смогу жениться на их дочери. Я понимал их и не винил за это; они просто заботились об интересах Ханны.

- Как давно ты видел их последний раз?

- Через несколько недель после похорон Ханны, - признался я, с трудом подбирая слова. - Это было слишком трудно... и я только всё усложнял. Я чувствовал, что они обвиняют меня в том, что я её не спас, - тихо добавил я.

Изабелла мгновение задумчиво смотрела на меня.

Наконец она заговорила:

- Думаю, ты должен увидеться с ними, Саймон. Потому что это правильно, а не только потому, что так приказал комиссар. - Ее карие глаза смотрели прямо на меня. - Если ты не пойдешь, комиссар пошлет к Страппам кого-нибудь другого. И его следующий кандидат вряд ли будет так же деликатен к их проблемам, как ты. - Она сделала глубокий вдох. - И тебе это тоже пойдет на пользу.

Изабелла была права: это нужно сделать. Но я бы многое отдал, чтобы избежать этой задачи.

Вечер близился к завершению, и в "Красном фонаре" осталась лишь горстка посетителей. Чарли, наш официант, принес счет и десерт из карамболы.

- Когда юная леди освободится, не могли бы вы попросить ее поговорить с нами? - Я протянул официанту три доллара, которые должны были покрыть наш обед.

Он вскинул брови, но согласно кивнул.

Я окинул взглядом остальных посетителей. В обычных обстоятельствах я бы предпочел поговорить с Мей Лин в более уединенном месте, но, как оказалось, люди за соседними столиками недостаточно хорошо говорят по-английски, чтобы подслушивать наш разговор.

Спустя несколько минут к нашему столику подошла Мей Лин и подозрительно на нас посмотрела.

- Вам понравился ужин? - выдавила она улыбку.

- Понравился. M Goi[14]. Благодарю вас, - произнёс я на кантонском диалекте, надеясь, что не очень исказил слова и тем самым не оскорбил Мей Лин. - Я надеюсь, вы сможете помочь нам с другим делом. Полагаю, вы - Го Мей Лин, также известная как "Китайская Роза"?

У девушки удивлённо расширились глаза, но она ничего не ответила.

Я представился и сам и представил Изабеллу, объяснив, что мы расследуем убийство судьи Джексона.

Она ответила пустым взглядом. Если бы всего несколько минут назад мы не говорили с ней абсолютно свободно, я решил бы, что она не понимает по-английски.

- Мы ищем его убийцу, и нам нужна ваша помощь, - повторил я.

[14] M Goi (кит.) - Спасибо.

- Вы нашли не ту девушку, детектив, - наконец произнесла она с вызовом. - Я работаю здесь. - Она обвела рукой обклеенную красными обоями комнату. - Уже многие месяцы, вместе со своими родителями. Я ничего не знаю о мертвом судье.

- Возможно, - осторожно кивнул я, - однако вы нашли время посетить одно из последних его заседаний - суд над Александром Дрейсоном.

Она нахмурилась и снова замолчала.

- Как вы познакомились с Элом Дрейсоном?

- Я не сделала ничего плохого. Я не обязана с вами разговаривать. - Она отодвинула стул и встала.

Я сунул руку в саквояж и медленно вытащил копии писем, которые она написала Дрейсону и пыталась вручить ему на суде.

- Полиция знает все о письмах, которые вы пытались отправить Элу Дрейсону, - произнёс я дружелюбно. - Меня послали поговорить с вами, но если вы откажетесь, они пришлют других. Вероятно, они поставят перед рестораном патруль, а на допрос придут целым отрядом. Согласитесь, это не очень поспособствует вашему бизнесу.

Мей Лин побледнела, вцепившись в спинку стула.

- Мои родители ничего не знают о Дрейсоне.

- Я верю, что вы говорите правду. Нас интересуете только вы - и ваша связь с Дрейсоном.

Девушка молчала, глубоко задумавшись.

- Нам просто нужно, чтобы вы ответили на несколько простых вопросов, - вмешалась Изабелла, очаровательно улыбнувшись.

Мей Лин окинула Изабеллу внимательным взглядом. И опустилась на краешек стула.

- Когда вы познакомились с Элом Дрейсоном? - спросила Изабелла.

- В прошлом году, - неохотно ответила Мей Лин. - Он обедал в нашем ресторане. Пригласил меня на встречу.

- В Чайнатауне проводится не так уж много анархистских собраний, - мягко заметил я.

Девушка кивнула.

- Наши люди слишком заняты. Все здесь, - сказала она, указывая на ресторан, - много работают и проводят долгие дни в ресторанах и прачечных. И ради чего? Даже другие иммигранты ненавидят нас. Они говорят, что мы все ничего не делаем, потому что китайцы работают за бесценок. Но у нас нет выбора. Нам нужна работа, чтобы выжить.

В голосе девушки была слышна горечь. Она достала портсигар.

- У вас нет зажигалки?

Я покачал головой, но Чарли, который наблюдал за нашим разговором с другого конца комнаты, вышел вперед с коробком спичек. Затем он отошёл обратно, но суть была ясна: он присматривает за Мей Лин.

Девушка глубоко затянулась, наслаждаясь дымом, и заговорила снова:

- Ваше правительство ограничивает нас практически во всём. Оно издаёт законы, по которым мы, женщины, не можем въехать в вашу страну. Поэтому здесь в большинстве своём работают мужчины, а не женщины. Из-за Акта об исключении китайцев. Неудивительно, что мужчины находят некитаянок. У моего брата жена-ирландка и рыжеволосый сын.

Она усмехнулась, снова показав пожелтевшие зубы.

- Поэтому вы присоединились к анархистам? - спросила Изабелла. - Чтобы улучшить положение китайской общины?

Мей Лин энергично закивала.

- Да. Точно так же, как итальянцы, русские и немцы. Они тоже упорно трудятся, чтобы улучшить жизнь своих людей.

- А затем ваши отношения с Элом Дрейсоном стали носить более личный характер. Он доверял вам, - мягко сказала Изабелла. - Нам сказали, что вы пытались передать ему письма во время суда. Любовные письма, я полагаю.

Услышав это, китаянка рассмеялась — громче, чем я ожидал от женщины ее миниатюрных размеров.

- Так все и должны были подумать. Дрейсон бы гордился.

- А что еще мы должны были думать? - поинтересовался я.

Она пожала плечами.

- Я не писала этих писем. Только доставляла их.

Теперь я слушал очень внимательно.

- А кто их вам передал? - уточнила Изабелла.

- Понятия не имею. Они приходят сюда, в ресторан, в коробках с партиями юэбинов. Все записки, полученные вечером, я доставляю в суд утром - точнее, пытаюсь доставить.

- Кто давал вам инструкции? - спросил я. Очевидно, если Мей Лин говорила правду, то она была всего лишь курьершей; подлинный интерес вызывал анархист, наставлявший ее.

- Мистер Страпп, - ответила она.

Джонатан. Брат Ханны.

- И что он вам сказал?

- Я ведь уже повторила, - пожала девушка плечами. - Он сказал, что письма, которые приходят в юэбинах, нужно на следующий день относить в суд.

Так был ли Джонатан тем, кого я искал? Или он - просто еще один участник большого заговора? В любом случае, теперь у меня не было выбора: мне нужно было сегодня же вечером навестить Страппов.

Изабелла на время отвлеклась, читая записки, затем повернулась ко мне и нахмурилась.

- Ты уже читал их, Саймон?

- Не очень внимательно, - признался я.

- Все эти дефисы, - сказала она. - В словах есть какой-то смысл, но складываются они очень странно. Смотри.

Она протянула мне письмо, и я прочитал:

"Увы, тайна-страсть-наша, родной-мой обожаемый. Одним-глазком-хоть-увидеть хочу-тебя-иначе разлетится-она-прахом. Сгораю-в-пламени и гибну".

- Вы понимали, что доставляли? - спросил я Мей Лин.

- Я понимала всё, что мне нужно понимать, - с загадочной улыбкой произнесла она.

Этот ответ ничего не значил. Я попытался надавить на неё, напоминая, что удовлетворит меня только её полное сотрудничество.

- Иначе они пришлют кого-нибудь другого.

Ее ноздри раздулись от гнева, но она наконец ответила:

- Это шифр. Это все, что я знаю.

Изабелла нахмурилась.

- Дай мне ещё раз взглянуть на письма. Я всегда неплохо разгадывала ребусы, - улыбнулась она мне и вооружилась карандашом.

- Вы знаете, о чём в них говорится? - спросил я Мей Лин.

Она покачала головой, но почти в ту же секунду Изабелла подняла глаза и торжествующе подняла палец.

- Получилось! Это один из самых простых шифров. У тебя есть чистый лист бумаги?

Я кивнул и вытащил из саквояжа записную книжку.

- Это так называемый "нулевой шифр", — сказала она, - потому что зашифрованные буквы не видны - они замаскированы дефисами. Но посмотри: они просто пытаются сказать Дрейсону, что контрабандой протащат ему сигареты.

Я снова всмотрелся в письмо.

- Так какой здесь код?

- Первая буква каждого слова, - ответила Изабелла. - И тогда послание превращается из любовных бредней полуграмотного человека в нечто совсем иное. Видишь?

Я ещё взглянул на надпись:

"Увы, тайна-страсть-наша, родной-мой обожаемый. Одним-глазком-хоть-увидеть хочу-тебя-иначе разлетится-она-прахом. Сгораю-в-пламени и гибну".

Изабелла записала результат и с довольной улыбкой развернула к нам листок.

"Утро. Охр. Сиг."

- Вы пытались предупредить его, что утром охранник передаст ему подарок, - произнесла Изабелла.

Мей Лин кивнула.

- Но зачем это было нужно? Он бы все равно достал сигареты, - с любопытством сказала Изабелла.

В глазах Мэй Лин промелькнула насмешка.

- Эти послания были отличной подготовкой к тому дню, когда мы пошлём действительно важное сообщение. Если власти не заметят в этих любовных письмах ничего особенного, то... Вы понимаете...

Она замолчала, но мы прекрасно поняли ее мысль. Менее важные сообщения прокладывали путь для *настоящего* сообщения.

Вспомнив свою собственную стычку с Дрейсоном, я добавил:

- Кроме того, сомневаюсь, что Эл Дрейсон сотрудничал бы с охраной. А это сообщение сгладило бы его взаимодействие со стражником.

И ещё одна мысль не давала мне покоя:

- Почему именно вы?

- Возможно, я просто глупая китаянка, которая не умеет хорошо писать, - невозмутимо ответила Мей Лин. - Чего еще от меня можно ожидать, верно?

Теперь я все понял.

- Люди решат, что вы не образованы. Они не станут задаваться вопросом, почему там столько дефисов. Но, тем не менее, Дрейсон так и не получил ваших сообщений, - сказал я.

Китаянка пожала плечами.

- Он был невезучим.

- И все же вы сочувствуете ему... одобряете то, что он сделал? - осторожно спросил я.

Во взгляде девушки промелькнула злость, и она смяла недокуренную сигарету в блюдце.

- Я не люблю насилия. Никто не любит, - вскинула она подбородок. - Но люди не слушают нас. Возможно, они обратят внимание на наши требования, когда станут нас бояться.

- Вы знали о заговоре с целью убийства судьи Джексона? - поинтересовался я.

Мей Лин посмотрела на меня очень серьёзно.

- Я не знаю ни одного человека, кто планировал бы убийство судьи. Зачем?

- Это могло нарушить ход судебного разбирательства и освободить Дрейсона — или, по крайней мере, продлить его жизнь, отложив свидание с палачом.

- Но это больше не имеет значения. Его дело сделано.

Теперь я был искренне озадачен.

- Вы думаете, даже если он выживет, то больше ничего не сможет сделать? Разве он не один из вас и не полезен для вашего дела?

Китаянка пожала плечами.

- Не больше, чем любой другой. Его место займёт следующий. Дрейсон не такой уж и особенный.

- Возможно, другие думают иначе, - заметил я, внимательно наблюдая за ее реакцией.

- Возможно, - уклончиво ответила девушка. - Но зачем тратить силы на одного-единственного человека?

Кто-то крикнул из кухни на китайском.

Мей Лин вздохнула.

- Мне нужно идти. Я ответила на ваши вопросы, детектив?

- Пока - да, - ответил я и поблагодарил ее за потраченное время. - Если вы что-нибудь вспомните или услышите, пожалуйста, дайте мне знать. - Я протянул ей свою карточку с номером телефона Девятнадцатого участка, зная, что она никогда не позвонит.

* * *

- Ты ей веришь? - поинтересовалась Изабелла, как только мы вышли на улицу, и за нами захлопнулась дверь ресторана.

- Сложный вопрос.

Я повел ее по людным тротуарам в сторону Канал-стрит, где мы с большим успехом могли бы найти такси.

- То, что она нам рассказала, вполне логично, и все же я думаю, что она вполне способна сочинить хорошую историю. Но надо отдать ей должное: именно потому, что девушка кажется умной, я думаю, что она не рассказала бы нам о

зашифрованных сообщениях Дрейсону, если бы действительно была причастна к убийству судьи. И если бы она знала о музыкальном шифре на месте убийства, то никогда бы не призналась, что писала какой-то шифр.

- И, тем не менее, это совпадение может указывать на кого-то из членов анархистской организации.

- Именно. В этом и состоит прочная связь между анархистами и судьей: за убийством стоит тот же человек, что и за созданием кода.

Мы продолжали двигаться на север по Мотт-стрит, обходя мусор, который был просто свален на тротуар. Улица казалась более пустынной, чем обычно; из-за холода уличные торговые киоски, которые обычно выстраивались вдоль улицы, были уже закрыты.

- Ты не возражаешь, если я проеду с тобой только полдороги? - спросил я.

- Всё в порядке, Саймон. Ты хочешь поскорее разобраться с разговором со Страппами. Я понимаю. - На короткое мгновение она накрыла мою ладонь своей рукой, затянутой в перчатку.

Мы остановили проезжавшее такси, я помог Изабелле сесть, и она разложила свою пышную юбку на сиденье, освобождая мне место рядом с собой.

- Впереди в Бауэри проходит демонстрация рабочих, движение перекрыли, - крикнул нам водитель. - Придётся ехать в объезд.

Я заверил его, что все в порядке, и он повернул на восток, к реке, а затем свернул на север по Первой авеню.

За несколько следующих кварталов район ухудшился: салуны и игорные притоны Бауэри уступали место кварталу заброшенных зданий и уличных попрошаек - в большинстве своём, простых мальчишек лет восьми-девяти.

Такси подъехало к Третьей улице, и мы оказались в "Маленькой Германии[15]" — месте одновременно чужом и странно знакомом.

Изабелла пристально смотрела в окно. Потом она повернулась ко мне и заговорила так, словно читала мои мысли.

- Это твой бывший район, Саймон?

- Да, бывший, - сухо кивнул я. Это было словно в другой жизни.

Теперь этот район стал городом-призраком, потому что большинство выживших сделали то же, что и я - сбежали отсюда. Большинство отправилось в Верхний Ист-Сайд, другие - в Асторию или Бронкс.

Школы и магазины, которые я помнил, теперь были закрыты, и хотя на их место постоянно - пусть и медленно - появлялись новые дети и торговцы, окрестности не выглядели прежними.

[15] Маленькая Германия — бывший немецкий иммигрантский район в окрестностях нынешних Нижнего Ист-Сайда и Ист-Виллиджа в Нью-Йорке.

Я помнил каждый дом. Мы миновали здание, где жил Эндрю Стил с женой и четырьмя детьми; он покончил с собой после того, как его семья погибла на борту "Слокама". На Пятой улице жили Фельцки и Хартунги; "Слокам" уничтожил и эти семьи.

И тут я увидел дом номер 120 по Первой авеню. Это был один из самых обветшалых домов на улице, где я вырос — и напоминание об огромной пропасти, которая отделяла меня от Изабеллы; пропасть классовая и пропасть в воспитании, которая казалась непреодолимой.

Мой бывший дом представлял собой коричневую коробку - самую простую, кирпичную, не отмеченную никакими примечательными деталями. В этот вечер его почти не было видно из-за огромного количества белья, которое соединяло окна противоположных зданий.

Я наклонился к водителю.

- Не могли бы вы остановиться здесь?

Изабелла повернулась ко мне с сочувственным выражением лица.

- Я могу взглянуть?

- Конечно, - я ободряюще ей улыбнулся. - Только не сегодня.

Я вышел из такси и заплатил водителю достаточно денег, чтобы тот отвез Изабеллу домой. Я приподнял шляпу и, когда таксист тронулся, перешел на другую сторону Первой авеню к моему бывшему дому. Я посмотрел на окно пятого этажа, выходящее на улицу. Это была наша квартира - на пятом этаже, в самом дешёвом углу. В трех комнатах - задней, передней и кухне - мы жили вчетвером, хотя на самом деле нас было трое, потому что мой отец редко появлялся дома.

Моя мать приложила все усилия, чтобы украсить квартиру. Она разложила на всех полках кружевные салфетки и выставила новую посуду. Выкрасила стены нашей задней комнаты в зеленый цвет, а в гостиной поклеила красные обои с орнаментом.

Но все эти яркие цвета и салфеточки не скрывали самой бедности. Мне удалось избежать всего этого — и у меня не было ни малейшего желания возвращаться сюда даже на самые мимолетные мгновения.

Но сегодня я должен был это сделать.

Дом Ханны стоял рядом с моим и был только чуть-чуть менее ветхим и заброшенным. Глубоко вздохнув, я собрался с духом, вошел в двери и поднялся по узкой деревянной лестнице, пропахшей мочой. На третьем этаже я повернул к квартире Страппов - номер 3С.

"Возможно, они переехали", - подумал я на мгновение. Но нет — я почувствовал запах свежезапечёной грудинки, которая была фирменным блюдом миссис Страпп.

Я должен был это сделать. Оттягивание ничего не решит.

Я постучал в дверь.

Спустя несколько секунд, которые показались мне вечностью, дверь открылась. Передо мной стояла миниатюрная женщина ростом не выше ста шестидесяти сантиметров. Ее черные как смоль волосы, теперь сильно тронутые сединой, были туго стянуты в пучок, а оливковая кожа была морщинистой от возраста и переживаний.

Она открыла рот — и вдруг в ее глазах мелькнуло узнавание.

- Саймон, - вздохнула она с облегчением. - Ты пришёл!

И прежде чем я успел сказать хоть слово, она заключила меня в объятия.

ГЛАВА 8

Первая авеню, дом 120, квартира 3С.

20:30.

Гостиная была такой же, какой я ее помнил: от стены до стены заставленной покосившейся мебелью и пахнущей говядиной с картошкой.

Я провел здесь столько чудесных вечеров с Ханной и Страппами - моей тогдашней новой семьей, - что мог бы описать эту квартиру с закрытыми глазами. Со времени моего последнего визита сюда два года назад ничего не изменилось.

Хотя... Всё вокруг стало менее разнообразным, а мебель - более потертой, чем я помнил. Я гадал, что изменилось больше: эта квартира на третьем этаже, которая была центром моей жизни всего несколько коротких лет назад — или я сам, когда оставил позади такое существование.

Страппы никогда особенно не хвастались материальными благами. Отец Ханны, владелец аптеки на углу Девятой улицы и Первой авеню, был слишком добрым человеком, чтобы вести успешный бизнес. Он из месяца в месяц мог отдавать соседям лекарства в кредит, и в результате некоторые из них пользовались его добросердечием и вообще не платили.

"Вам лекарства нужны больше, чем мне - деньги", — говорил он своим пожилым клиентам, хотя миссис Страпп вполголоса жаловалась: *“Можно подумать, мы занимаемся благотворительностью, а не держим аптеку”*.

Я настолько окунулся в прошлое, что не сразу осознал, что со мной разговаривает миссис Страпп.

- Садись, садись, - захлопотала она.

Я подчинился, неловко улыбнувшись и усаживаясь на продавленный оранжевый диван, покрытый пятнами.

- Я только что сварила картофельный суп. Попробуй.

Она просияла в предвкушении. Картофельный суп-пюре всегда был ее фирменным блюдом, и она гордилась его ровной, гомогенной консистенцией.

- Я только что поужинал, - ответил я, качая головой. Но когда в её глазах промелькнуло разочарование, я добавил: - Но маленькую тарелочку съем. Я еще не забыл, какой у вас вкусный суп.

Она снова расплылась в улыбке и бросилась в маленькую кухню слева от комнаты. Я услышал звон металлического черпака о кастрюлю и окинул взглядом комнату: вешалка с наброшенной толстой зеленой шалью миссис Страпп; облупившиеся обои в цветочек - когда-то красные, но теперь выцветшие до бледно-розового цвета; простые газовые лампы по обе стороны дивана, которые совсем немного освещали комнату.

И тут я увидел столик, притаившийся за плетеным стулом. В тусклом свете газового фонаря я сначала его не заметил. Он располагался слева от окна и был весь уставлен фотографиями.

Не в силах сдержаться, я подошел поближе и увидел Ханну: сначала как подающую надежды красавицу в шестнадцать лет с обаятельной улыбкой; затем - на нашей помолвочной фотографии, где рядом с ней стоял я, смущённый и застенчивый, но сияющий от счастья.

Я выглядел до нелепости молодым: другой человек, живущий жизнью, которая больше не была моей собственной.

Я вернулся на свое место; в дверях появилась миссис Страпп с двумя мисками супа и одну протянула мне, а вторую поставила на стол.

- Это для Ганса, - пояснила она. - Он будет дома с минуты на минуту.

Я взглянул на часы. Была половина десятого — а это означало, что мистер Страпп снова допоздна задерживается в аптеке.

- Времена сейчас тяжелые, - сказала она. - Столько соседей уехало с тех пор, как...

Она не договорила, но в этом не было необходимости. Я лучше, чем кто-либо другой, знал, сколько таких, как я, решили уехать в последующие месяцы. Я обнаружил, что собственное горе легче переносить, когда оно не отражается в окружающих лицах.

- Ганс много работает, но с каждым днём приносит домой всё меньше, - сказала она с беспокойством.

Затем так же внезапно просияла и сказала:

- Лучше расскажи о себе, Саймон. Ты все еще работаешь на севере?

Под "севером" она понимала Добсон - маленькую деревушку в округе Уэстчестер, всего в пятнадцати милях к северу от Манхэттена, где я провел два года, забыв о своей жизни в городе — точнее, изо всех сил стараясь это сделать.

Я знал, что для Страппов все, что находилось севернее Четырнадцатой улицы, было неизведанной территорией — так что, с их точки зрения, мой переезд в Добсон находился за рамками приличия.

Я часто задавался вопросом, почему те же самые люди, которые обладали достаточным духом приключений, чтобы приехать много лет назад в Америку, решили теперь ограничить свое существование несколькими кварталами. Именно это и сделали Страппы - и уж точно не они одни.

- Я вернулся совсем недавно, - ответил я между ложками супа и рассказал, что сейчас работаю детективом под руководством Деклана Малвани.

- О боже. - Она радостно захлопала в ладоши, потому что хорошо знала Малвани: когда я только поступил в полицию, он был моим напарником в патруле

в Нижнем Ист-Сайде. Затем помолчала пару секунд и задумчиво добавила: - Вы, мальчики, далеко пошли. Я всегда это знала.

Я понял, что ещё одна её надежда - теперь уже навсегда потерянная - осталась невысказанной: что я заберу Ханну с собой.

В замке повернулся ключ, и в комнату вошел высокий мужчина с седыми бакенбардами, густыми усами и добрыми глазами.

- Ганс, - прошептала миссис Страпп, - посмотри, кто пришёл.

Он зашел в комнату, повернулся ко мне — и его удивленный взгляд почти сразу же сменился широкой улыбкой. Он бросился ко мне и крепко сжал мою руку.

Мне удалось не поморщиться, хотя боль, пронзившая мою руку, была ужасной. Он забыл о моей ране - и это было хорошо.

Пока он жадно глотал суп, мы втроем говорили о последних двух годах, сосредоточившись на общих знакомых и изменениях в районе. Ни один из Страппов не выказал ни малейшего признака обиды или гнева по отношению ко мне — но это мало смягчало мое собственное чувство вины.

Мы изо всех сил избегали упоминания о Ханне, поскольку мое собственное присутствие в этом доме после двухлетнего отсутствия было более чем достаточным напоминанием. В этой комнате, где время, казалось, остановилось, ее призрак витал вокруг меня, угрожая завладеть с таким трудом отвоёванным рассудком.

- Так что привело тебя сюда, Саймон? - наконец спросил Ганс Страпп. Он крепко вцепился в подлокотники кресла, и я понял, что они оба, вероятно, решили, что я здесь, чтобы сообщить им о своей помолвке с другой женщиной — или что-то в этом роде.

Желая избавить их хотя бы от этих переживаний, я поспешно выпалил:

- Я пришел из-за вашего сына. Джонатан в беде.

* * *

Миссис Страпп обмякла, словно из неё выпустили воздух, и мистер Страпп отрывисто спросил:

- Он арестован или... ранен?

Он произнёс это так, словно эти две альтернативы были единственными возможными. И судя по всему, он был уже готов и к одному, и к другому, потому что давно ждал от Джонатана плохих вестей.

- Насколько мне известно, сейчас с ним все в порядке, - быстро успокоил я их. Затем остановился, зная, что когда-то они постоянно читали немецкие и

американские газеты. - Не знаю, насколько внимательно вы следили за новостями, но в понедельник вечером был убит судья.

В глазах Ганса Страппа промелькнуло узнавание.

- Судья по делу об убийстве ребёнка? - пробормотал он.

Я кивнул.

Мистер Страпп побледнел.

- Они думают, что тут замешаны анархисты, не так ли? Неужели Джонни...? - Он не мог заставить себя произнести эти слова.

- Мне нужно с ним поговорить, - сказал я. - Я так понимаю, он связан с анархистами — и пользуется авторитетом в Нью-Йоркской организации.

Ганс Страпп сжал кулаки.

- Да, это так.

- Мы с самого начала пытались его остановить. Сказали, что с этой компанией он ничего хорошего не добьется, - сказала миссис Страпп, чуть не плача.

Я отодвинул от себя недоеденную тарелку супа и достал из сумки блокнот и карандаш.

- Может, начнем с самого начала? Мне нужно понять, как Джонатан стал частью анархистского движения.

* * *

Полчаса спустя мы все еще разговаривали, держа в руках чашки с кофе. Страппы по-прежнему предпочитали кофе марки "Лайн", которая беззастенчиво нацеливалась на американцев немецкого происхождения с лозунгом “всем немцам это нравится”.

Когда-то он был и моим любимым напитком, и я был удивлен, насколько мягким он показался на вкус сейчас - без богатого, глубокого вкуса итальянских брендов, которые я начал пить в новой жизни.

Страппы рассказали мне о том, как один чех по имени Павол Хлад подружился с Джонатаном - сначала притворившись, что разделяет научные интересы Джонни, затем поощряя его посещать анархистские собрания в различных немецких пивных в городе, и, наконец, убедив его, что, когда анархистские идеалы будут воплощены в жизнь, он сможет отомстить за смерть своей сестры. Но я всё равно не мог сложить все кусочки мозаики воедино.

- Джонни был ученым, - сказал я. - Он говорил только о Сванте Аррениусе и Марии Кюри, о колледже и о стипендии, которую надеялся получить.

Я всматривался в их лица в поисках какого-нибудь знака, какого-нибудь объяснения, но ничего не видел.

- Он изменился, - сказал мистер Страпп, теребя пуговицу на левой манжете рубашки. - Сегодня он ещё говорил о Пьере и Марии Кюри и о том, что они сделали для химии... а на следующий день уже бредил о капиталистах и о том, как они убили его сестру.

Он на секунду замолчал, судорожно вздохнул, но продолжил:

- Ты знаешь не хуже меня, как жадность заставила владельцев "Слокама" и его капитана забыть о безопасности и подкупить инспекторов. - Выкручиваемая им пуговица оторвалась и пролетая через всю комнату. - Неужели им так дорого обошлась бы покупка новых спасательных жилетов, когда старые превратились в пыль? Сотни людей могли бы выжить, если бы только..., - он замолчал, не в силах продолжать.

Бесчисленное множество других, и, возможно, сама Ханна, могли бы быть спасены. Но владельцы парохода были сосредоточены исключительно на прибыли, а не на безопасности, и поэтому они отправились в тот день с прогнившими спасательными жилетами, которые топили тех, кого должны были спасти - не говоря уже о спасательных шлюпках, которые были просто покрашены и привязаны к палубам так, чтобы никто не мог их снять.

Виновны были в равной степени и владельцы "Слокама", и инспекторы, взявшие взятку, но за эту халатность десятилетним тюремным сроком ответил только капитан Ван Шейк.

Руководители компании сумели избежать обвинений, и катастрофа, убившая стольких людей, их никак не затронула.

Миссис Страпп молча пересекла комнату и принялась искать отлетевшую пуговицу, а ее муж продолжил говорить:

- Больше года назад, - сказал он, - когда казалось, что никто из виновных не попадет в тюрьму, Джонни стал одержим мыслью о том, что никому из владельцев корабля не придется отвечать за свои проступки. Он начал нести чушь о зле капитализма и о том, что именно оно убило Ханну. Не отдельный человек, понимаешь, а система. Он стал регулярно ходить на собрания рабочих. Он завел новых друзей... и полностью отказался от старых.

Несколько мгновений я молчал. Я тоже долго злился — но моя собственная ярость сосредотачивалась именно на людях, которые приняли неправильные решения.

Их решение — или отсутствие такового — стоило жизни тысяче человек. Это была ошибка *человека*, а не капиталистической системы. И все же Джонни, испытывая сходные со мной чувства, пришел к иному выводу.

- Анархисты сконцентрировали гнев Джонни и дали ему цель, - пояснила миссис Страпп. - Теперь он только этим и занимается. Мы его почти не видим.

- Значит, здесь он больше не живёт? - уточнил я.

- Уже больше года, - покачал головой отец.

- Вы часто видитесь?

- Он приезжал в августе на день рождения Ганса, - сказала миссис Страпп удручённо. - С тех пор мы его не видели. Только изредка приходят письма, иногда с деньгами.

- У него есть постоянная работа?

- Нет. - Ганс Страпп покачал головой. - Я думаю, он живет за счет того, что дает членство. У него достаточно высокая должность, чтобы ему платили. А может, он просто берет то, что ему нужно.

- Вы знаете кого-нибудь из его соратников, кроме Павола Хлада?

- Да, нескольких человек. Можем назвать тебе имена, - предложил мистер Страпп.

- Буду очень признателен, - кивнул я. - А где я могу найти Джонатана?

Страппы переглянулись, но промолчали.

- Комиссар попросил меня поговорить с ним, - продолжил я давить, слегка раздраженный тем, что они утаивают что-то важное, и многозначительно добавил: - А если этого не сделаю я, то они пошлют кого-то другого.

Ганс Страпп кашлянул.

- У нас с ним есть договоренность, но только на крайний случай.

- Ваш сын подозревается в громком убийстве. Мне кажется, это попадает под определение "крайнего случая".

Мистер Страпп виновато глянул на меня.

- Мы с ним свяжемся. Ради тебя. Попросим встретиться с тобой в определенное время и в определенном месте.

Он уже собирался продолжить, когда из задней комнаты донесся громкий плач. Миссис Страпп вздрогнула и поспешила в соседнюю комнату.

Я удивлённо вскинул брови и посмотрел на Ганса Страппа.

Тот отвёл взгляд.

- У вас есть ребенок? - спросил я, понимая, что вопрос глупый.

Он молчал, не находя слов, пока я перебирала в уме возможные варианты. Я как раз остановился на самой вероятной версии — что миссис Страпп пошла работать няней, чтобы подзаработать, — когда ответ пришел в виде небольшого свертка, завернутого в розовое и кремовое одеяльце, уютно устроившегося в руках миссис Страпп.

Довольный ребёнок вцепился в керамическую бутылочку с молоком. Миссис Страпп поднесла ребенка поближе.

Она заколебалась, но затем заговорила:

- Я тут подумала, Саймон... Может быть, для Джонни еще не слишком поздно?

- Слишком поздно? - переспросил я.

- Когда вы встретитесь, попытайся вернуть его домой, - взмолилась женщина. - Он всегда равнялся на тебя, Саймон. Может быть, ты сможешь убедить его, что есть другой способ.

- Вы хотите, чтобы я убедил его бросить анархистов? - уточнил я, прекрасно понимая всю бесполезность её просьбы.

Миссис Страпп закивала.

- Он до сих пор считает тебя старшим братом. Он тебя послушает, я знаю.

Я не был в этом уверен, но пообещал сделать всё, что в моих силах.

Я взглянул на малыша, который с аппетитом сосал бутылочку. У него были розовые щеки и тонкие черты лица; миссис Страпп явно хорошо заботилась о ребёнке. Теперь, когда ее собственных детей больше не было с ней, это, несомненно, навевало счастливые воспоминания.

Я схватил пальто и уже собирался попрощаться, когда мой взгляд снова упал на ребенка. Закончив есть, он смотрел на меня спокойными карими глазами.

Глазами Ханны.

Я сделал два шага вперед, уставившись на ребёнка, а затем тихо выругался себе под нос.

Вздрогнув, миссис Страпп отступила назад, и смуглое личико малышки сморщилось, словно она собиралась заплакать. Женщина снова протянула ребёнку бутылочку с молоком, чтобы немного отвлечь.

- Ханна, - пробормотал я. - У неё глаза Ханны.

Мистер Страпп кашлянул.

- Именно так мы её и назвали. Это *наша* Ханна. Джонни отверг все, во что мы верим, но он назвал девочку в соответствии с нашими обычаями. Я надеюсь, что втайне он все еще верит; он хочет, чтобы дух его сестры продолжил жить в его собственном ребенке.

- В его ребёнке, - эхом отозвался я.

- Она родилась полгода назад, - пояснила миссис Страпп. - С самых первых дней о ней заботились мы. Джонни утверждает, что все еще близок с её матерью, но мы не знаем, правда ли это. Мы с ней никогда не встречались. Наверное, ему неловко приводить ее сюда. Хотя для нас это не имеет значения.

- И вы не знаете, кто она такая?

- Нет, хотя..., - она замолчала на мгновение, и ее голос дрогнул. - Хотя было бы неплохо иметь хоть какую-то связь...

У меня в голове билось только две сумбурные мысли: Джонатан Страпп - отец, и его ребёнка растит и воспитывает миссис Страпп.

Маленькая Ханна - с черными как смоль волосами и глазами *моей* Ханны - не сводила с меня взгляд. Это было невыносимо.

Я передал Гансу Страппу свою визитку и попросил его позвонить мне, когда он свяжется с Джонатаном. Я был уверен, что он не станет тянуть с этим.

Мое сердце бешено колотилось. Я скомкано попрощался и побежал вниз по лестнице; мои ноги уносили меня все дальше и дальше от давно похороненных, душераздирающих воспоминаний, которые эта ночь пробудила вновь.

24 октября 1906 года.

Среда.

ГЛАВА 9

Девятнадцатый участок, Тридцатая улица.

08:00.

- Похоже, тебе не помешает помощь, - сказал Малвани, скептически глядя на десять коричневых коробок, беспорядочно сложенных за моей спиной. Нагроможденные друг на друга, они образовали импровизированную стену между моим собственным столом и столом Тима Галлахера, моего соседа-детектива.

Каждая коробка была битком набита документами о судебных разбирательствах судьи Джексона за последние пять лет — и я почти не продвинулся вперед, хотя усердно работал с пяти утра.

После вчерашнего визита к Страппам я проспал всего несколько часов, потому что этот поход пробудил во мне эмоции, которые я изо всех сил старался подавить последние несколько лет.

В итоге, я оказался бессилен перед своей бессонницей и решил начать разбор дел, которые судья Джексон вел в последние годы, в надежде, что смогу узнать что-нибудь полезное — что угодно, связанное с убийством судьи Джексона.

Алистер, как и обещал, использовал свои связи, чтобы заполучить материалы дела судьи и доставить их в мой кабинет. Хотя изучение их содержания было, конечно, делом долгим, я полагал, что оно будет более продуктивным, чем попытки комиссара Бингема вычислить анархистских лидеров Нью-Йорка.

В конце концов, работа детективом научила меня сосредотачивать любое расследование убийства на жертве — так что, за исключением выслеживания тех подозреваемых-анархистов, которых комиссар приказал мне найти, именно этим я и собирался заняться.

- Даже не знаю точно, что ищу, - усмехнулся я. - Но уверен, что сразу узнаю это, как только увижу.

Я ввел Малвани в курс дела, объяснив, что комиссар решил взять меня в свою команду не из-за моих навыков или опыта, а из-за моих отношений с братом Ханны - ныне известным анархистом.

- Помнишь Тома Савино? Он тоже был на той встрече. Похоже, он связан с другим подозреваемым анархистом - и генерал Бингхэм хочет эту связь использовать.

Малвани обеспокоенно покачал головой.

- Прошу тебя, Зиль, будь осторожен. Если в ближайшее время вы никого не арестуете, генерал может сделать из вас с Савино прекрасных козлов отпущения.

Он взглянул на свои видавшие виды золотые карманные часы, а затем выдвинул стул детектива Галлахера.

- У меня есть ещё свободных минут тридцать. Расскажи подробнее, что нужно искать.

- Все дела, связанные с известными анархистами, - ответил я, передавая ему стопку папок, - а также всё, что покажется тебе необычным.

- Необычным? - с сомнением посмотрел на меня Малвани; он любил конкретику, но сегодня я не мог предложить ему ничего другого. Сейчас я полагался лишь на свои инстинкты.

И хотя некоторые коллеги называли это глупой удачей, я знал, что обладаю сверхъестественной способностью обнаруживать скрытые факты - шестым чувством, которое вело меня к поиску ответов там, куда стандартные методы не привели бы никогда.

Подумав еще немного, я ответил:

- Думаю, стоит обращать внимание на случаи, когда вторая сторона питала резкую неприязнь или затаила огромную обиду на судью Джексона.

Малвани невесело усмехнулся.

- Проигравшая сторона всегда питает неприязнь и таит обиды.

- Ты прав, но мы ищем несколько иное, - ответил я. - Я же рассказывал тебе о том, как гнев Джонатана Страппа по отношению к владельцам "Слокама" перерос в сильную ненависть к нашему капиталистическому обществу в целом. Я ищу гнев именно такого рода. Может быть, он начинается с малого, с какой-то несправедливости, которая не полностью устранена, но она перерастает в нечто большее, ведущее, возможно, к убийству. А вместе с этим мы, вероятно, найдём упоминание имени Леруа.

Глаза Малвани полезли на лоб, когда я объяснил ему шифр, вложенный в музыкальную партитуру, посланную судье Джексону.

- Но мы понятия не имеем, кто такой Леруа, и даже не знаем, настоящее ли это имя. Возможно, в деле, которое мы ищем, он вообще не упоминается, - закончил я.

Малвани покачал головой.

- И, тем не менее, мы всё равно говорим о половине дел нью-йоркского суда. И ещё... Я просто обязан спросить: почему ты уверен, что юный Джонатан к этому не причастен?

- А я не уверен, - резко ответил я. - На самом деле, вполне вероятно, что он каким-то образом замешан во всём происходящем - и я переживаю, что не смогу избавить Страппов от еще одной семейной трагедии. Но пока у меня нет ни одной

улики, которая связывала бы его — или любого другого подозреваемого — с судьей Джексоном.

Малвани понимающе кивнул.

- Будь осторожен. Выводы твоего разума могут быть затуманены симпатией к Страппам.

- Давай просто делать свою работу. - Я пододвинул к нему неразобранную стопку документов, и Малвани, глубоко вздохнув, принялся её перебирать.

* * *

Следующие два часа мы с Малвани прорабатывали бумаги, делая пометки о делах, на которые, возможно, стоит обратить внимание. Уже давно прошли те полчаса, которые Малвани вызвался мне помогать. Вокруг нас в участке кипела работа.

А потом я нашел именно тот случай, который искал.

- Я обнаружил возможную связь, - громко произнёс я. - Похоже, судья Джексон уже сталкивался с делами, в которых замешаны анархисты. Он призывал к депортации всех иностранцев-радикалов.

Я постучал пальцем по папке с делом Биссо.

Малвани весь обратился в слух.

- Когда это было?- спросил он.

- Три года назад. Он вел дело Луиса Биссо, торговца рыбой, который неоднократно призывал к насильственному свержению правительства - даже в зале суда перед судьёй Джексоном. Биссо обвинялся в ограблении бухгалтерии при фабрике по производству блузок.

- Блузок? - удивлённо вскинул брови Малвани. - Не понимаю. Я думал, что анархисты пытаются помогать рабочим фабрик, а не воруют их заработную плату, которую те зарабатывают непосильным трудом.

Я пожал плечами.

- Думаю, они хотели навредить капиталистам, которые владеют такими фабриками и управляют ими. Кроме того, когда анархистское движение нуждается в деньгах, его члены не особенно заботятся о том, где их получают. Насколько я могу судить, большинство анархистских процессов связаны не с бомбами и динамитом; в основном они имеют отношение ограблениям.

Малвани сложил руки перед собой и задумался.

- Значит, судья во время процесса высказался о том, что Биссо следует депортировать?

- Не совсем, - сказал я, передавая ему копию стенограммы. - Похоже, он сказал это уже во время оглашения приговора Биссо. Чтобы доказать, что Биссо - закоренелый преступник, заслуживающий самого сурового наказания, какое только позволяет закон, прокурор представил доказательства происхождения Биссо. И именно там я нашел искомую отсылку.

- К анархистам, - кивнул Малвани, быстро пробегая глазами по строчкам стенограммы.

- И в частности, к Джонатану Страппу.

Малвани отложил страницы, которые держал в руках, и поднял на меня взгляд.

- Ты уверен?

Я с трудом сглотнул.

- Луис Биссо регулярно общался с Генри Трактманом и Паволом Хладом — двумя анархистами с обширным и настораживающим криминальным прошлым. Сейчас Трактман отбывает двадцатилетний срок в Синг-Синг из-за участия в заговоре с массовым отравлением. А Павол Хлад писал и распространял руководства по изготовлению бомб.

- Но я не понимаю, как эти люди могут быть связаны с братом Ханны?

- Именно Павол Хлад втянул Джонатана в анархистское движение, и сейчас он - самый близкий друг Страппа.

- Господи, неужели эта семья недостаточно настрадалась? Это ведь ужасно. Куда катится мир, Саймон?

Малвани покачал головой.

- За окном - рассвет двадцатого века; ожидалось, что мы выйдем за пределы ненависти и убийств. То во всем мире происходит одно и то же: анархисты убили президента Маккинли, точно так же, как они убили австрийскую императрицу и итальянского короля. А у меня, в Ирландии, беды вообще нескончаемы..., - он замолчал и снова покачал головой.

Я отодвинул кресло и встал.

- Я еще раз навещу Страппов и проверю, смогли ли они связаться с Джонатаном. Теперь я понимаю, что дело не только в информации, которой он может располагать, но и в других анархистах, к которым он может меня привести.

- При условии, что он будет сотрудничать, - напомнил мне Малвани, пока я собирал вещи. - Он явно сильно изменился с тех пор, как ты видел его в последний раз. - Деклан взглянул на карманные часы. - Я провожу тебя. Мне нужно быть на встрече в центре города в полдень, иначе я бы пошел с тобой.

Но ни поездке Малвани, ни моей встрече со Страппами так и не суждено было состояться - по крайней мере, сегодня.

Когда он уже собирался вернуться в свой кабинет, ободряюще похлопав меня по плечу и пожелав удачи, нас окликнул его секретарь, перекрывая шум в полицейском участке.

- Подожди минуту, - попросил меня Малвани.

Я остался ждать его у дверей, наблюдая, как Малвани всего несколькими широкими шагами пересек комнату и оказался у стола секретаря.

Они обменялись несколькими словами, после чего Малвани долго и пристально посмотрел в мою сторону. Ещё одно нападение? Молодой человек протянул Малвани бумагу, и на этот раз, надев пальто и шарф, Малвани подошёл ко мне.

Он протянул мне лист бумаги и тихо выругался.

- Опять твой чёртов профессор...

Я в замешательстве посмотрела на белый клочок бумаги. Там было написано: *"Судья Ангус Портер. Отель "Бреслин". Пересечение Двадцать девятой и Бродвея"*.

- Судья Портер? - удивлённо повторил я. - Это имя друга Алистера — того самого, с которым я познакомилась вчера и который расшифровал музыкальный шифр.

Малвани косо на меня взглянул.

- Кажется, ты также упомянул, что Алистер намеревался провести с ним вчерашний вечер. Ты не знаешь, что они планировали?

Я попытался припомнить.

- Думаю, они собирались ужинать у Алистера дома. Он просил экономку приготовить что-нибудь, когда я уходил.

- Идём, - резко произнёс Малвани, продолжая что-то бормотать о тех, кто "лезет не в своё дело".

Я схватил его за руку.

- Никуда мы не пойдём, пока ты не объяснишь мне, что происходит. Причем тут судья Портер? Он ведь не имеет отношения к этому делу.

Малвани хмуро посмотрел на меня.

- Теперь имеет. Его только что нашли убитым в отеле "Бреслин". В его комнате, рядом с телом, лежали белая роза и Библия. И учитывая, что твой профессор был, возможно, последним человеком, который видел этого судью живым, мне интересно, что он знает такого, чего не знаем мы.

- Судья Портер? - эта новость оглушила меня и никак не хотела укладываться в голове.

Только вчера я говорил с ним о кодах и шифрах, о Библиях и розах. Стать жертвой убийства по такому же сценарию? Немыслимо. Невероятно.

- Его убили вчера поздно вечером, - сказал Малвани. - Нам лучше сейчас же отправиться на место преступления. А потом нам придётся задать несколько непростых вопросов Алистеру Синклеру. - Он посмотрел мне прямо в глаза. - Ты уверен, что он рассказал тебе все, что знает? Что он помогает тебе в полной мере?

- Это он втянул меня в это дело, помнишь? - возразил я. - Его друга убили. Алистер ничего не выиграет, если будет от меня что-то скрывать.

Но ответ Малвани встревожил меня больше, чем я ожидал.

- Двое друзей убиты, - тихо произнёс он. - По-моему, странное совпадение.

И в тот момент я понял, что это вовсе не совпадение.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

"Анархия выражает "социальное недовольство" не больше,
чем обчищение карманов или избиение жены".

Президент Теодор Рузвельт,
обращение «О положении страны», 1901 год.

"Люди - труженики, рабочие, производители - вот наша Вселенная.
Важны только они.
Остальные - паразиты, не имеющие права на существование.
Земля принадлежит Людям - пусть не по факту, но по праву.
А чтобы сделать её нашей по праву,
оправданы любые средства и методы, вплоть до отнятия жизней".

Александр Беркман.

ГЛАВА 10

Отель "Бреслин", пятый этаж.
11:00.

Район, где стоял отель "Бреслин", когда-то был центром театрального и развлекательного района Нью-Йорка, но теперь здесь было полно более обычных компаний: портних и модисток, дантистов и врачей. В результате великолепный отель из коричневого кирпича, построенный всего два года назад, конкурировал со своими более солидными соседями - Гранд-отель и Гилси-хаус - за постоянно сокращающийся поток клиентов.

- Вчера вечером у них было всего пятнадцать гостей, - рассказывал Малвани, пока мы пересекали роскошный вестибюль в красно-золотых тонах. - По крайней мере, людей, с которыми нужно побеседовать, не так уж и много.

Я поймал наше отражение в огромном зеркале от потолка до пола и инстинктивно поправил галстук и пригладил волосы.

Я ожидал, что наверху нас будет ждать комиссар, и хотя понимал, что это, скорее всего, ничего не изменит, мне хотелось выглядеть как можно приличнее.

Мы вошли в железный лифт, и служащий - молодой человек с бледной кожей и такими светлыми волосами, что казались почти белыми, - закрыл за нами двери.

- Куда едем, господа? - поинтересовался он. Его голос был мелодичным, с мягкими интонациями и растянутыми гласными, которые я привык ассоциировать со скандинавскими странами.

- Пятый этаж, пожалуйста, - попросил я.

Он повернул ручку, намеренно избегая нашего взгляда, и лифт начал подниматься.

- Здесь сегодня такая суматоха, - дружелюбно произнёс я. - Не случилось ли чего-нибудь странного во время ночной смены?

- Меня тогда не было, - сказал он. - Но вы можете спросить служащего ночной смены. Вы ведь сами не отпустили его домой. Вы заперли его в комнате наверху. - Его глаза метались между мной и Малвани.

Я знал, что он не совсем понимает, что происходит. Маловероятно, что лифтера из ночной смены "заперли" где-то в этом отеле; хотя ему действительно не разрешили уйти домой, пока его не допросят.

И сейчас "Бреслин" наводнило столько полицейских, что было неудивительно, что этот парень сбит с толку и встревожен.

Мы поднялись на пятый этаж; двери лифта со скрежетом раздвинулись, и перед нами открылся коридор, заполненный полицейскими.

Ближайшая к лифту комната была переоборудована в зону ожидания; служащие отеля и вчерашние гости - одни плакали, другие стояли молча - выстроились в очередь, чтобы ответить на вопросы множества полицейских, приехавших на убийство.

Малвани тихонько присвистнул.

- Похоже, генерал Бингем вызвал на это дело полгорода.

По всем правилам это дело должен был вести Малвани, ведь отель "Бреслин" находился в пределах юрисдикции его участка. Но поскольку при необычных обстоятельствах был убит ещё один высокопоставленный судья, звонок поступил прямо в офис комиссара.

Сам по себе этот факт меня озадачил: кто бы взял на себя смелость известить комиссара до того, как на место происшествия прибыл начальник участка?

Офицеры в коридоре расступились перед Малвани, признавая его главенство. Долговязый младший офицер нерешительно сделал шаг вперед.

- Прошу прощения, капитан, - сказал он смущённо. - Вы только что разминулись с комиссаром, но он оставил для вас сообщение. Когда вы закончите здесь, он хотел бы, чтобы вы лично явились в его офис в центре города.

Малвани молча уставился на младшего офицера, затем раздраженно покачал головой.

- Генерал требует отчета, а я еще даже не видел места преступления. Ему бы терпения побольше.

Младший офицер сочувственно улыбнулся.

- Вы же знаете комиссара.

- Давайте посмотрим, с чем мы имеем дело.

Дверь в номер 503 была прикрыта, но Малвани широко распахнул ее и вошел в комнату. Я последовал за ним, собираясь с духом перед тем, как увидеть сцену, похожую на ту, что произошла в доме судьи Джексона в Грамерси.

Почти сразу же тошнотворно-сладкий запах крови, повисший в воздухе, заполнил мои ноздри. Два офицера у двери, которым было поручено охранять место преступления, курили сигары - без сомнения, чтобы заглушить зловоние смерти, пропитавшее комнату. Но замаскировать это было невозможно; я по-прежнему ощущал его характерный запах, и мой желудок предательски сжался.

"Нет, меня не стошнит".

Я не мог позволить себе проявить слабость на глазах такого количества полицейских. Но в итоге волну тошноты, которая угрожала захлестнуть меня, остановила не моя собственная сила воли, а сам Малвани.

Он резко остановился и выругался:

- Какого чёрта?!

Я немедленно переместился влево от его крупной фигуры, которая загораживала мне обзор всего, кроме курящих сигары офицеров, охранявших вход.

Как только я увидел судью, у меня перехватило дыхание. Он лежал прямо передо мной - его приземистая фигура вытянулась на кровати в центре комнаты; роскошные белые простыни были пропитаны алой кровью. Он был абсолютно голый, а на выпирающем животе сверху лежали связанные руки.

Это место преступления было совсем не похоже на первое. Вот только на тумбочке из красного дерева рядом с кроватью я увидел Библию в чёрном кожаном переплёте и белую розу.

Я подошел ближе. А ведь всего несколько часов назад я разговаривал с судьей Портером! Мой разум был полон вопросов, на которые у меня не было ответов.

Неужели он столкнулся с подозреваемым и пострадал? Или сам был мишенью? И к тому моменту, как мы закончили осмотр места преступления, у меня появилось множество вопросов к Алистеру.

Алистеру Синклеру нужно было многое объяснить, и я не собирался тратить время на получение ответов, которые мог дать только он.

Смерть изменила судью почти до неузнаваемости. Он был застрелен с близкого расстояния, и левая часть его головы оказалась расколота, открыв зияющую рану, окруженную предательскими следами пороха.

Я сосредоточился на дыхании через рот, потому что запах пропитанного кровью постельного белья был невыносим.

На стуле рядом со столом лежала аккуратно сложенная одежда судьи.

- Чёрный выходной смокинг, - заметил я. - Похоже, после встречи с Алистером он куда-то выходил.

- Вопрос в том, был ли он уже раздет, когда убийца застал его врасплох? Или его заставили раздеться? - Малвани указал на связанные руки судьи. - Видимо, убийца связал судью его собственным галстуком - или шейным платком? Не знаю, как они правильно называются.

- Ты прав. - Я осмотрел толстые запястья судьи. - Нет ни ссадин, ни синяков - никаких признаков того, что он боролся с путами. Это наводит меня на подозрение, что убийца связал мистеру Портеру руки уже после того, как застрелил. Но это не имеет смысла, если только он не пытается передать нам таким образом какое-то сообщение.

- Осторожней, не стоит придавать этому слишком большого значения, - предупредил Малвани.

- Дайте угадаю: вы хотите знать, когда его убили.

Дверь, ведущая в ванную комнату гостиничного номера, открылась, и в номер неторопливо, вытирая руки толстым, махровым белым полотенцем, вошёл Дженнингс - коронер, с которым я частенько работал в прошлом. Он поставил свою черную кожаную сумку в ногах кровати и повернулся, чтобы поприветствовать меня и Малвани.

- Конечно. Как поживаешь, Дженнингс? - Малвани похлопал невысокого, полного доктора по спине.

- Всё так же, но потихоньку старею. Спина с каждым днём ноет всё сильнее. - Дженнингс потер поясницу. Он обладал проворными руками и острым умом, но само тело было грузным и неповоротливым, что определённо доставляло коронеру неприятности.

- Рад, что ты вернулся в город, Зиль, - повернулся он ко мне.

Я кивнул.

- Нам сказали, что жертва была убита прошлой ночью.

Дженнингс хмыкнул.

- Мышцы уже затвердели, наступило трупное окоченение. Значит, он мертв уже больше трех часов, но меньше двенадцати. Убийство произошло примерно между полуночью и восемью часами утра. Однако я склоняюсь к тому, что случилось всё ближе к полуночи. Его тело значительно остыло. Он был крупным

мужчиной, и давайте будем откровенны: тучному трупу обычно требуется больше времени, чтобы остыть. Но в данном случае, учитывая, что его тело находилось без одежды или покрывала, процесс пошел быстрее, чем я обычно ожидал. - Он кашлянул. - С вашего позволения, я хотел бы забрать тело прямо сейчас.

Малвани повернулся к офицерам, все еще стоявшим в дальнем конце комнаты и курившим сигары.

- Ребята, вы уже сделали фотографии?

- Да, капитан, - ответил один из них.

- И отпечатки пальцев сняли?

- Да, сэр.

- Отлично. Можете забирать тело в морг, - кивнул Малвани.

Дженнингс свистнул, и в комнате тут же материализовались двое помощников. Им потребовалось всего несколько секунд, чтобы переложить массивный труп судьи Портера на носилки, накрыть его чистой белой простыней и вынести из комнаты.

- Отчет о вскрытии будет готов к вечеру, - сказал Дженнингс, медленно направляясь к двери. - Но с медицинской точки зрения все выглядит довольно просто. Выстрел с близкого расстояния означает, что он умер практически мгновенно. У него не было ни единого шанса.

Да, ни единого. Но почему судья оказался здесь с убийцей? Тот его выследил, или они договорились о встрече в отеле заранее?

- Давайте соберем улики, чтобы отвезти их в участок, и, если повезет, найдем что-нибудь, о чем я смогу рассказать комиссару, - сказал Малвани.

Я надел хлопчатобумажные перчатки и подошёл к тумбочке. Осмотрел розу и Библию, но не нашел ничего необычного. Во всех отношениях они были точно такими же, как те, что нашли в доме судьи Джексона в начале этой недели.

Я снова посмотрел на кровать, где судья испустил свой последний вздох.

- У его убийцы стальные нервы, - заметил я. - Похоже, его застрелили, когда он лежал на спине лицом вверх. Нужна твердая рука, чтобы смотреть жертве в глаза, убивая её.

Малвани согласно кивнул.

Я наклонился над пятном крови, по которому от выстрела разлетелись кусочки мозга. Оно образовало на кровати гигантский воздушный шар, в центре которого в лучах утреннего солнца поблескивал маленький медный предмет.

Пуля.

- У тебя инструменты с собой? - спросил я у Малвани. Не говоря ни слова, он принес набор, и я выбрал пару длинных металлических щипцов.

Я осторожно зацепил пулю щипцами и поднес ее к свету.

- Калибр стандартный, 8 миллиметров. Используется в большинстве револьверов и...

- Давай упакуем пулю, и я отвезу её к Функе после встречи с комиссаром, - сказал Малвани. Функе был продавцом оружия на Чемберс-Стрит, который часто помогал нам разобраться с патронами и пистолетами, не говоря уже о преступниках, которые их использовали. - Я здесь уже достаточно насмотрелся. Лучше поедем в центр.

Но я остался стоять у кровати и покачал головой.

- Почему его застрелили? Библия, белая роза, - я замолчал, кивнув на предметы, лежавшие теперь в моей сумке в качестве вещественного доказательства. - Это убийство похоже на убийство судьи Джексона. За исключением того, что большинство убийц не меняют так кардинально способы убийства. Зачем убивать одну жертву ножом, а другую - выстрелом из пистолета?

- Ты слишком доверяешь словам своего профессора, - раздражённо ответил Малвани. - И кто сказал, что он знает, о чем говорит, больше, чем все остальные? В половине случаев его бред звучит для меня не понятнее, чем шаманская тарабарщина.

- Возможно, - согласился я. - Но даже если отбросить его теории о преступном поведении, он был последним человеком, который видел судью Портера живым. Мне нужно поговорить с ним как можно скорее.

- Если это анархистский заговор, - задумчиво произнес Малвани, - то в нем могут участвовать сразу несколько человек. Возможно, мы ищем не одного убийцу, а целую группу.

Я кивнул, но, думая о Джонатане Страппе, я надеялся, что Малвани ошибается.

Когда мы шли по коридору к лифту, я остановился у комнаты, которая была преобразована во временное помещение для допросов; здесь несколько старших детективов говорили по отдельности с каждым сотрудником "Бреслина".

Майк Бернс - детектив, которого я знал, - похоже, пытался организовать работу младших офицеров.

- Эй, Майк, - позвал я, просунув голову в комнату. - Вы уже выяснили, когда вчера вечером судья Портер зарегистрировался в номере 503?

Он посмотрел на меня с ухмылкой.

- Ну, если это и был судья Портер, то он не назвал своего настоящего имени. Он — или кто-то еще — вошел в комнату под именем мистера Сандерса. При регистрации он указал свой адрес: Грамерси-Парк, дом 3. У меня тут всё записано. - Он поднял толстый журнал.

У меня перехватило дыхание.

- Это адрес судьи Джексона, - сказал я Малвани, проходя через комнату, чтобы поближе взглянуть на регистрационную книгу.

- Ты шутишь?! - недоверчиво посмотрел он на меня.

- Тогда возникает вопрос: кто сообщил об убийстве судьи Портера? Здешний персонал знал его как мистера Сандерса, - произнёс я.

- Возможно, звонил убийца. Или один из анархистских заговорщиков.

- Вот именно. Где мистер Сандерс расписался? - спросил я Майка.

- Сейчас посмотрим. - Мы подождали несколько секунд, пока он водил пальцем странице. - Вот здесь. Он назвал своё имя - Леруа. Леруа А. Сандерс.

У меня перехватило дыхание, но я думал только о сообщении, содержащемся в музыкальном шифре, который сам судья Портер расшифровал вчера вечером.

"Леруа отмщён".

И мой разум был настолько поглощен этим случайным открытием, что только гораздо позже я понял, что лифтер, который доставил нас обратно в вестибюль, не был тем же самым человеком, который доставил нас на место убийства несколько часов назад.

ГЛАВА 11

Адвокатский клуб, Бродвей.

13:30.

- Как ты думаешь, у Муди есть хоть какой-то шанс? - громкий и неприятный мужской голос заполнил величественный мраморный вестибюль Адвокатского клуба.

Другой мужчина, с длинными седыми волосами, которые доходили ему до плеч, ответил мягким, вежливым тоном:

- Кандидатура Уильяма Муди в Верховный суд, без сомнений, вызовет бесконечные споры, но пока не стоит сбрасывать его со счетов. Его выдвинул сам президент, и, как вы знаете, Тедди Рузвельт никогда не отступает от своего.

Первый голос принадлежал крепкому парню с румяным лицом и коротко стриженными каштановыми волосами. Я последовал за ним в лифт.

- Верхний этаж, пожалуйста, - сказал я дежурному.

После того как я покинул Малвани, я сделал четыре телефонных звонка, и в итоге отыскал Алистера здесь, в его любимом клубе. Миссис Меллоун заверила меня, что я обязательно найду его здесь. Вероятно, он не знал о зверском убийстве своего друга.

Мои попутчики продолжили разговор.

- Единственная претензия к генеральному прокурору Муди заключается в том, что он уроженец Массачусетса. Но неужели то, что двое мужчин в суде родом из одного и того же штата, имеет такое уж большое значение? - спросил коренастый мужчина.

- Я бы сказал, что географический вопрос имеет значение только в том случае, если вы с Юга или с Запада. Это попахивает протекционизмом - особенно после того, как президент заполнил свой кабинет жителями Нью-Йорка. И все же, если кто-то и может протолкнуть своего выдвиженца вперёд, так это Рузвельт, - улыбнулся седовласый мужчина.

Второй мужчина опустил глаза и начал комкать свою коричневую фетровую шляпу.

- Я поддерживаю президента, но всё равно... Мне не нравится, что суд будет возглавлять человек, которого Рузвельт держит на коротком поводке.

- У него есть шанс оставить после себя наследие на долгие-долгие годы. Мы все хотели бы иметь подобную возможность...

Лифт остановился, и мужчины замолчали. Служащий открыл двери, и они вошли в комнату клуба, отодвинув меня в сторону.

- Сэр, вам помочь? - ко мне приблизился вышколенный метрдотель.

- Я должен здесь встретиться с один из членов вашего клуба, Алистером Синклером, - произнёс я, пытаясь говорить уверенно. Это был частный клуб; конечно, я мог предъявить своё удостоверение, и меня бы впустили, но вряд ли после этого охотно сотрудничали.

- Он вас ожидает, мистер...?

- Саймон Зиль.

Он провел карандашом по списку гостей.

- Возможно, он забыл о наших планах, - печально улыбнулся я, - но если бы вы ему напомнили...

- Конечно, сэр, - кивнул метрдотель. - Одну минуту.

Мужчина исчез, оставив меня стоять у входа в большую комнату, которая, тем не менее, была уютной: тепло плюшевых красных ковров и драпировок с золотым узором контрастировало с темным блестящим деревом, которое окутывало комнату от балочного потолка до обшитых панелями стен.

Центральное место в комнате занимал большой камин, украшенный замысловатой резьбой. Сама комната была пропитана запахами алкоголя и сигар - признаками десятилетий адвокатской деятельности.

Я никогда раньше не заходил в Адвокатский клуб, несмотря на то, что Алистер долгое время был его членом. Возможно, он думал, что это место слишком эксклюзивно для меня; в этом мы с ним были абсолютно не похожи, поскольку Алистер чувствовал себя непринужденно в любом Нью-Йоркском обществе, в отличие от меня.

- Профессор вас ожидает. Пожалуйста, следуйте за мной, сэр, - сдержанно кивнул мне метрдотель.

Он провел меня мимо большого витражного окна, мимо полудюжины столиков, за которыми тихо переговаривались мужчины, в уединенный альков в глубине комнаты, где с экземпляром журнала "Мир", потягивая односолодовый виски, сидел Алистер.

Я сел напротив него и заказал чёрный кофе у официанта, который материализовался, как только ушёл метрдотель.

- Никогда не замечал, чтобы ты интересовался жёлтой прессой, - заметил я, окидывая Алистера взглядом.

Обычно Алистер узнавал новости из "Нью-Йорк Таймс" или "Трибьюн", а не в "Джорнал" или "Мир", которые гонялись за сенсациями. Хотя я был уверен, что ни в одном из их утренних номеров не будет сказано об убийстве судьи Портера. Тем не менее, я наблюдал за Алистером в поисках любого признака того, что он уже был в курсе.

Их не было. Алистер рассмеялся, как ни в чём не бывало, и повернул ко мне журнал.

- Ради новостей - никогда. Но их воскресные комиксы - совсем иное дело. Кто-то оставил на столе в клубе прошлый номер, и я решил посмотреть, как там дела у Жёлтого малыша.

Я слегка улыбнулся. Алистер имел в виду один из самых популярных цветных комиксов в мире - и, без сомнения, одну из немногих тем, не связанных с наукой, которые привлекли внимание Алистера.

- Если ты здесь, значит, нашёл что-то интересное? - спросил он, не высказывая никаких признаков обеспокоенности.

С одной стороны, я был рад, что ещё не слышал об убийстве судьи. С другой, именно мне придётся теперь передать ему дурные вести.

Алистер заказал еще одну порцию односолодового виски. Затем, отодвинув в сторону газету и недоеденную порцию запеченного лосося, он поймал мой взгляд — и тут же встревоженно нахмурился.

- Что случилось, Зиль? - тихо, но твёрдо спросил он.

- В котором часу вы вчера расстались с судьей Портером? - я наблюдал за любыми признаками того, что он лжет.

Но мы слишком хорошо знали друг друга. Что-то в моем голосе или в поведении выдало меня.

- Почему ты спрашиваешь? - Теперь его голос был холоден, как лёд - но я не знал, от страха или от беспокойства.

- Я должен знать, когда ты видел его в последний раз, - повторил я.

- Черт побери, Зиль! - Алистер стукнул кулаком по столу, звякнув посудой и столовым серебром. - Ты можешь вести себя как друг, а не как полицейский?

Несколько людей повернули головы в нашу сторону.

- Тише, - я постарался говорить спокойно, - я не могу сказать больше, пока ты не ответишь на мой вопрос. Мне нужно знать, где и когда ты в последний раз видел Ангуса Портера.

Алистер резко выдохнул.

- Твой вопрос может означать только одно: мой друг мертв. И ты решил рассказать мне об этом подобным образом?

Теперь уже все посетители клуба начали на нас коситься. Я понизил голос до шёпота и произнёс:

- Ты сам не даёшь мне возможности тебе что-то рассказать, как бы мне этого не хотелось. Прошу тебя, ответь: где и когда вы вчера расстались с судьёй Портером?

- Мы были у меня дома, - бесстрастно ответил Алистер. - Мы проговорили почти до полуночи. Миссис Меллоун все еще была на ногах и наводила порядок на кухне. Она проводила его, как и лифтер, и охранник на выходе. - Он покачал головой. - Ну же, ради Бога...

Алистер снова начал повышать голос, и мне пришлось его перебить:

- Прошлой ночью судья Портер был убит выстрелом в голову в номере 503 отеля "Бреслин". Его руки были крепко связаны, а на ночном столике рядом с трупом лежали Библия и белая роза.

Алистер замер.

- Проклятье. - Это слово, громкое и мучительное, вырвалось неосознанно откуда-то из глубины его души.

Официант вернулся, принёс Алистеру виски и мне кофе, и бросил на нас обеспокоенный взгляд.

- Прошу вас, джентльмены. Помните, что вы здесь не одни, - напомнил он.

Алистер, казалось, ничего не слышал, хотя и взял предложенный официантом стакан. Легкая дрожь его руки заставила карамельную жидкость пойти волнами, но Алистеру удалось ничего не расплескать. Он поднес стакан к губам, сделал большой глоток и резко поставил его на стол. Вся кровь отхлынула от его лица; он встал с кресла, извинился и вышел.

Я допил кофе и несколько тревожных минут ждал его возвращения. Я плохо справился с задачей, но разве существовал какой-то "мягкий" способ сообщить ему о произошедшем?

Наконец, Алистер вернулся.

- Мне жаль, - тихо произнёс я.

- Он был хорошим человеком.

Алистер вытер лицо салфеткой и сделал еще один глоток виски.

- О чём вы с ним говорили прошлым вечером? - поинтересовался я.

Его кристально-голубые глаза невидяще уставились куда-то поверх моего плеча.

- Мы говорили о Хьюго и вспоминали старые времена. Ничего больше.

- Может, вы обсуждали дело? - настаивал я.

- После того, как ты ушёл, не обсуждали. - Он сделал ещё глоток.

Я пристально посмотрел на Алистера.

- Хочешь сказать, что судья Портер не обнаружил ничего нового? Ничего, что могло бы заставить его встретиться с кем-то или пойти куда-то...

- Конечно, нет, - резко оборвал меня Алистер.

- Как ты можешь быть так уверен? Он был убит через пару часов после того, как ушёл из твоего дома, а место преступления - почти точная копия места убийства судьи Джексона. Должна же быть причина, почему...

- Ты сказал, что его застрелили, - произнёс Алистер, обхватив голову руками. - Что у него были связаны руки. Это важные различия. Я уже не раз говорил тебе, что убийцы не склонны менять свои методы. Метод - это для них всё, - его голос снова начал повышаться, а лицо раскраснелось. - Видок был прав, утверждая, что у каждого преступника есть определенный поведенческий паттерн — или стиль, — который остается неизменным на протяжении всего совершаемого им преступления.

Я откинулся на спинку стула и посмотрел на него исподлобья.

- Вот именно. В этом-то и трудность. Ничто на месте преступления не совпадает с предыдущим. Но белая роза и Библия в комнате мертвеца - нечто слишком удивительное, чтобы быть простым совпадением.

Алистер покачал головой.

- Пистолет - совсем иное оружие, нежели нож. Чтобы держать свою жертву рядом, перерезая ей горло, нужен один тип личности. А пистолет отсылает нас к совершенно другому типу людей: оно требует меньше силы, необходимо лишь умение метко стрелять.

Я бросил на него недоверчивый взгляд.

- Уж не хочешь ли ты сказать, что не веришь в связь этих убийств? Ангус Портер был другом и коллегой Хьюго Джексона — не говоря уже о том, что он консультировал нас по этому делу. Если ты предполагаешь, что мы имеем дело с двумя разными убийцами, тогда единственный аргумент, который имеет смысл, заключается в том, что оба убийцы мотивированы одной и той же причиной и пытались донести одно и то же сообщение.

- Ты имеешь в виду, два разных анархиста?

- Это объяснило бы разный выбор оружия, тут я согласен. И тот факт, что судья Портер консультировал судью Джексона по делу Дрейсона, объясняет, почему он стал целью. Но совпадений все равно слишком много.

- Там была музыка? - обеспокоенно поинтересовался Алистер.

- Ты имеешь в виду, на месте преступления?

Алистер кивнул.

- Не знаю.

- Я разрешил ему оставить партитуру, которую мы нашли среди бумаг судьи Джексона, - мрачно сказал Алистер.

- Не важно. Уверен, у тебя остались копии.

- Да, нарисовал от руки, - кивнул Алистер.

- Существует более важный вопрос: почему судья Портер отправился в "Бреслин" после того, как ушёл от тебя?

- Я не знаю, - мрачно ответил Алистер.

- Там была какая-то ниточка, которую он надеялся найти? Или он мог там с кем-то встречаться? Я ведь ничего не знаю о его личной жизни, - я постарался выразиться как можно деликатнее.

- Ангус был убежденным холостяком, - ответил Алистер. - Его собственная квартира находится на Пятой авеню. Если бы он захотел встретиться с кем-нибудь дома, возражать смогла бы только его экономка. Ему не нужно было ехать в отель посреди ночи.

- И, тем не менее, вчера вечером он сделал именно это - сразу после того, как покинул твой дом. Он зарегистрировался под именем Леруа Сандерса и записал в свой домашний адрес Грамерси-Парк, дом три.

- Я не понимаю, - пробормотал Алистер.

- Я подозреваю, что либо убийца судьи Портера, либо его сообщник выдал себя за судью у стойки регистрации. Позже судья Портер был приглашен наверх и убит — после чего, скорей всего, сам убийца позвонил в кабинет комиссара. Потому что персонал отеля знал его лишь как мистера Сандерса.

- Должно быть, это была ловушка. Но Ангус всегда был осторожен... Как он мог попасться...

- Случаются и более странные вещи, Алистер, - сказал я. - Мы часто знаем о личной жизни и секретах наших друзей меньше, чем нам кажется. Но я думаю, что ты знаешь об Ангусе Портере больше, чем мне рассказываешь.

- Мне не нравится твой тон и то, на что ты намекаешь, - воскликнул Алистер, взмахнув рукой и опрокинув мою недопитую чашку кофе.

Официант поспешил убрать пролитую жидкость, а следом за ним к нам подошёл метрдотель.

- Возможно, теперь, джентльмены, когда вы закончили, вы могли бы продолжить беседу на улице. Я запишу всё на ваш счет, профессор. - Когда Алистер бросил на него непонимающий взгляд, он добавил: - Другие посетители проявляют слишком большой интерес к вашей личной беседе. Я уверен, что вы понимаете меня. К тому же, в другом месте ваш разговор будет иметь бОльшую конфиденциальность.

Я сидел спиной к общей гостиной, но когда обернулся, то увидел, что каждая пара глаз в комнате была устремлена на нас.

Алистер, очевидно, тоже это заметил, потому что встал, пробормотал извинения и, пошатываясь, вышел из комнаты. Я неловко кивнул и бросился за ним, пытаясь догнать, а все продолжали провожать нас взглядами.

В вестибюль мы спускались молча, не доверяя посторонним ушам лифтёра.

Выйдя на улицу, мы пошли на юг по Бродвею, проталкиваясь через спешащую толпу. Алистер повернулся ко мне, и впервые за всё время знакомства мне показалось, что я увидел в его глазах нечто похожее на страх.

- Мне пора домой, - произнёс он.

- Нам нужно выбраться из этой толпы, - ответил я и, взяв его за руку, повел к церкви Святой Троицы. Я вытащил его с улицы на тихую площадь перед церковью, нашёл деревянную скамью под платаном и заставил Алистера сесть.

Над нами завывал ветер, срывая с дерева оставшиеся листья; он свистел вокруг колокольни, когда колокола начали отбивать гимн. И всё же здесь, где в нескольких метрах от нас в тихих могилах спали мертвецы, было гораздо спокойнее, чем в шумной толпе соседней улицы.

Я заговорил вновь:

- Я знаю, что на этой неделе ты потерял двух друзей. И я знаю, что ты обычно предпочитаешь делиться только той информацией, которая, по твоему мнению, имеет отношение к конкретному делу. Но сейчас очень важно рассказать мне всё — независимо от того, считаешь ты это важным или нет.

- Я ничего от тебя не скрываю, Зиль, - возмутился Алистер.

- Тогда расскажи мне подробнее о твоём вечере с судьей Портером.

Алистер широко развел руками.

- Тут нечего рассказывать. Мы выпили, поговорили. - Он пожал плечами. - Ничего больше.

- Алистер, - произнёс я настойчивее, - Ангус Портер оказался застреленным в гостиничном номере менее чем через два часа после того, как покинул твой дом. Для этого есть причина. И если в вашем разговоре с ним за несколько часов до его смерти нет никаких подсказок, тогда я не знаю, где их искать.

- Я не страж Ангусу, - сказал Алистер, снова повысив голос. - Я не общался с ним уже много лет. Я не знаю, что он делал, когда ушел от меня. Я был уверен, что он отправится домой.

- Тогда помоги мне понять, что могло случиться. Беспокоился ли он о чем-нибудь? Появилась ли у него новая идея по этому делу, которую он хотел бы проверить? Может, он хотел с кем-то встретиться?

Алистер продолжал молчать — и так мы сидели на пронизывающем ветру несколько минут, глядя друг на друга.

- В делах об убийствах, - продолжил я, - всегда существует ключевой момент. Что-то заставляет убийцу решить, что его жертва должна умереть не завтра, не на следующей неделе и не в следующем году, а именно сейчас.

Алистер посмотрел на меня мутным взглядом.

- Я не знаю, почему прошлой ночью судья Портер стал целью убийцы. Я и сам не могу этого понять.

- Вот почему тебе нужна моя помощь, - не переставал я уговаривать Алистера. - Расскажи мне о Леруа.

- Я ничего не знаю, - развёл он руками. - Я обещаю, что поищу его имя в юридических архивах.

- А судья Портер знал имя "Леруа Сандерс"?

- Конечно же, нет.

- И как мне в это поверить? - прошептал я, глядя в мрачное серое небо над головой и тщательно подбирая слова. - Я думаю, что и у тебя, и у Ангуса Портера появились собственные подозрения. И они оказались достаточно близки к истине, раз судью из-за них убили.

- Это смешно, - отмахнулся Алистер.

Но я уже не мог сдержать разочарования.

- Послушай, Алистер, это ты втянул меня в это дело. В противном случае меня бы никогда туда не назначили; это не входило в юрисдикцию Малвани, а у меня нет собственных политических связей. Но сейчас я в самой гуще событий — и из-за вмешательства комиссара на карту поставлена вся моя карьера. Между тем, были убиты двое твоих друзей. Ты должен понять, - мой голос слегка дрогнул, - ты должен понять, что только поделившись со мной всем, что знаешь, без утайки, мы сможем решить эту проблему.

Выражение лица Алистера осталось непроницаемым.

- Ты просишь о слишком многом, Зиль.

- Не больше, чем ты мне обязан, - с горечью ответил я и поднялся со скамьи. - Иногда, Алистер, я жалею, что познакомился с тобой.

Я направился к выходу, ни разу не оглянувшись, а ветер продолжал хлестать ветви деревьев, и колокола церкви Святой Троицы отбивали свой последний перезвон.

ГЛАВА 12

17:00.

После полудня, проведенного в бесплодных поисках зацепок, я заглянул в штаб-квартиру на Малберри-стрит, где были опрошены десятки сторонников анархистов.

Мистер Страпп оставил мне записку: Джонатан готов встретиться со мной вечером. Наедине. Конечно, он имел в виду, что я должен прийти без коллег-полицейский, но по этому поводу он мог не беспокоиться: этой зацепкой я занимался в одиночку.

Я прошел несколько кварталов до станции Спринг-стрит; моя решимость крепла с каждым шагом. Несмотря на все улики, которые мы обнаружили, я упустил что-то важное: какой-то важный факт, который раскроет дело.

И я был уверен, что ключ к решению загадки хранит Алистер, как бы он это ни отрицал.

Но то ли из-за скорби по потерянным друзьям, то ли из-за того, что он был слишком близок к этому делу, я не мог убедить его сотрудничать со мной. Он втянул меня в это дело; но теперь мне придется закончить его без него.

К тому времени, как я спустился по лестнице на платформу метро, мое разочарование в Алистере сменилось решимостью.

Я стоял среди десятков других пассажиров, пока легкий гул и яркий луч света не возвестили о прибытии следующего поезда. Я вошел и увидел, как охранник на платформе нажал рычаг, который закрыл двери и отправил нас в центр города. Не прошло и пятнадцати минут, как я добрался до своей станции — пересечения семьдесят второй и Бродвея. Мне следовало бы отправиться домой, на квартал к югу от станции, но я вдруг обнаружил, что поворачиваю к "Дакоте".

Дежурный в холле хорошо меня знал и жестом пригласил подняться наверх.

Но я покачал головой.

- Не могли бы вы отнести записку миссис Синклер? — Я написал короткое сообщение, спрашивая, может ли она спуститься, и остался ждать, пока молодой человек, который выполнял такие поручения в здании, отнесет ее ей.

Я расхаживал взад и вперед между двумя газовыми лампами у входа в здание, с тревогой осознавая, что мое желание увидеть Изабеллу сегодня вечером было не просто желанием, а потребностью. Мне больше не с кем было поговорить об Алистере. Никто другой просто не понял бы.

К моему огромному облегчению, она спустилась вниз через несколько минут.

Молодая женщина с беспокойством посмотрела на меня и спросила:

- Саймон, все в порядке?

- Если ты голодна, мы могли бы поговорить за ужином, - попытался я улыбнуться. Я не мог думать о еде с самого утра, когда мы приехали на место преступления, но сейчас у меня начала болеть голова, и я понял, что ужин оттягивать больше некуда.

- Как насчет "Ма Пикетт"? - Она взяла меня под руку, и мы пошли на запад, в сторону Бродвея.

Популярный ресторан, который она только что назвала, был одним из моих любимых, но сегодня там будет слишком шумно.

Он располагался в Сан-Хуан-Хилл, районе к югу от Шестьдесят седьмой улицы, который образовывал самый большой африканский район в Манхэттене, где большинство ресторанов в дополнение к еде предлагали развлечения.

В "Ма Пикетт" тоже была небольшая танцплощадка, и когда оркестр играл регтайм, популярный в ресторанах Сан-Хуан-Хилл, шум толпы был просто оглушительным.

Поэтому я ответил:

- Нужно тихое место, чтобы мы могли поговорить. Как насчет...

- Только не Ши Линг, - перебила она, поморщившись.

Я знал, что ей не нравится китайский ресторан на углу Пятьдесят девятой улицы и Коламбус-Авеню, куда не пускают африканцев. Конечно, для города в целом это была обычная практика, но для района Сан-Хуан-Хилл выбор был одним из худших.

- Конечно, нет. Я думал про "Бомонд".

"Бомонд" был маленьким кафе на углу Шестьдесят шестой улицы, где подавали блюда карибской кухни. Его небольшая площадь — всего восемь столиков — означал, что здесь будет относительно немноголюдно, а живая музыка предоставит нам необходимую приватность.

Хотя на самом деле меня больше беспокоило иное. В Сан-Хуан-Хилл, где африканские и ирландские жители с трудом уживались вместе, а простые рабочие часто устраивали драки с членами банд и наркоторговцами, мне нужен был ресторан без напряжённых столкновений, обычно встречающихся в более шумных заведениях.

Изабелла с улыбкой согласилась, и мы прошли несколько коротких кварталов, болтая о пустяках, пока, в конце концов, не устроились за столиком у окна.

Мы заказали треску с запечёнными овощами и бобами, слушая, как пианист наигрывает ритм *“The Black Cat Rag*".

- Ты хотел поговорить, - произнесла Изабелла, когда мы, наконец, устроились.

- Я не знаю, что делать с Алистером, - прямо признался я.

Затем я начал рассказывать ей о событиях этого дня. С каждым новым фактом глаза Изабеллы раскрывались все шире и шире, пока она пыталась переварить

шокирующую новость об убийстве судьи Портера и моем последующем разговоре с Алистером. В завершение я сказал:

- Я убежден, что он чего-то недоговаривает: то ли потому, что не понимает всей сути происходящего, то ли просто потому, что не видит в этом никакого отношения к расследованию. Если бы он только заговорил…

- Знаешь, - мягко произнесла Изабелла, - обычно он, когда анализирует преступление, напоминает тебя: смотрит на происходящее издалека с научной объективностью. Но на этот раз жертвами стали не чужие люди, а его друзья, и смерть судьи Джексона глубоко его потрясла.

- Хотя он утверждал, что больше не имеет тесных связей ни с тем, ни с другим, - сказал я, размышляя вслух.

Нам принесли заказ, и я нехотя поковырял вилкой. Сегодня у меня не было аппетита, хотя горячий ямайский кофе был очень даже неплох. Всего одна чашка улучшила настроение и облегчила головную боль, с которой я боролся весь день.

- Тут скрывается нечто большее, чем личное горе, - убеждённо ответил я. - Он что-то скрывает; я просто точно не знаю, что именно.

Она на мгновение задумалась.

- Тогда у тебя нет другого выбора, кроме как действовать без него. Ради самого Алистера и ради успеха твоего собственного расследования. Что подсказывает тебе интуиция?

- Вполне возможно, что мы имеем дело не с одним преступником, - сказал я, имея в виду, что различные орудия убийства, вероятно, указывают на нескольких убийц. — Но присутствие Библии и белой розы говорит мне, что существует некая связь — сходство в послании и мотиве, — которая нивелирует эти различия.

Изабелла задумчиво на меня посмотрела.

- Мы обсуждали, что судья Джексон, вероятно, был убит за нарушение какой-то клятвы, о чем свидетельствует положенная на Библию рука. Судья Портер тоже относился к судебной власти, но его убийца оставил тело в ином положении. Расскажи еще раз, как он выглядел?

Перед моим мысленным взором всё ещё стояла эта картина. И когда я начал описывать, как лежал голый судья Портер, мне в голову пришел ответ — слишком простой, чтобы в него можно было поверить.

- Судья Портер был убит, потому что у него были связаны руки. Буквально. С точки зрения убийцы, преступление судьи заключалось в бездействии.

Я наблюдал за реакцией Изабеллы, сознавая, что мне очень хочется проверить свою теорию именно с Алистером, чьи знания о поведении на месте преступления не имели себе равных.

- Знаешь, Саймон, я думаю, ты прав, - ответила Изабелла, тщательно обдумав мои слова. - На месте преступления была музыка?

Этот же вопрос задал мне недавно Алистер.

Я уверил её, что ничего подобного не было - по крайней мере, мы с Малвани не заметили.

- Тогда, возможно, есть что-то в его доме, - произнесла Изабелла. - С такой же отсылкой к фразе "Леруа отмщён".

- И даже если нет, - добавил я, - я забыл упомянуть, что на месте преступления уже есть упоминание о Леруа. Тот, кто зарегистрировался в комнате, где был убит судья Портер, записался как "Леруа Сандерс".

Бессознательно Изабелла потянулась к пряди волос за ухом и начала накручивать ее на палец.

- Служащий помнит что-нибудь о человеке, который регистрировался?

- Когда я уходил, офицеры все еще допрашивали ночного портье, - сказал я. - Я узнаю это утром, когда ознакомлюсь с отчетом.

- А пока... Почему бы мне не навестить завтра семьи Джексон и Портер, - предложила Изабелла. Услышав мой глубокий вздох, она добавила: - Это будет простой звонок с соболезнованиями, поскольку Алистер был знаком с обеими семьями. И моей целью будет выяснить, значит ли человек по имени Леруа Сандерс что-нибудь для обеих семей.

Я кивнул.

- И всё же... Меня беспокоит твоя безопасность. Особенно теперь, когда был убит человек, близко занимавшийся расследованием.

Но Изабелла, как и всегда, отмахнулась от моего беспокойства.

- Судья Портер был убит не потому, что участвовал в расследовании, - убежденно сказала она. - Он и судья Джексон были давними коллегами. Должна быть какая-то другая связь.

- Ты имеешь в виду Леруа.

Изабелла кивнула.

- И все же, пожалуйста, будь очень осторожна. Хотя, пока ты там, возможно, тебе удастся выяснить, не было ли у Алистера более тесных связей с Хьюго Джексоном и Ангусом Портером, чем он мне рассказал.

Изабелла хотела что-то ответить, но заколебалась.

- Это для его же блага, - сказал я. - Я беспокоюсь о нем, но, не понимая истинной степени его участия в расследовании, я не могу ему помочь.

Я бы сказал больше, но к нашему столику подошла Лина, хозяйка и по совместительству повар "Бомонда". Высокая, поразительно угловатая, замотанная с головы до ног в яркое желтое платье, которое отражало моду ее родной Ямайки, а не Нью-Йорка, она нахмурилась, как только увидела мою тарелку.

- Тебе сегодня не понравилась моя стряпня, Саймон?

- Она великолепна, как и всегда, - уверил я Лину. - Но аппетит пропал из-за работы.

- Ты же понимаешь, что на одном кофе долго не протянешь? - рассмеялась женщина и повернулась к Изабелле. - А где ваш свёкор? Обычно вы приходите втроём.

- Сегодня он звонит знакомым с соболезнованиями, - печально улыбнулась Изабелла.

И это было правдой.

- Ладно, - широко улыбнулась нам Лина. - Но следующий раз я не приму никаких отговорок, так ему и передайте.

Она направилась к следующему столику и жестом приказала пианисту продолжать играть; и вскоре комнату заполнили звуки "Рэгтайма Кленового Листа".

Из чувства вины я заказал один из Лининых особых десертов - пудинг из батата, - и некоторое время мы сидели в уютной тишине, слушая музыку.

Окинув взглядом других посетителей, я увидел знакомое лицо: горничная миссис Джексон, Мэри, наслаждалась выходным вечером. Она и ее спутник — крупный мужчина с широкой заразительной улыбкой — сидели и смеялись, наслаждаясь музыкой.

В своем, вероятно, лучшем платье, с явной нежностью глядя на мужчину рядом с собой, Мэри была воплощением счастья. И я поймал себя на мысли, что завидую той близости, которая, очевидно, была между ними.

Изабелла снова заговорила:

- Ты сейчас идёшь домой, Саймон?

Я вытащил карманные часы и посмотрел время. Оставался ещё час до собрания в пивной, на котором, по словам мистера Страппа, должен присутствовать Джонатан.

- Пока нет, - кашлянул я. - Нужно посетить собрание анархистов в надежде узнать что-нибудь, что поможет расследованию и успокоит генерала.

- Позволь мне помочь, - предложила Изабелла серьезно. - Я могу притвориться твоей помощницей. А две пары глаз лучше, чем одна.

Я покачал головой.

- Ты слишком хорошо одета для того места. К тому же, я собираюсь там встретиться с… братом Ханны, - я неловко замолчал, зная, что она вспомнит имя брата Ханны.

- Но ты же идёшь туда под прикрытием, не так ли? - спросила она. И, заметив мое замешательство, добавила: - Ну, ты же не придёшь на собрание анархистов и не объявишь всем, что ты полицейский?

- Конечно, нет, - улыбнулся я, - иначе сегодня же вечером меня вздёрнут под потолком.

- Тогда я могу помочь создать прикрытие, - сказала она, вздернув подбородок. - Я хочу быть в этом деле твоим полноценным напарником, Саймон. И даже не пытайся сказать, что я тебе не нужна — особенно сейчас, когда у тебя нет Алистера.

Я понял, что не смогу её переспорить; она для себя уже всё решила.

- Тогда нам лучше съездить к тебе домой, чтобы ты смогла переодеться в свое самое старое, самое немодное платье, - сказал я, стараясь говорить непринужденно. - И даже тогда...

- Саймон, со мной всё будет в порядке, - с улыбкой перебила меня Изабелла.

Мне удалось выдавить в ответ слабую улыбку. И пока мы возвращались пешком к её дому, в голове у меня билась лишь одна мысль: я ступаю на очень тонкий лёд.

ГЛАВА 13

Пивная Чарльза Эрхарда, Тридцать пятая улица, дом 405.

20:00.

Зловонный смрад пивной Эрхардта был почти невыносим: запах алкоголя смешивался с запахом потных немытых тел.

В комнате стояла духота. Не помогало и то, что окна были плотно закрыты и завешены чёрной тканью, чтобы не привлекать внимания полиции — наивная практика, ибо даже в моем участке мы регулярно получали уведомления о том, когда и где проходят рабочие собрания.

Вместо того чтобы накрывать эти собрания, как это было когда-то в моём старом участке, полиция поняла, что более продуктивно проникать на них и получать ценную информацию. По крайней мере, так мы поступали до тех пор, пока не появлялся беглый анархист, арест которого произвёл бы настоящий фурор.

Дверь в пивную преграждали двое мужчин, которых больше интересовал собственный разговор, чем те, кто входил в зал, хотя их работа состояла в том, чтобы отсеивать непрошеных гостей, таких как Изабелла и я.

- Я согласен с тобой во всем, кроме насилия, Саввас, - сказал худой человек с редкой рыжей бородкой, качая головой. - Если послушать саму Эмму Голдман, она никогда не говорит об убийствах.

- Но как еще может произойти революция? Капиталистические отбросы не заботятся о том, что нам холодно и голодно. Они увольняют нас, если мы заболеем. Они никогда не дадут нам лучшую зарплату и условия труда по доброте душевной. - Саввас, невысокий плотный мужчина с густыми вьющимися черными волосами, от волнения ударил себя в грудь. - Только не при нашей жизни, Джо. Мы должны их *заставить*.

- Но теперь у нас есть профсоюз, пусть он заставляет, - упрямо сказал Джо. - ИРМ[16]. Вот реальная власть.

Я попытался протиснуться в комнату мимо этих двоих, прикрывая собой Изабеллу.

Даже в такой напряжённой обстановке от ее прикосновения по моей поврежденной правой руке словно пробежал ток — и это было особенно странно, учитывая, что я не привык ни к каким ощущениям, кроме боли.

Саввас преградил нам путь, и мы неловко застыли снаружи, под плакатом, рекламирующим ИРМ. На ней был изображен мужчина на фоне городского

[16] Индустриальные рабочие мира (ИРМ) — международная рабочая организация.

пейзажа, который стоял, скрестив руки на груди. Лозунг под ним гласил: "БОРЕМСЯ ВМЕСТЕ С НАЁМНЫМ РАБСТВОМ".

- Что такое ИРМ? - прошептала Изабелла.

- Это организация промышленных рабочих всего мира, - тихо объяснил я, это был новый союз, основанный анархистами вместе с синдикалистами и профсоюзными деятелями. - Ее лидеры считают, что она достаточно велика и хорошо организована, чтобы преуспеть там, где другие рабочие движения потерпели неудачу. Но её масштабы также означают, что она состоит из членов, которые не согласны друг с другом почти во всем.

Изабелла кивнула.

Черноволосый мужчина тем временем продолжал:

- Видел последний номер "Освободителя"? Там куча статеек о женских потребностях. Они требуют права на развод, им нужен доступ к контролю над рождаемостью. А кто посмотрит на мои права и потребности?

Второй мужчина пожал плечами.

- Это потому, что новым редактором стала Люси Парсонс[17]. Это не значит, что ИРМ не совершает великих дел для нас, рабочих.

Саввас вдруг заметил Изабеллу.

- А что вы думаете о Люси Парсонс, мисс? Думаете, она заботится о ваших нуждах?

Изабелла густо покраснела.

- Боюсь, я не знаю Люси Парсонс.

Я подождал мгновение, наблюдая за их реакцией и почти боясь дышать. Изабелла выглядела подходяще для сегодняшнего вечера, сменив свое прекрасное шелковое платье на поношенное и потертое черное муслиновое. Но ей было нелегко скрыть правильную и образованную речь.

Мужчины повернулись ко мне.

- Что-то мы тебя здесь раньше не видели, - прищурился Саввас.

- Меня пригласил Джонатан Страпп, - тихо ответил я.

- Да? - Он подозрительно приподнял бровь и окликнул дородного мужчину, стоявшего позади него. - Лукас, Джонни уже здесь?

- Он опаздывает. А что такое? Ты сомневаешься, что он наш соратник?

---

[17] Люси Парсонс — активистка американского рабочего движения конца XIX—начала XX века. Супруга казнённого анархиста Альберта Ричарда Парсонса. Приняла участие в становлении революционно-синдикалистского объединения ИРМ. Была первой феминисткой, подчёркивавшей важность классовой принадлежности женщины в борьбе за свои права.

На мгновение меня охватил страх. А что, если они узнают, что я детектив? Из-за меня Изабелла окажется в опасности. Я рассчитывал, что мое прошлое с Джонатаном защитит меня.

Но теперь, глядя на окружавшие меня агрессивные лица, я понял, что, возможно, недооценил, до какой степени гнев Джонатана изменил его.

- Возможно. - Саввас провел рукой по кудрявым черным волосам и с любопытством посмотрел на меня. - Откуда ты знаешь Джонни?

- Я был помолвлен с его сестрой.

Его подозрительный взгляд остановился на Изабелле.

- Тогда кто...

Он остановился на полуслове, когда его глаза уловили сигнал от кого-то позади меня.

Я обернулся и увидел стоящего там человека. Это был высокий, слегка полноватый мужчина с четко выраженными восточноевропейскими чертами лица: высокие скулы, темно-русые волосы, точеный нос и острый подбородок.

То, как прядь прямых волос падала на его левый глаз, прикрытый черной повязкой, придавало ему лихой вид. Но самым поразительным было то, что он излучал спокойную властность, хотя до сих пор не произнес ни слова.

Он пристально посмотрел на меня, прежде чем заговорить мягким, но отрывистым голосом:

- Джонни рассказывал мне о тебе. Ты - Саймон. - Он сделал шаг мне навстречу. - Тот самый Саймон, который стал бы его братом, если бы не грязные капиталисты, угробившие "Генерал Слокам".

Он протянул мне руку. Я сделал вид, что не заметил, что у него не хватает двух пальцев.

Его рот перекосился в подобии улыбки.

- Необходимая жертва делу, понесенная во время обучения студента искусству изготовления бомб. И я сожалею о твоей потере - потере, для которой до сих пор не добились справедливости.

- Наказали лишь капитана Ван Шейка, - кивнул я. - И то, если считать достаточным наказанием за преступную халатность срок в десять лет, из которых он не отсидит ни дня.

Капитан, чьё роковое решение обрекло в тот день на гибель более тысячи пассажиров, был осужден судом в январе этого года, но он остался на свободе под залог в 10 000 долларов.

Блондин покачал головой.

- Я бы не стал надеяться на правосудие. Судья Томас - инструмент капиталистической системы. А офицеры и директора пароходной компании

"Никербокер", которые так дорожили своей прибылью, что не стали вкладывать деньги в самые простые меры безопасности, даже не попадут под суд. Чего еще было ожидать? Вся система коррумпирована.

Я понимал, что мной манипулируют, и все же не мог не согласиться с ним - по крайней мере, в том, что касалось катастрофы "Слокама". Интересно, именно так видел произошедшее Джонатан?

Впервые я понял, как легко поддаться соблазну анархистов — в окружении тех, кто понимает, что такое несправедливость, и кто жаждет правосудия и лучшей жизни. Я был не согласен с их методами, но не с их идеалами.

- Меня зовут Павол Хлад. Не важно, соратник ты нам или нет, но я рад, что сегодня ты здесь. Пойдемте, я отведу вас обоих к Джонатану, — он жестом пригласил нас с Изабеллой следовать за ним.

Мы прошли мимо мужчин и женщин, которые вскидывали руки, чтобы приветствовать оратора, который только что вышел на трибуну. Я заметил Мэй Лин на сцене позади выступающего, хлопающую в ладоши. Я даже увидел своего старого школьного товарища Сэмюэля Лизке. Но Джонатана нигде не было видно. Пока.

Я крепко держал Изабеллу за руку, чтобы не потерять ее, время от времени поглядывая на рабочего железной дороги, который под одобрительные возгласы толпы говорил о лучшей зарплате и более коротком рабочем дне.

- Железными дорогами управляют такие люди, как Джей Гулд и Корнелиус Вандербильт, - сказал оратор, задыхаясь от отвращения и бормоча “грязные капиталисты”.

- Вы думаете, их заботит, хватает ли нам денег на еду?! Есть ли у нас приличное жилье? - кричал выступающий, стуча кулаком по трибуне.

- Нет! - крикнула толпа в ответ.

- Разве их волнует, что наши дети целыми днями работают на фабрике, когда им положено быть в школе?

- Нет, чёрт возьми! - во второй раз они крикнули ещё громче.

Он продолжал говорить, доводя всех в комнате до исступления. Но больше я ничего не слышал, потому что мы подошли к тому, что выглядело как бетонная стена в задней части комнаты. Я с изумлением наблюдал, как Павол поднял кусок проволоки длиной в фут, вставил его в одну из щелей, и стена волшебным образом открылась.

Мы последовали за Паволом в комнату поменьше.

- А как это работает? - спросил я, рассматривая большие петли по обе стороны стены.

Тот пожал плечами.

- Прецизионные петли. А дверь облицована бетонной плитой.

- Тебе всегда всё надо знать, да, Саймон?

Я резко обернулся, так как думал, что комната пуста. Может быть, там есть еще один потайной ход? Или я что-то упустил?

Я впервые за два года столкнулся лицом к лицу с Джонатаном Страппом. Копна его каштановых волос была точной копией волос Ханны, но на этом сходство между ними заканчивалось.

Ханна всегда была готова улыбнуться. А лицо Джонатана было искажено гневом, и глаза, не отрываясь, смотрели на меня из-за очков в проволочной оправе. Он похудел; одежда так свободно свисала с его хрупкого тела, что он казался даже моложе своих двадцати трех лет.

- Оставлю вас наедине, - сказал Павол и скрылся за фальшивой бетонной стеной.

- А это кто? - кивнул Джонатан на Изабеллу. - Замена моей сестры?

Изабелла спокойно отнеслась к его грубости.

- Можете называть меня миссис Синклер. Я вместе со своим тестем помогаю Саймону в расследованиях.

- Вы замужем? - он скептически приподнял бровь.

- Вдова, - тихо ответила Изабелла.

- Может быть, присядем? - предложил я, указывая на стол и стулья в центре комнаты.

Но Джонатан покачал головой.

- Мне ни к чему садиться. Мне нечего тебе сказать. Я согласился на эту встречу лишь для того, чтобы успокоить своего отца, - отрывисто произнёс он.

Я сел, жестом предложив Изабелле сделать то же самое. Я заставил себя принять расслабленную позу, хотя на самом деле не чувствовал ни грамма спокойствия.

Это была стратегия, которую я давно разработал для такого рода ситуаций — чем сложнее разговор, тем сильнее нужно казаться непринужденным и собранным. Чаще всего это приводило к тому, что люди разглашали больше информации, чем намеревались.

- Твой отец беспокоится о тебе, - сказал я. - Ты мог бы почаще навещать своих родителей.

Он резко, гортанно рассмеялся.

- Кто бы говорил, Саймон! Ты сам не появлялся уже два года!

- Я - не их сын, - покачал я головой, но его слова попали в цель.

- А мог бы им стать.

- А теперь у тебя есть дочь — красавица с такими же глазами, как у Ханны.

- Да. Мои родители заботятся о ней лучше, чем я когда-либо мог надеяться.

- Хотя она - *твоя* дочь. *Твоя* ответственность, - сказал я.

В глазах Джонатана мелькнула злость.

- Моя ответственность - в этом здании. Ей будет лучше с ними. Она заполняет пустоту, которую оставила в их сердцах Ханна.

- Сомневаюсь. Что может быть важнее, чем собственная дочь?

Джонатан ничего не ответил, сердито глядя на меня.

- А ещё у тебя должны быть обязательства перед ее матерью. Кто она?

- Не твоё дело. Не вмешивайся, Саймон, предупреждаю тебя.

- Без матери ты тем более нужен своей дочери, - сказал я, сохраняя спокойный тон. - Я, например, не понаслышке знаю, что происходит в семьях, где нет отца.

Его лицо окаменело.

- Это потому, что твой отец был пьяницей и игроком, который думал только о себе. Если не считать того, что тебе пришлось оставить учебу в Колумбийском университете, когда он уехал, тебе было лучше без него. Каждому из вас.

Без предупреждения он сел рядом с нами, настолько резко отодвинув стул, что я подумал, что тот сломается.

- Моя обязанность состоит только в том, чтобы сделать мир лучше. Для моей дочери, - сказал он. - Там, где ее не заставят работать в доме какой-нибудь богатейки, открывать двери или мыть полы. Там, где она сможет работать за справедливую зарплату и с нормальным рабочим графиком. Где она будет жить в хорошем доме. А ее дети будут ходить в школу и смогут получить образование.

- Ты ведь тоже когда-то этого хотел, - вздохнул я. - Что с тобой случилось, Джонатан? Ты отказался от всего, о чем когда-то мечтал - и ради чего? - Я кивнул на соседнюю комнату. - Эти люди понимают проблемы нашего общества, но у них нет ответов.

- Ты прав, у них нет ответов, - сказал он уже тише. - Они думают, что еще несколько пенни в час сделают жизнь лучше. Но этого не будет. Они болтают до посинения и думают, что политики и журналисты станут их слушать. А ведь они никогда этого не сделают. - Он стукнул кулаком по столу. - Столько разговоров... А что в итоге? Ничего!

- Тогда почему ты здесь?

- Потому что избранная группа среди нас верит в то, что все эти разговоры можно превратить в действие. Мы хотим быть свободными — хотя мы никогда не добьемся этого, пока все наши угнетатели не будут побеждены, и капиталистическая ложь не будет раскрыта.

- И кто же ваши угнетатели? - перебила его Изабелла. - Кроме работодателей, которые не платят прожиточный минимум и не обеспечивают достойных условий труда?

Джонатан фыркнул.

- Все наше общество состоит из систем, которые нас угнетают. Наши религии принуждают женщин к рабству через брак. Наши правительства дают руководителям-разбойникам карт-бланш на отказ рабочим всего мира в самых элементарных правах человека. Только свергнув все это, мы можем начать все заново.

- Когда ты это решил, Джонатан? - спросил я. - У тебя были задатки великого ученого. Ты ведь всегда считал, что научные достижения произведут революцию в мире.

- Наука не поможет, если трудящиеся не могут заработать себе на жизнь.

- Это не так, - ответил я. - Особенно в медицине. Мы видим, что наука совершает великие дела для всех, включая рабочий класс. Я знаю, что тебе было плохо после того, как Ханна умерла. И такие люди, как Павол Хлад, ничем тебе не помогут, втягивая в дела, которые тебе не по силам.

Его глаза вспыхнули гневом.

- Мне всё по силам! Я занимаю авторитетное положение в этой организации. Люди мне подчиняются.

Я постарался ответить спокойно.

- Мне всё равно, кто тебе подчиняется. Но если ты имеешь дело с людьми, которые выступают за убийство и насилие, то ты вляпался по уши.

Он злобно посмотрел на меня, но промолчал.

- Ты имеешь какое-нибудь отношение к убийству судьи Джексона?

Джонатан не произнёс ни слова.

Я повторил вопрос, практически умоляя его:

- Просто скажи мне, что это был не ты, Джонни! Хлад, или Джо, или Саввас - чёрт с ними. Но только не ты.

Он лишь холодно взглянул на меня.

- Мне нечего тебе сказать. Пожалуйста, уходите.

- Послушай меня. Убийство судьи Джексона - самое громкое дело, которое я когда-либо расследовал. Комиссар взял его под личный контроль, и публике нужен козел отпущения. Они жаждут мести. Кто бы это ни был... если это твои друзья, которых ты хочешь защитить, — то тебе нужна моя помощь.

Джонатан поднялся, опёрся о стол, и посмотрел на меня исподлобья.

- Ты должен уйти сейчас же, Саймон. Мне нечего тебе сказать. Больше не приходи.

- Ты разрушаешь свою семью, - сказал я. — Своих родителей и дочь, которая нуждается в тебе.

Бросив последний злобный взгляд, он пересек комнату и открыл бетонную стену.

- Вон. Сейчас же.

Я взял Изабеллу за руку, и мы направились к выходу. И прежде чем пройти в дверь, я обернулся к Джонатану в последний раз.

- Ханна не хотела бы этого, Джонатан. Она ожидала от тебя чего-то другого.

- Думаю, от тебя она тоже ожидала чего-то другого, - ответил мне Джонатан, пристально глядя на Изабеллу.

Его лицо было напряжено, когда он закрыл дверь и последовал за нами в переполненный зал, а потом исчез в толпе. Оратор к этому времени уже закончил, но большая часть аудитории осталась — пила и болтала.

- Нам лучше убраться отсюда, - громко сказал я на ухо Изабелле, подталкивая ее к двери. Я осознал, что никаких привилегий в этом пабе знакомство с Джонатаном мне больше не даёт.

И что еще хуже: все мои надежды на то, что Джонатан невиновен в анархистском насилии, теперь рухнули. Как мне сказать Страппам, что их единственный сын вполне может быть виновен в убийстве?

* * *

На Тридцать пятой улице — по крайней мере, в западной её части — было тихо и безлюдно. Я подтолкнул Изабеллу, побуждая её идти быстрее:

- Я буду чувствовать себя в большей безопасности, когда мы доберемся до Бродвея.

Она бросила на меня озадаченный взгляд.

- Ты же не думаешь, что нам грозит опасность?

- Я не доверяю Джонатану, - ответил я.

- Они были не такими, как я ожидала, - сказала Изабелла, качая головой. - Особенно Павол Хлад. Я не ожидала, что он будет так... красноречив.

- Только не говори мне, что ты веришь всему, что пишут в газетах: что все анархисты - бросающие динамит, выжившие из ума иммигранты?

- Конечно, нет. Но я и не ожидала, что они будут так рационально доказывать свою точку зрения.

- Их аргументы убедительны, - сказал я, ускоряя шаг. - Большая часть разговоров безнадежно идеалистична, но вполне рациональна.

Я оглянулся и увидел вдалеке троих мужчин. Может, они вышли из пивной? Как бы то ни было, я не хотел рисковать.

- Ты можешь идти быстрее? - спросил я Изабеллу. - Нам нужно скорее добраться до Бродвея: там и людей больше, и такси можно поймать.

Мужчины целенаправленно шли в нашу сторону, потихоньку догоняя. Я окинул взглядом улицу: в это время ночи поблизости не было ни одного такси.

- Давай поторопимся, - прошептал я Изабелле, слыша за спиной топот ног.

Ещё один взгляд через плечо.

Теперь они бежали, почти нас догоняя. Если мы разделимся, по крайней мере, Изабелла будет в безопасности.

Впереди виднелись огни Бродвея.

- Им нужен я, а не ты, - решительно заявил я. - Иди вперёд без меня. Когда доберёшься до Бродвея, найди помощь.

Она бросила на меня испуганный взгляд.

- Саймон... Я...

- Ты справишься, - заверил я её. - Немедленно зови на помощь. Найди патрульного. Или отель — что угодно, где есть телефон, чтобы позвонить в участок.

Когда она побежала вперед, я пересек улицу, чуть не споткнувшись о кучу грязи посреди дороги.

"С ней все будет в порядке", - сказал я себе.

Трое мужчин тоже перешли дорогу. Кажется, один из них - Саввас? Тот рослый русский, с которым я столкнулся на входе?

Приготовившись к драке, я рванул вперед — но всего через несколько мгновений яростный удар свалил меня на тротуар.

- Мы не любим, когда свиньи суют свой нос в наши дела, - прорычал хриплый голос.

Точно. Саввас.

Я перекатился на спину и вскочил. Изо всех сил ударил его в пах, и он тоже оказался на земле. Еще один быстрый удар по голове, и Саввас больше не шевелился.

Но его спутник, коренастый блондин, которого я не узнал по пивной, бросился на меня с дубинкой, от которой я едва увернулся.

Я был в меньшинстве. И все же не был легкой мишенью. Моя юность прошла на опасных улицах Нижнего Ист-Сайда, и я не был новичком в драках и бандитских разборках. Я быстро оглядел двух оставшихся мужчин. Кроме человека с дубинкой, передо мной стоял еще смуглый человек, который, похоже,

никогда не держал в руках оружия. Это хорошо, потому что я оставил пистолет в участке, опасаясь, что меня обыщут на входе в пивную.

Без предупреждения я поднырнул под блондина, сбив его с ног. Когда он упал на одно колено, я рубанул его по горлу здоровой левой рукой.

Мужчина выпустил дубинку. Выхватив его упавшее оружие, я повернулся к смуглому мужчине.

- Кто вас послал? Джонатан Страпп?

Мужчина хмыкнул и презрительно сплюнул на тротуар.

Понимая, что мне не удастся найти выход из этого затруднительного положения, я осторожно двинулся вперед, размахивая дубинкой.

Но мое преимущество было недолгим. Саввас быстро оправился от моего удара.

"Слишком быстро", - подумал я, когда он ударил меня кулаком в висок.

Я упал на землю, и на меня сверху набросился смуглый мужчина. В лицо мне пахнуло жевательным табаком и чем-то кислым. Я дернулся, пытаясь сбросить его с себя. Но на меня обрушился ещё один удар, и перед глазами всё почернело.

* * *

- Саймон! Саймон!

Настойчивый голос Изабеллы доносился до меня, словно через толстый слой ваты.

Но когда я открыл рот, чтобы заговорить, из него не вылетело ни звука. Я попытался открыть глаза, но не смог.

- С ним всё будет в порядке. Выглядит хуже, чем есть на самом деле.

Это был голос Малвани. Он успокаивал Изабеллу. Значит, с неё всё в порядке.

Я почувствовал, как ее рука мягко коснулась моей щеки, и ощутил, как другие руки подняли меня, прежде чем я снова погрузился во тьму, которая была освобождением от всей боли и беспокойства.

25 октября 1906 года.

Четверг.

ГЛАВА 14

Девятая авеню, Клинтон.

09:00.

Голос Бриджет Малвани звал меня, проникая сквозь туман тяжелого сна на следующее утро.

- На столе стоит яичница с ветчиной. Тебе лучше встать, пока они не остыли, - едко сказала она. - На стуле ты найдешь чистую одежду. Они принадлежат брату Деклана. Он гораздо крупнее тебя, но думаю, с тебя штаны не свалятся.

Я медленно сел и попытался открыть глаза, но тяжелые, распухшие веки позволили себе лишь крошечную щелочку. Я был дезориентирован, в голове грохотали отбойные молотки; малейшее движение отзывалось болью по всему телу.

- Держи. - Она положила на кровать маленькое коричневое полотенце с завёрнутым в него льдом, который я с облегчением приложил к глазам.

Мне удалось пробормотать несколько слов благодарности, но Бриджет отмахнулась.

- Всё в порядке. Миссис Харт поделилась со мной своими залежами льда. Её младшая дочь, Энни, в прошлом месяце вышла замуж, и теперь миссис Харт живёт одна.

После ее ухода мне удалось одеться. В импровизированной гостевой комнате, куда меня поместили Малвани, — в углу их главной гостиной, где они положили матрас и повесили выцветшие красно-белые клетчатые занавески для моего уединения, — зеркала не было. Но я знал, что выгляжу ужасно.

Я направился к круглому сосновому столу в кухне, где обычно обедало семейство.

Малвани уже сидел на своём месте и ждал меня.

- Хорошо выспался, Зиль? Это правильно. Доктор вкатил тебе большую дозу хлоралгидрата. - Он ухмыльнулся. - Бьют похлеще нокаута.

- Это объясняет, почему мне было так трудно проснуться сегодня утром, - хмуро покачал я головой. Это также объясняло, почему мысли в голове словно плавали в густом тумане.

Я сел напротив Малвани.

- Как я попал сюда? Ничего почти не помню.

Действительно, последним моим воспоминанием была драка в переулке.

- Невестка твоего профессора сразу побежала в участок, как только вы расстались. Я ещё сидел там, работал. - Он поднял бровь. - Ты ее здорово напугал; она думала, что тебя убьют. Поэтому послали пару молодых парней, чтобы спугнуть бандитов. Потом приехали мы с Тимом Галлахером и забрали тебя.

Малвани пододвинул ко мне чашку кофе.

- Я сделал покрепче.

Я тут же сделал большой глоток; знакомый аромат согревающего напитка принёс существенное облегчение.

- Конечно, - продолжал он с усмешкой, - я сразу отдал приказ разогнать собрание рабочих, на котором ты побывал. И поскольку Изабелла не смогла определить, кто именно на вас напал, мы задержали, по меньшей мере, тридцать анархистов. Они посидят в тюремной камере, пока ты не поправишься настолько, чтобы добраться до центра города, официально опознать нападавших и выдвинуть обвинения.

- Джонатан среди них? - поинтересовался я.

Малвани сдержано кивнул.

- Чертовски жаль, правда?

- Мы ведь точно не знаем..., - начал я, но Малвани вскинул руку.

- Даже не начинай, - пристально посмотрел он на меня. - Я попросил Изабеллу опознать человека, с которым вы разговаривали вечером. Она рассказала, как он был зол — и мы считаем, что это тот же человек, который приказал на вас напасть. Ты относишься к нему гораздо лучше, чем он к тебе.

Но я не мог поверить, что Джонатан действительно виновен. С таким же успехом отдать приказ мог Хлад или Саввас. Кроме того, я беспокоился не о Джонатане, а о его семье.

- Тебе сегодня нужно будет опознать остальных. Но это не к спеху.

“Не к спеху” означало, что Малвани собирается продержать их в камере предварительного заключения как можно дольше.

- А если серьезно, как ты себя чувствуешь? - спросил он обеспокоенно. То ли моя внешность, то ли мрачное настроение дали ему повод для новых переживаний.

- Со мной все будет в порядке, - пожал я плечами. - Иногда мне кажется, что комиссар прав: в этом городе есть лишь отбросы общества и всякий мусор. Каждый сам за себя, и будь проклят тот, кто встанет у них на пути.

Лицо Малвани напряглось.

- Это не только здесь; это повсюду, Зиль. А с такой работой, как у нас, мы видим лишь худшее в человеческой природе. Только жадность и полное пренебрежение к жизни…

Он немного помолчал, а потом продолжил:

- Вчера вечером я задержался на работе, потому что мы арестовали члена “Черной руки". Его поймали на месте преступления — он как раз собирался поджечь фитиль бомбы в подъезде многоквартирного дома.

- Значит, он планировал уничтожить дом, потому что владелец здания не захотел платить деньги за охрану? - спросил я, качая головой. - Не обращая внимания на цену невинных жизней?

— У них всегда все сводится к деньгам и поддержанию репутации "Черной руки", - ответил Малвани.

Я отодвинул тарелку: сегодня утром у меня не было аппетита.

- Анархисты утверждают, что ими движут моральные идеалы. Но вот, что интересно: если бы они получили то, что хотели, оказались бы они такими же продажными, жадными и зависимыми от власти, как люди, которых они хотят уничтожить?

- В этом городе нет места чести и порядочности, Зиль, - грустно посмотрел на меня Малвани. - Мы делаем все, что в наших силах, особенно для тех, кто этого заслуживает. Это единственная причина, по которой я все еще могу работать над убийствами после стольких лет.

- Кстати, об убийствах: ты присутствовал вчера вечером на вскрытии судьи Портера? - поинтересовался я.

- Да. Всё просто - смерть от огнестрельного ранения. Но не волнуйся, - усмехнулся он, - у нас еще осталась одна серьезная зацепка.

Он сунул руку в карман, вытащил белый носовой платок и положил его передо мной на стол.

Я медленно развернул его и увидел блестящий золотистый предмет.

- Пуля. Та самая, что мы нашли вчера в отеле?

- Именно. И доктор Дженнингс подтвердил, что именно эта пуля убила судью Портера. - Он с любопытством посмотрел на меня и протянул еще один носовой платок. - А теперь посмотри и скажи: они совпадают? Можешь использовать лупу.

Слезящимися глазами я попытался сравнить две маленькие латунные пули калибра .32, сосредоточившись на количестве канавок и перемычек. На каждом были характерные знаки, которые казались похожими, - по крайней мере, на мой непрофессиональный глаз.

- Они очень похожи. Откуда у тебя вторая пуля? - поинтересовался я.

- Я вчера наведался к Функе, продавцу оружия.

- И у него случайно оказалась под рукой запасная пуля, подходящая к нашему орудию убийства?

- Даже лучше, - сказал Малвани с самодовольной ухмылкой. - Так уж случилось, что у него есть само орудие убийства.

Я не поверил своим ушам.

- Да ты шутишь!

- И не думал. Убийца — или тот, кто ему помогает, — вернул вчера оружие, заявив, что оно неисправно.

Я потерял дар речи.

- Заканчивай завтрак, - Малвани поднялся из-за стола. - Съездим на Чемберс-стрит, и ты сам всё услышишь.

* * *

Оружейный магазин Функе на Чемберс-стрит, 53 раз за разом оказывался для нас незаменимым.

Там Функе и его правая рука, Салливан, продавали и ремонтировали всевозможное оружие. Ходили слухи, что мы каждый месяц отдавали немалую сумму, чтобы они оставались полицейскими осведомителями.

Но их информация пусть и была дорога, но никогда не подводила - результат тонкой грани, по которой они шли: между законной торговлей огнестрельным оружием и тем, что таковым точно не являлось.

Магазинчик был небольшим; со стен и потолка свисали всевозможное оружие - от винтовок и пистолетов до дробовиков. Запах оружейной смазки и полировки сбивал с ног, но стоило переступить порог, как нас встретила широкая улыбка Салли.

— Саймон Зиль! Рад, что ты вернулся. Сто лет не виделись, да? Тебе следовало бы приходить почаще. Я мог бы снабдить тебя чем-нибудь таким, что прогнало бы того, кто оттяпал у тебя кусок башки.

Он многозначительно посмотрел на мой опухший глаз и разбитое лицо, которое начинало болеть всё сильнее, с тех пор как действие лекарства стало проходить.

Но я предпочитал не носить оружие, за исключением тех редких случаев, когда это было абсолютно необходимо. Я не хотел поддаваться искушению использовать его.

- Со мной все в порядке, Салли, - попытался я улыбнуться. - Кроме того, я слышал, что у тебя в магазине есть вещь, которая очень нас с капитаном интересует.

Глаза Салли, цветом напоминающие темно-синие никелевые пистолеты на стойке справа от него, заблестели от возбуждения.

- Есть, есть. - Он достал деревянную коробку и поставил перед собой на стеклянную витрину.

- Вчера капитан принес мне пулю из орудия убийства.

- Совершенно верно, - кивнул Малвани. - Вот она.

Он снова достал маленький медный шарик, отнявший жизнь у судьи Портера.

Салли поднял пулю — крошечную вещицу по сравнению с его толстыми пальцами.

- Очевидно, это пуля калибра .32. И когда я посмотрел на эти канавки и перемычки, - сказал он, - то сразу заподозрил, что стреляли из автоматического пистолета Браунинга. - Он поднял голову. - Вы знаете, что в наши дни можно сопоставить отдельную пулю с пистолетом, из которого она была выпущена?

- Знаем, - кивнул я. - С тех пор, как судья Оливер Уэнделл Холмс сам показал нам, как это делается.

Много лет назад Холмс вызвал в зал суда оружейника, чтобы тот проверил предполагаемое орудие убийства. Затем он воспользовался увеличительным стеклом, чтобы сравнить отметины на тестируемой пуле с пулей, извлечённой из жертвы.

И всё получилось. После того, как эти доказательства были сообщены присяжным, те быстро вынесли обвинительный приговор.

- Значит, вы тоже знакомы с этим методом, - одобрительно заметил Салли. - Вчера я произвел пробный выстрел из обычного автоматического пистолета Браунинга 1900 года. Потом мы с капитаном осмотрели пули, и они оказались похожи — настолько похожи, что я мог с уверенностью сказать, что орудием убийства был Браунинг. Но следы не были достаточно точными, чтобы сказать, что это была та же самая модель Браунинга, из которой выпустил пулю я.

Он снова поднял медную пулю и постучал себя пальцем по голове.

- И тут мне кое-что пришло в голову. Такой же Браунинг был возвращен в магазин только вчера. И я подумал: почему бы не проверить его? И в итоге, этот Браунинг оставил следы, идентичные той пуле, которая убила вашу жертву. Это ведь просто чёртова удача! Лучшее, что мы могли бы сделать, это просто определить модель Браунинга, а тут...

Он замолчал и как-то неуверенно на меня взглянул.

- Может быть, вы хотите посмотреть сами?

Я кивнул.

Он улыбнулся в предвкушении, открывая деревянный ящик. Внутри лежал небольшой, сантиметров пятнадцать в длину, пистолет серебристого цвета с двумя стволами. Салли с любовью погладил рукоять.

- Смотрите, какая красавица. Сейчас таких никелированных осталось мало; в основном ходит воронёная сталь. И весит меньше фута!

Наблюдая, как он держит пистолет голыми руками, я бросил обеспокоенный взгляд на Малвани.

- Я вчера уже снял с него отпечатки, - кивнул он. - Но их не было. Он был начисто вытерт, хотя сложно сказать наверняка: убийца пытался избежать идентификации личности или просто чистил оружие.

Салли бросил на меня взгляд.

- Готов к проверке?

В одной руке он держал кучу хлопчатобумажных тряпок, в другой - Браунинг. Затем положил ткань в деревянный ящик, зарядил пистолет новой латунной пулей калибра .32 и выстрелил. В ушах ещё несколько секунд стоял грохот.

Салли вытащил свёрнутую ткань и передал её мне.

Взяв крошечную латунную пулю, я положил ее рядом с оригиналом, найденным на месте убийства судьи Портера, и увеличительное стекло, которое дал Салли, показало правду даже моим опухшим глазам: теперь у нас было три пули с одинаковыми отметинами.

Не было никаких сомнений, что блестящий никелированный пистолет в руке Салли - наше орудие убийства.

- Ну что ж, - протянул я, кладя пулю на стеклянный прилавок - мы нашли орудие убийства. Что ты можешь рассказать о его владельце?

Салли бросил на меня хитрый взгляд.

- При условии, конечно, что покупатель и конечный пользователь пистолета - одно и то же лицо.

- Конечно.

Салли был одним из самых проницательных информаторов, которых я когда-либо встречал. Наверно, он и должен таким быть, с его-то работой.

Он пересек комнату и направился к маленькому секретеру из орехового дерева, где хранил гроссбух; мы с Малвани последовали за ним. Салли вытащил журнал и ткнул пальцем в нужную строку; я в очередной раз порадовался, что он вел записи, систематизированные по оружию, а не по клиенту.

- Смотрите. - Он ткнул пальцем в пометку о никелированном Браунинге 1900 года. - Пистолет поступил в мой магазин в понедельник, десятого сентября, от моего обычного продавца. Я почистил и проверил его; затем он находился в магазине, пока в четверг, четвертого октября, не пришел клиент. Он был доволен и купил его на следующий день, пятого октября. А вчера — в среду, двадцать четвертого — он вернулся в мой магазин. Пожаловался на сильную отдачу, говорил, что пистолет неисправен. - Салли вздохнул. - Я знал, что он лжет мне; эта малышка - одна из лучших, когда-либо поступавших в мой магазин. И я

обычно не возвращаю деньги после того, как прошло семь дней после покупки. Но в данном случае я вернул ему всю сумму и забрал пистолет — просто потому, что пистолет мне очень понравился. Я знал, что мне не составит труда найти ему нового владельца — такого, который оценил бы этого красавца.

- Он назвал свое имя или адрес? - спросил я.

- Адрес - нет, но он назвал свое имя, - ответил Салли. - Разве капитан тебе не сказал?

Я вопросительно посмотрел на Малвани.

- Лучше спроси, как он выглядел, - почти прорычал Малвани.

- Почему? - подозрительно уточнил я.

Салли пожал плечами.

- Я могу повторить только то, что сказал вчера капитану. Высокий мужчина. Белокурые волосы. Мне показалось, что он скандинав - судя по акценту, скорее всего швед. Но я не специалист в этом.

Я тут же вспомнил лифтера в отеле "Бреслин".

- Снаружи его ждала женщина, - продолжил Салли. - Я ее не разглядел хорошенько, но она была невысокого роста, низенькая, с экзотической внешностью.

- Китаянка? - Мне на ум сразу пришла Мей Лин.

- Да чёрт его знает, я плохо рассмотрел.

- Так он сказал своё имя? - повторил я вопрос и затаил дыхание.

Но какое-то шестое чувство подсказало мне ответ ещё до того, как Салли ответил.

- Сандерс. Он сказал, что его зовут Леруа Сандерс. Видишь? - Салли указал покрашенными смазкой пальцами на другую строку в своем гроссбухе. - Я заставил его поставить подпись.

Я провёл пальцем по его подписи. Мне не нужен был специалист по почерку, чтобы сказать то, что я ясно видел собственными глазами: подпись идеально повторяла ту, что была сделана в регистрационной книге отеля.

ГЛАВА 15

Камера предварительного заключения, "Гробница", Центральная улица. 12:30.

Главная камера на первом этаже "Гробницы" обычно заполнена разношерстным сборищем пьяниц и воров, но сегодня она была забита до отказа тридцатью с лишним мужчин-анархистов, которых Малвани выловил в пивной вчера вечером после нападения на меня.

Младший дежурный офицер уже меня ждал.

- Вы пришли быстрее, чем мы думали, - сказал он с усмешкой. - Не спешите выдвигать обвинения, пусть еще немного посидят в холодильнике.

- Не то чтобы некоторые из них не заслуживают того, чтобы остаться в "Гробнице", но я надеюсь, что у вас тут есть один конкретный человек, - сказал я. - Высокий, широкоплечий, с белокурыми волосами и другими скандинавскими чертами лица. Возможно, со шведским акцентом.

- Я проверю, - сказал он, выскакивая из-за стола. - А пока почему бы вам с капитаном не устроиться поудобнее в "смотровой"?

"Смотровая" представляла собой помещение, примыкавшее к главному коридору, отличавшееся небольшой щелью в стене, которая позволяла видеть помещение предварительного заключения и в то же время обеспечивала некоторую степень уединения, когда потенциальные заключенные проходили перед ней.

Малвани громко выругался, едва сдерживая раздражение:

- В этом нет никакого смысла! Кто этот швед, убивающий судей во имя Леруа Сандерса?

- Согласен. Леруа Сандерс - ключ к разгадке. Выясним, кто он такой, и окажемся на пути к раскрытию этих убийств, - сказал я и хотел продолжить, но меня прервал вернувшийся офицер "Гробницы".

- Вот они, - сказал он.

Шеренга из шести блондинов прошла перед окном, поворачиваясь попеременно то в профиль, то анфас.

- Второй слева был одним из нападавших на меня прошлой ночью, - сказал я офицеру, указывая на коренастого блондина, который вчера был с дубиной. - Вы можете официально предъявить ему обвинение в нападении. Но он не тот, кого мы ищем.

- У нас в камере есть еще несколько человек, которые могут вас заинтересовать, - ответил офицер.

Он вышел наружу, чтобы дать указания людям, которые занимались опознанием. Пятеро мужчин последовали за одним полицейским налево, на свободу; а моего нападавшего повели направо - в камеру.

Перед моими глазами пронесся целый поток задержанных, и я смог опознать Савваса, смуглого человека с кислым дыханием и других нападавших. Но лифтера из отеля "Бреслин" нигде не было.

После того как младший офицер удалился, чтобы помочь оформить нападавших, я повернулся к Малвани.

- Ты поручил Майку Бернсу опросить всех в “Бреслине"; он должен был найти зацепку на нашего шведа. Где мы можем найти Бернса?

- Комиссар дышит мне в затылок, пытаясь найти хоть какие-то зацепки по делу об убийстве в "Бреслине". Хотя обычно я не люблю, когда мои подчинённые меня обходят, я сказал Бернсу, чтобы он доложил о своих находках непосредственно комиссару. Он один из моих лучших людей и знает, как обращаться с секретной информацией. Я знал, что буду занят с тобой все утро, - сказал Малвани, вытащил карманные часы и посмотрел на время. - Уже почти час дня. Думаю, мы сможем его перехватить. Кроме того, - добавил он мрачно, - комиссар наверняка уже знает о том, как тебя прошлой ночью избили. И, возможно, он захочет услышать это от тебя.

Малвани был прав, и у меня внутри всё сжалось от неприятного предчувствия.

* * *

Мы заехали в полицейское управление на Малберри-стрит и узнали, что комиссар обедает в "Ломбарди" на Спринг-стрит.

Сытный завтрак Бриджит Малвани с утра не лез мне в горло, но сейчас я был так голоден, что название "Ломбарди" оказалось музыкой для моих ушей.

— Придётся нарушить его спокойный обед, - пробормотал я, когда мы возвращались обратно в центр города.

Когда мы приехали, "Ломбарди" был уже битком набит. Несколько строителей выстроились в очередь перед дверью, ожидая, когда их пустят купить столько томатного пирога, сколько выйдет на два цента.

Мы прошли мимо очереди в столовую, где два ряда красных и белых клетчатых столов были заполнены посетителями.

Генерал Бингем сидел в дальней части комнаты рядом с большой кирпичной печью, занимавшей почти всю заднюю стену, и как раз накладывал себе огромный кусок томатного пирога.

Майк, вероятно, только закончил доклад, и весь стол вокруг него был завален бумагами. Он даже не заметил, как мы подошли. Но не генерал.

- Капитан. Детектив. Присоединяйтесь к нам. - Он вытер седые усы красной салфеткой. - У нас полно еды, угощайтесь.

Мы с Малвани взяли по куску томатного пирога и с благодарностью приняли принесенные официантом стаканы с водой.

И хотя обычно мне было бы трудно есть что-либо под строгим взглядом комиссара, сегодня я таких проблем не испытывал.

- Вы пришли доложить о ходе расследования, - сказал он, внимательно осматривая мои синяки и ссадины. - О прогрессе, который был достигнут ценой личных усилий - по крайней мере, для детектива.

— Да, - кивнул Малвани, - нам ещё многое предстоит проверить, но... Видите ли, мы считаем, что у детектива Бернса может быть ключ к разгадке нашего дела. Мы нашли орудие убийства, которым был убит судья Портер. И у нас есть отличное описание человека, который купил его у Функе. Мы надеемся, что допросы детектива в "Бреслине" позволили установить личность этого человека.

Генерал громко, гортанно рассмеялся.

- А Бернс мне только что доложил, что его допрос вообще не дал никакой информации.

Майк Бернс покраснел от смущения.

- Для меня это новость, генерал, - повернувшись к Малвани, он спросил: - Какого человека вы ищете?

Мы с Малвани по очереди рассказали ему о том, что произошло сегодня утром. И когда мы закончили, я добавил:

- Итак, основываясь на описании из оружейного магазина и совпадающих подписях, мы ищем лифтера из “Бреслина", который поднял нас наверх в то же утро, когда было обнаружено тело судьи Портера. Мы видели его собственными глазами — и я узнал бы его где угодно.

- Но его не было среди анархистов, которых вы поймали после вчерашнего собрания в пивной, - задумчиво произнес генерал.

- Не было, - кивнул я.

Майк Бернс озадаченно посмотрел на нас.

- Но я опросил всех трех лифтеров, работающих в "Бреслине". Ни один из них даже близко не подходит под ваше описание.

У меня ёкнуло сердце.

- Ты уверен, что в их штате только три лифтёра?

- Уверен, - кивнул Майк. - Можешь просмотреть мои записи. - Он передал пачку бумаг Малвани, который тут же принялся их листать. - У меня есть имена, адреса и описания внешности всех, с кем мы говорили. И я определенно помню

лифтеров: я подробно говорил с каждым из них обо всех, которого они поднимали и опускали в течение нескольких часов перед убийством.

- Но никто не упоминал о мужчине со светлыми волосами? - поинтересовался я.

Майк покачал головой.

- Тогда как объяснить тот факт, что тем утром нас поднимал на лифте именно он? - прорычал Малвани.

Майк пожал плечами.

- Может быть, он воспользовался пятиминутным перерывом обычного лифтёра. Может быть, ему нужно было что-то забрать. А может, он просто хотел посмотреть, как продвигается расследование. Все, что я могу вам сказать, это то, что никто о нем не упоминал. Больше его никто не видел.

- Но мы-то видели! - воскликнул я. - И человек, соответствующий его описанию, расписался за оружие у Функе. - Я вытащил из кожаной сумки журнал, который дал нам Салли. - Вот, добавьте это к уликам. И когда сверите его с регистрационной книгой отеля, то обнаружите, что его подписи идеально совпадают.

- Но ты считаешь, что имя вымышленное? - уточнил Майк.

- Не знаю, - нахмурился я. - Но никаких упоминаний о Леруа Сандерсе мы не нашли.

- Подключите наши журналистские контакты, - тихо приказал генерал. - И сообщите это имя нашему внедрённому к анархистам шпиону, пусть поработает.

Некоторое время мы молчали, наблюдая за тем, как генерал заканчивает трапезу. Наконец он отодвинул тарелку и заговорил:

- Джентльмены, боюсь, что мы имеем дело с современным "бунтом на Хеймаркет" — прямо здесь, в Нью-Йорке, через двадцать лет после первого. Он совершается людьми, которые используют любые средства насилия, чтобы разрушить все, что нам дорого. Эти люди стремятся замучить защитников закона. Наших уважаемых судей. Наших трудолюбивых полицейских, - сказал он, многозначительно глядя на меня.

Он преувеличивал, но сейчас было не время напоминать, что мне не грозит опасность стать мучеником.

Не так, как те полицейские, которые были убиты во время беспорядков на Хеймаркет, последовавших за неудачной забастовкой фабричных рабочих.

Во время последовавшей демонстрации в ряды полиции была брошена самодельная бомба, в результате чего семь полицейских погибли и более шестидесяти получили ранения.

Позже группа анархистов была осуждена за заговор с целью убийства; некоторые были повешены, другие помилованы, но большинство людей полагало, что истинные виновники насилия всё же избежали правосудия.

- Боюсь, что мы имеем дело с большим заговором, чем предполагали вначале, - произнёс генерал, оглядывая нас с беспокойством.

Комиссара было трудно любить, но в тот момент мне стало его жаль: ответственность тяжким грузом легла на его плечи.

Он сложил салфетку.

- Джентльмены, вы уже закончили есть?

И не дожидаясь нашего ответа, он отодвинул свое кресло и жестом попросил Майка помочь ему выбраться.

Малвани ухитрился откусить последний кусочек пирога, пока Майк подошёл к креслу генерала и осторожно начал толкать его через ресторан; между рядами столиков было достаточно места, чтобы вместить ширину инвалидного кресла.

- Я хочу привлечь к ответственности тех, кто напал на детектива Зиля, по всей строгости закона, - сказал генерал, когда мы вышли на улицу; мы с Малвани шли рядом с детективом Бернсом, который толкал кресло генерала. - И арестовать ответственных лидеров анархистов. Нужно выдвинуть им обвинение в покушении на убийство.

- Но генерал..., - начал я.

- Мы позже уберём часть обвинений, - перебил меня Бингем. - Но сейчас я хочу, чтобы все газеты обратили внимание на это дело. Пусть они доведут публику до исступлённого гнева.

Я промолчал, но подумал, что толпа разъяренных людей - это последнее, что нужно этому городу. Эмоции так уже слишком накалились.

- Капитан, я также хочу, чтобы вы обязательно сообщили прессе, что на одного из наших лучших офицеров напали, потому что мы вышли на след убийцы и приближаемся к разгадке. - Генерал остановился и повернулся лицом к Малвани. - Я рассчитываю, что вы меня не подведете.

- Не подведу, генерал, - сказал Малвани. Его голос был полон уверенности, которую я не разделял. С другой стороны, он играл в политическую игру, в которой я не хотел участвовать.

Мы добрались до Хьюстон-стрит; штаб-квартира находилась прямо перед нами.

- Работайте, джентльмены, - махнул рукой генерал.

* * *

Малвани покачал головой, как только генерал оказался вне пределов слышимости.

- Он собирается устроить бурю? И мы тут ничего не сможем сделать; придётся следовать его приказам.

Деклан помолчал, неловко переминаясь с ноги на ногу.

- Есть ещё кое-что, Зиль.

Я удивлённо взглянул на него.

- Алистер. Он был последним, кто видел судью Портера живым. Но ты сам говорил, что он тебе ничего не рассказал. Мне придётся вызвать его в участок.

Я резко остановился.

- В участок? На допрос? Это не сработает, и ты же знаешь. У него есть мощные связи на всех уровнях. Ты не заставишь его сказать то, чего он не хочет, и разрушишь любую возможность дальнейшего сотрудничества.

- А что нам остаётся? - хрипло ответил Малвани. - Почему он не расскажет хотя бы тебе? Он ведь утверждает, что вы - друзья.

Меня тоже волновал этот вопрос.

- Дай мне еще один шанс, - сказал я. - Теперь, когда шок от смерти судьи прошел...

Малвани посмотрел на меня с сомнением.

- Ладно. Но нам нужна от него реальная информация, а не чисто научные теории.

- Ясно, - кивнул я. - Постараюсь с ним сегодня встретиться.

Я расстался с Малвани и отправился в город, полный беспокойства.

Беспокойства от того, *что* он мог мне рассказать. И беспокойства от того, что он откажется рассказывать мне хоть что-то.

ГЛАВА 16

Здание «Дакота», 72-ая улица, дом 1.

15:00.

Я как раз подошел к подъезду "Дакоты", когда увидел человека в темном плаще, запрыгнувшего в экипаж.

Алистер.

- Уезжаешь куда-то? - поинтересовался я.

Он меня не услышал. Дверца коляски захлопнулась за ним, и я ускорил шаг. Кучер, плотный мужчина с седой щетиной на подбородке, схватил поводья, чтобы тронуть лошадь.

- Стой! - Я пробежал последние несколько шагов, выхватил из кармана значок и высоко поднял его над головой.

Кучер заколебался — и ослабил вожжи. Конь зафыркал, взрывая копытами асфальт и сгорая от нетерпения.

- Подождите! Мне нужно поговорить с вашим пассажиром. - Я подбежал к дверце экипажа и сильно постучал в нее. - Открывай!

- Эй, осторожнее, - сказал извозчик, раздражённо глядя на меня сверху вниз. - Дайте джентльмену секунду. Защёлка там больно уж хитрая.

Дверь приоткрылась. Я схватил её и потянул на себя.

Алистер сидел внутри; его лицо было пепельно-серым, а между бровей залегла морщинка от беспокойства. Плащ он уже успел снять, и я заметил, что одевался он в спешке: рубашка застегнута не на все пуговицы, а волосы растрёпаны.

- Я хотел с тобой увидеться, - произнёс я. - Нам нужно поговорить о судье Портере.

Он выдавил слабую улыбку.

- Не сейчас, Зиль. Я должен ехать.

Я придержал дверь.

- Это важно.

- Я сейчас не могу. У меня назначена встреча. - Он потянулся правой дрожащей рукой к ручке дверцы.

Я недоверчиво приподнял бровь.

- Встреча может подождать. Речь идёт о расследовании убийства; именно ты настоял, чтобы я присоединился к этому делу, а теперь оно унесло жизни двух твоих друзей.

- Я знаю, Зиль. - Его глаза были пусты. - Я знаю.

- Да что с тобой такое? - взорвался я. - Боже правый, старина! Ради тебя я поставил на карту свою карьеру, а теперь мне нужна твоя помощь.

Он прикрыл дрожащую правую руку левой.

- Я понимаю, что раньше ты был в шоке и не мог пока отвечать на мои вопросы. Но я не могу откладывать всё ещё дальше.

- Мне нечего тебе сказать.

Я раздраженно фыркнул.

- Ты что, даже не представляешь, как сильно я пытаюсь тебе помочь? Как сильно я тебя защищал? Ты, вероятно, был последним, кто видел Ангуса Портера живым. И последние несколько часов перед смертью он провёл именно с тобой. Ваш разговор в это время может оказаться ключом к установлению личности и поимке убийцы. А ты? Ты мне ничего не рассказываешь!

Я недоверчиво покачал головой. Упрямый отказ Алистера сотрудничать приводил меня в бешенство.

- Но ты не просто полицейский. Ты же мой друг. Ты должен мне поверить, когда я говорю, что мне нечего добавить.

- Неужели ты не понимаешь, что дело не только во мне? На уши подняли весь город, дело находится под личным контролем самого комиссара Бингема. Я должен отчитываться и ему, и капитану Малвани — и оба постоянно требуют результатов. А они хотят, чтобы ты ответил на некоторые вопросы.

- Пусть только попробуют...

- Никто не собирается тебе угрожать; нам нужно твоё сотрудничество.

- Я ничем не могу тебе помочь, Зиль, - произнёс Алистер с раскаянием. - Я не знаю, почему Ангус был убит через несколько часов после того, как покинул мой дом.

- Мы могли бы выяснить это вместе, если бы ты со мной поговорил, - сказал я.

Один из служащих "Дакоты" подошел ко мне сзади и прервал наш разговор:

- Профессор, только что прибыл электромобиль, который вы заказали для багажника. Поскольку вы еще не уехали, я подумал, что лучше спросить, не хотите ли вы поехать с ним. - Он сделал паузу, заметив пустой взгляд Алистера, и добавил: - Такое же такси ждёт ещё одна леди, если вы откажетесь. Она будет счастлива принять это предложение.

Алистер снова пришел в себя.

- Спасибо, Том, - выдавил он, - но я поеду отдельно. Пожалуйста, отправьте багаж вперёд.

Я ошеломленно уставился на друга.

- Куда ты идешь, если тебе нужен багаж? Алистер?

Он уставился на свою правую руку, которая снова начала дрожать.

- Алистер, ответь мне! - взмолился я, начиная волноваться. - Что здесь происходит? Мне нужна правда — вся правда, которую ты от меня скрываешь!

По его лицу пробежала тень.

- Я позвоню тебе позже. - Он протянул руку с зонтиком и постучал по крыше. - Едем!

Я попытался втиснуться в экипаж.

- Ты никуда не поедешь, пока со мной не поговоришь.

- Если ты не собираешься арестовать меня, Зиль, то вылезь из повозки и дай мне уехать.

- Не принуждай меня.

Наши взгляды встретились, и я увидел вспышку неприкрытого страха в его глазах.

- Саймон! - От входа в здание "Дакоты" до меня донёсся голос Изабеллы.

Я оглянулся, и она позвала снова, уже более настойчиво.

- Оставайся здесь, - приказал я Алистеру. - Я сейчас вернусь.

- Саймон, - произнесла Изабелла, когда я подошёл ближе, - я нашла кое-что важное. Мы можем поговорить?

Это было неподходящее время.

- Конечно, - поспешно ответил я, оглядываясь назад, - но мне нужна еще одна минута с Алистером. Можешь подождать здесь?

- Конечно. - Она озадаченно посмотрела на меня. - Так в экипаже Алистер?

- Да. Я вернусь через минуту.

— Но..., - она прикусила губу, глядя мне за спину.

Я тотчас обернулся и успел увидеть, как экипаж Алистера рванул прочь и исчез на Семьдесят второй улице.

- Куда он собрался? - обеспокоенно поинтересовалась Изабелла.

- Понятия не имею, - ответил я, чувствуя себя так, словно меня только что ударили под дых. - Надо спросить кого-то из персонала "Дакоты".

- Вот так срываться... Это на него не похоже.

- Что-то не так, - сказал я, наблюдая, как Том, служащий, который помогал Алистеру, выгружал чемоданы пожилой леди из ее такси. - Алистер оставил бы тебе записку?

- Возможно, - с сомнением произнесла Изабелла.

- Пойдем, присядем на минутку, - предложил я, направляясь обратно во двор к деревянным скамьям, где жильцы дома ждали извозчика.

- Миссис Синклер, вам вызвать экипаж? - подбежал к нам Том.

- Нет, спасибо, - ответила она тихо. - Том, ты не знаешь, куда направлялось такси с багажом профессора Синклера?

- Полагаю, на железнодорожный вокзал, мадам. Но профессор сам обо всём договаривался.

- Ясно. Спасибо.

- К вашим услугам, мадам, - слуга чопорно поклонился и исчез.

Как только он оказался вне пределов слышимости, Изабелла торопливо заговорила:

- Сегодня днем я навещала миссис Джексон и мисс Портер, незамужнюю сестру, которая часто навещала судью Портера. И то, что я узнала, вызывает беспокойство.

Я наблюдал, как двое носильщиков помогли другой даме сесть в ожидавшее такси.

— Эти двое судей были близкими друзьями - и вместе они принимали гораздо большее участие в процессах над анархистами, чем нам кажется. Судья Портер консультировал судью Джексона практически ежедневно, обсуждая дело Дрейсона. И ещё, Саймон, - сказала она, задержав дыхание, - в последние месяцы к ним часто присоединялся Алистер.

- Ты уверена? - выпрямился я.

- Это рассказали обе женщины. Кстати, мисс Портер разрешила мне взять записную книжку ее брата.

Она сунула руку в карман пальто и протянула мне маленький томик в черном кожаном переплете с золотыми буквами “Ангус Портер, эсквайр" на обложке.

- Смотри сюда. - Она указала мне на утро понедельника, 22 октября. - Все трое встречались в день убийства судьи Джексона.

Голос Алистера эхом прокатился в моей голове с той ночи, когда он привлек меня к делу Джексона.

"Мы просто отдалились друг от друга. Не разговаривали много лет, но когда-то были очень близки".

- Я беспокоюсь за Алистера, - призналась Изабелла. - Он знает что-то, чем не делится. И я не понимаю, почему.

Я пролистал страницы записной книжки; имя Алистера встречалось много раз.

Почему он солгал?

— Судья Портер вполне ожидал, что его попросят взять себе дело Дрейсона - или, скорее, председательствовать на новом процессе в случае, если предыдущий судебный процесс признают недействительным, - сказала она. - И с официального

разрешения властей он уже перенес большую часть материалов судебного процесса в свой кабинет для ознакомления.

— Они были взволнованы сильнее, чем хотели признать. Но они должны были поделиться этой информацией, особенно после убийства Хьюго Джексона. — Я потер лоб. — Алистер хотел, чтобы полиция, и особенно я, не вмешивалась в это дело.

- Кроме того, Ангус Портер прятал полученный им самим шифр, - сказала Изабелла. - Я оставила его там, где нашла: в конце записной книжки.

Я открыл последнюю страницу книжки, где среди чистых листов, предназначенных для заметок, лежал толстый кремовый конверт, адресованный Ангусу Портеру.

На нем не было почтового штемпеля — только имя судьи, написанное толстыми черными чернилами; сам почерк я узнал по музыкальному шифру, полученному Хьюго Джексоном. Я открыл конверт и нашел музыкальную партитуру.

- Это ведь не то же самое? - с любопытством посмотрел я на Изабеллу.

- Нет. Смотри: на нотном стане изображена белая роза - точно такая же, как та, что была на отправленной судье Джексону партитуре. Но уже в первом ряду, а не в последнем.

Я опустил глаза: нарисованное от руки изображение белой розы на этот раз заменяло открывающий скрипичный ключ.

- Опять про месть за Леруа?

- Не думаю. Я ещё не расшифровала, но мелодия совершенно другая.

- Во время твоего визита к родственникам судей всплыло имя Леруа Сандерса? - поинтересовался я.

- В разговоре - нет; только в этом послании, - покачала головой Изабелла, указывая на партитуру, которую я держал в руках.

Выходит, в последние дни судья Портер получил собственный музыкальный шифр. Но он не упомянул об этом во время своей последней встречи с Алистером, когда мы обсуждали и расшифровывали первое послание. Почему он сохранил это в секрете?

Единственный ответ, который имеет смысл, заключался в деле Дрейсона. Если судья Портер хотел получить дело для себя, то, возможно, боялся бы поделиться чем-то, что было бы расценено как конфликт интересов, - потому что тогда он был бы вынужден взять самоотвод и отправить дело другому судье.

Это могло бы объяснить, почему Ангус Портер скрывал свою собственную причастность к Хьюго Джексону и процессу Дрейсона. Но это не проливало никакого света на скрытное поведение Алистера.

- У тебя же есть ключ к шифру? - спросила Изабелла.

Я кивнул и положил черную записную книжку и письмо в карман своего пальто.

- Только не с собой. Придется расшифровать его позже.

Мне удалось ободряюще улыбнуться Изабелле, когда прощался с ней, обещая заглянуть завтра и сообщить последние новости. А пока мне нужно было найти Малвани. Он должен знать, что я потерпел неудачу с Алистером — а также новости о произошедших событиях.

- Будь осторожен, Саймон, - произнесла Изабелла с грустной улыбкой, протягивая руку, чтобы коснуться моей ушибленной щеки. - Это очень опасное дело.

Ее рука задержалась на мгновение дольше, чем следовало, и я инстинктивно схватил ее и сжал. С минуту мы стояли молча, а потом я отпустил ее, неловко пробормотав:

- До завтра.

Идя по Семьдесят второй улице, я с каждой минутой тревожился всё больше.

Нужно было решить главный вопрос: кто такой Леруа Сандерс, и как он связан с убийствами двух видных судей? Я хотел воспользоваться помощью Алистера, но у меня ничего не вышло.

Неужели мне только почудилось выражение страха в его глазах?

Я заехал домой и сделал несколько телефонных звонков. Я узнаю, куда он уехал, и верну его.

Что за игру затеял Алистер?

И когда мои мысли ненадолго вернулись к Изабелле, я столкнулся с еще более неудобным вопросом: что за игру затеял я?

ГЛАВА 17

Территория "Гробницы", Центральная улица.

16:30.

- Что, черт возьми, ты имеешь в виду, говоря, что он уехал в Бостон?! - прогремел Малвани, расхаживая взад и вперед по тротуару Центральной улицы перед "Гробницей", пока мы ждали прибытия комиссара.

- Это сообщение он оставил в кабинете на юрфаке в Колумбийском университете. Он сказал, что собирается на несколько дней в Бостон, чтобы представить доклад.

- Это дело об убийстве, а твой профессор - важный свидетель. Я могу, черт возьми, вернуть его обратно. - Малвани остановился, повернулся и посмотрел на меня с упреком. - Как ты мог его отпустить?

— А что, по-твоему, я должен был сделать - арестовать его в первую же минуту? Он уехал, когда я повернулся к нему спиной. Я этого не ожидал. Только не от него.

- Я не провалю это расследование из-за твоего профессора. - Малвани бросил на меня тяжелый взгляд. - Теперь на кону, благодаря ему, стоит моя собственная должность. И если бы ты слышал сегодняшнюю утреннюю речь комиссара, то понял бы, что это только вопрос времени.

- Я понимаю, - прервал я его. — Это дело движется недостаточно быстро - ни для тебя, ни для меня, ни для кого-либо еще. И тебе это не понравится, но я только что получил дополнительную информацию, которую Алистер от нас скрыл. Теперь у нас есть реальный мотив убийства судьи Портера.

В это утро на улице было мало прохожих, но я понизил голос, чтобы никто не услышал, и вкратце рассказал ему обо всем, что узнала Изабелла от Джексонов и Портеров.

У Малвани отвалилась челюсть.

- Значит, судья Портер заменил бы Джексона; это укрепляет связь с анархистами. Мы можем использовать это в своих интересах — особенно теперь, когда у нас есть целое крыло "Гробницы" заполнено их сторонниками. Мы будем вытаскивать их одного за другим на допрос, и я гарантирую, что те, кто послабее, сломаются, - вздохнул он. - Возможно, комиссар захочет допросить даже анархистов самого низшего ранга.

Я удивился.

- Я думал, генерал планирует контролировать допросы только подозреваемых самого высокого уровня?

- Судя по нашему медленному прогрессу, он, похоже, считает, что мы сами не способны справиться даже с самой незначительной задачей, - нахмурился Малвани. - Если он не уволит всех нас, то, по крайней мере, превратит нашу работу в сущее мучение.

- Ты лично допрашивал...

Я замолчал на полуслове из-за покалывания в затылке, вызванного каким-то шестым чувством, которое уловило перемену в атмосфере.

Я обернулся и увидел, что на меня с искаженным от боли лицом смотрит миссис Страпп. Закутанная в плотную черную шерстяную шаль, она была воплощением самого горя. Должно быть, она только что вышла из здания, где, без сомнения, виделась с Джонатаном.

- Что ты наделал? - напряжённо прошептала она. - В последний раз, когда мы встречались, я потеряла свою дочь. Теперь, когда ты, наконец, вернулся, я страдаю от потери единственного сына. - Ее дыхание участилось и стало прерывистым. - Я просила тебя спасти его. А теперь он сидит, гниет в грязной клетке, которая не пригодна и для животного! - Её последние слова превратились в пронзительный крик.

- Мне очень жаль, - покачал я головой. - Я пытался с ним поговорить, но он не слушал.

- Нужно было лучше пытаться, - с упрёком произнесла она. - Ты не должен был сдаваться!

Я не стал упоминать о том, что Джонатан не дал мне ни единого шанса — по сути, он предал меня, раскрыв мою личность и натравив на меня своих головорезов-анархистов.

- Я все еще могу помочь ему, если он позволит, - сказал я. - Однако той ночью ему не нужно было выставлять меня за порог.

С трудом сдерживаемые слёзы потекли по лицу женщины.

- Мой единственный оставшийся в живых ребенок сидит за решёткой. Его не выпустят на свободу еще много-много лет, я это знаю. Его ребенок будет расти, не зная своего отца. Никто, кроме меня, не станет воспитывать его девочку.

Она схватилась за сердце и согнулась.

Я неуклюже шагнул вперед, чтобы поддержать ее под руку, чувствуя, как внутри всё сжалось, когда я подумал о разрушениях, нанесенных семье Страпп и племяннице Ханны.

Это было именно то, о чем я безрезультатно предупреждал Джонатана. И бесполезно было убеждать себя, что именно выбор Джонатана навлек на них беды; я сожалел о своем участии в этом деле.

Не говоря уже о моей беспомощности, ведь я мало что мог сделать - лишь наблюдать, как семья Страппов продолжает страдать.

Нас прервали хриплые выкрики со стороны здания.

Малвани, отступивший в сторону во время моего разговора с миссис Страпп, подошёл ближе.

- У Дрейсона сегодня слушание в суде. Офицеры планировали вывести его через черный ход, но, похоже, толпа об этом догадалась.

- Позвольте мне сопроводить вас домой, - предложил я миссис Страпп; она была не в том состоянии, чтобы путешествовать в одиночку, особенно, когда рядом бушевала разъярённая толпа. Я опаздывал на встречу с комиссаром, но надеялся, что Малвани все уладит.

Он сочувственно кивнул, развернулся и в одиночестве направился к "Гробнице".

Я взял миссис Страпп под руку и повел ее через улицу.

- Обещаю, что пригляжу за Джонатаном. И посмотрю, смогу ли что-нибудь сделать, чтобы ему было комфортнее...

Ее плач прекратился, и она последовала за мной, хотя и не подала виду, что слышала мои слова.

Мы уже перешли на другую сторону Центральной улицы, когда краем глаза я заметил яркую вспышку света, заставившую меня остановиться и обернуться.

Я как раз успел увидеть столб белого света, окруженный густым черным дымом; он медленно поднимался над каменными башнями "Гробницы".

Внутри здания вспыхнула вторая дуга света, отбрасывая оранжевые и белые всполохи там, где я в последний раз видел высокую фигуру Малвани.

Сам звук взрыва прозвучал с задержкой; он раздался, казалось, через несколько минут — хотя, возможно, прошла всего лишь доля секунды. Грохот был оглушительным — как и звон, который эхом отдавался в моих ушах, заглушая даже крики ужаса стоявшей рядом со мной миссис Страпп.

А затем - повторный толчок. Мы почувствовали это даже на другой стороне улицы: булыжники задрожали под ногами, отчего миссис Страпп споткнулась и упала на землю.

Но, даже опускаясь на колени, чтобы ей помочь, я не мог отвести взгляд; наверно, я пытался понять смысл непохожего ни на что зрелища. Здание "Гробницы" сверкало — и не только здание, но и сам воздух, потому что даже пыль и черный дым начали мерцать. Тысячи крошечных сверкающих лучиков света танцевали по зданию вверх-вниз. И только услышав тихий звон, я понял, что случилось.

Большинство окон в "Гробнице" были разбиты и теперь опадали на землю мелкими осколками.

Те, кто не пострадал при взрыве, выбегали из здания — обычные люди, превращенные пылью в серых призраков.

Сколько людей было ранено? Или даже...

Я был настолько суеверен, что не осмелился даже подумать об этом. Ведь внутри был Малвани...

Я лихорадочно высматривал его фигуру у входа в "Гробницу". Но он исчез в густом дыму и едких испарениях, которые укутали нас удушливым облаком.

ГЛАВА 18

Центральная улица. Первые минуты после взрыва.

Прямо передо мной мальчишка-газетчик вскочил на ноги, гоняясь за газетами, которые разнесло свежим полуденным ветром по асфальту.

Но это не имело значения. Взрыв только что разорвал "Гробницу" на куски. Все остальные новости в считанные секунды померкли.

Я выпрямился и позвал мальчишку.

- Можешь помочь?

- Сэр, она ранена? - Он подбежал к тому месту, где я склонился над миссис Страпп. Она не реагировала ни на что из того, что ее окружало, и с открытым от ужаса ртом смотрела на дымящееся здание.

- Думаю, это лишь потрясение, - ответил я, помог ей подняться на ноги и достал из кармана несколько монет. - Я должен идти внутрь. - Я указал на "Гробницу". - Проследишь, чтобы она благополучно добралась до дома? Первая авеню, дом 120.

- Конечно, сэр, - сказал он, убирая деньги в карман и беря миссис Страпп под руку.

Она упиралась, не желая покидать это место.

- Вам нужно идти домой, - сказал я, подталкивая её вперёд и продолжая успокаивать. - Обещаю заглянуть попозже. Я проверю Джонатана и удостоверюсь, что с ним все в порядке.

Она не ответила, но на этот раз позволила себя увести.

Я поспешил к зданию "Гробницы", полный решимости найти Малвани.

* * *

На ступеньках главного входа меня окутал едкий неприятный запах. Нитроглицерин.

Не опознать этот резкий аромат было невозможно — я научился определять его с тех пор, когда город впервые использовал динамит для создания туннелей, в которых должны разместиться новые подземные переходы.

С трудом переводя дыхание, я прикрыл рот и нос носовым платком, пробираясь сквозь хаос: офицеры и охранники кричали, проверяя раны и местонахождение заключенных, дым и пыль скрывали все.

Должно быть, Малвани шел к камере, где содержались анархисты, когда взорвалась бомба. Эта область, в задней части первого этажа, и получила основную часть повреждений.

Массивная каменная стена рассыпалась на куски, и несколько человек оказались зажаты под обломками; их стоны и проклятия наполняли воздух, смешиваясь с криками и воплями заключенных.

Горстка невредимых охранников стояла в сторонке, окидывая непонимающим взглядом произошедшее, ничего не делая. У них явно был шок, и они не могли придумать, что делать. Я уже видел такое прежде, когда горел «Генерал Слокам»: здоровые люди парализованы шоком, не в состоянии думать или действовать. Как только кто-то скажет им, что делать, они начнут действовать - но не раньше.

Один мужчина - охранник, которого я узнал, - оказался зажат под обрушившейся частью стены. Он схватил меня за штанину, завывая от боли.

- Моя нога... Её придавило.

Я крикнул стоявшему неподалёку парню:

- Помогите! Вместе мы сможем его освободить.

Стражник, к которому я обращался, казалось, меня не слышал.

Я протянул руку и коснулся его плеча, заставляя посмотреть на меня.

- Помогите мне, - попросил я. - Камень слишком тяжел, я не смогу передвинуть его самостоятельно.

Вскоре к нам присоединились остальные уцелевшие, и мы освободили пять или шесть человек, прежде чем я оставил их и двинулся на поиски Малвани.

Люди, мимо которых я проходил, были ранены, но живы. Я продолжил свой путь по коридору, заверяя каждого, что помощь уже близко.

Я уже почти дошел до конца коридора, когда, наконец, услышал голос Малвани: он разразился целой литанией проклятий с ярким ирландским акцентом. Мужчина сидел посреди коридора, морщась от боли, и левая нога торчала под странным углом. Увидев меня, он с облегчением произнес:

- Как раз вовремя, Зиль.

Я присел на корточки над его ногой.

- Не беспокойся, Зиль. Она сломана, и я не уйду отсюда, пока врач не окажет мне помощь. Мне нужно, чтобы ты позаботился о них.

Он указал не на других раненых офицеров, а на камеру в трёх метрах от него, где содержались анархисты.

Стена их камеры была частично разрушена — и несколько человек, увидев возможность, лихорадочно разгребали остатки кладки, пытаясь расширить отверстие.

Среди них был и Джонатан Страпп. Ну, по крайней мере, я могу уверить его мать, что её сын не пострадал при взрыве.

- Я остановлю их снаружи, - произнёс я, бросив последний встревоженный взгляд на его обмякшую ногу.

- Иди, - приказал Малвани и скривился от боли. - Со мной все будет в порядке, пока никто из этих проклятых анархистов не сбежит.

* * *

Возвращаясь через "Гробницу" назад, я попросил горстку людей помочь мне обезопасить небольшое отверстие в стене, откуда анархисты пытались сбежать.

Я знал, что дополнительные полицейские подкрепления уже в пути, но пока они не прибыли, нам нужно было удержать анархистов в их поврежденной камере.

Несмотря на срочность нашей миссии, нам потребовалось несколько минут, чтобы сориентироваться в значительном количестве обломков, разбросанных по всей территории тюрьмы.

Наконец мы добрались до кратера, образованного бомбой. И хотя сама яма была неглубокой, взрыв оказался очень сильным и обуглил каменную стену почти до самой крыши.

Подойдя к кратеру, мы заметили двух мужчин в официальных костюмах. Чтобы приехать сюда настолько быстро, они должны были выдвинуться в ту же минуту, как услышали взрыв. Во всяком случае, масштабы разрушения их не очень беспокоили, так как они хладнокровно обменивались комментариями без единой эмоции.

- Должно быть, не меньше девяти килограммов динамита...

Невысокий плотный мужчина в черной фетровой шляпе лениво пожёвывал сигару, осматривая повреждения. Рядом с ним молодой человек с тонкими светлыми волосами лихорадочно что-то записывал в блокнот.

- И смотри сюда, - продолжил первый мужчина. - Они начинили бомбу кусками металла. Они действуют, как шрапнель.

Он провел рукой по одной из секций стены, ощупывая маленькие вмятинки. Затем наклонился к земле и поднял одну из металлических частиц, ответственных за повреждение.

- Видишь? Если бомба не убьет сама по себе, то уж эти штуковины - наверняка.

- Есть идеи, где бомба взорвалась, босс? - донесся из дальнего конца кратера голос худого человека с усталым выражением лица.

Мужчина с сигарой задумался.

- Думаю, бомба была в мешке, подложенном прямо здесь, у стены, - наконец произнёс он, указывая на самый обугливший участок кирпичной кладки.

- Возможно, это был мешок с мусором, - добавил его помощник. - Гляньте на обломки.

Парень был прав: по всему кратеру и за его пределами был разбросан мусор - съестные объедки, окурки сигарет и обрывки газет.

- Неужели они действительно надеялись взорвать "Гробницу"? - Худощавый мужчина удивленно покачал головой.

- Возможно, этим взрывом они хотели что-то сказать. - Грузный мужчина бросил окурок сигары и вдавил его каблуком в грязь.

- Из какого вы участка? - крикнул я им.

- Ни из какого, - ответил главный. - Меня зовут Берт. - Он подошел ко мне и протянул руку. - А это Сэм. - Он кивнул на худого, долговязого мужчину, стоявшему рядом с ним. - Мы работаем на генерала на Малберри-стрит.

Я представился и жестом приказал охранникам, помогавшим мне, пройти к тому месту в стене, где анархисты пытались сбежать. Я надеялся, что смогу последовать за ними с дополнительным подкреплением.

- Каким образом вы добрались сюда так быстро? - озадаченно поинтересовался я.

- Мы - специалисты по бомбам, - ухмыльнулся Берт. - К счастью, мы давали показания в суде, когда взорвалась бомба. Заседание было прервано - и нам осталось лишь перейти улицу.

Я слышал, что генерал Бингем создал группу реагирования, которая должна была разобраться с уликами после серии взрывов от приспешников "Черной руки". Невероятно, но динамит был настолько крупной проблемой в нашем городе, что нам понадобилось специальное подразделение, чтобы с ним справляться.

Берт вытащил из кармана пригоршню розовых листовок, некоторые из которых были наполовину сожжены.

- Мы нашли их летавшими вокруг. Проклятые анархисты. - Он поднял одну из них, чтобы мы могли прочесть.

"Наши разрушительные действия

избавят мир

от ваших ведомственных организаций!"

- Нет ничего более "ведомственного", чем тюрьма, - пробормотал худощавый.

Нас прервал грохот падающих камней.

- Нужно спешить. Похоже, анархисты скоро добьются своего, - сказал я и добавил: - Бомба пробила отверстие в стене их камеры, и они пытаются сбежать.

Берт на мгновение растерялся, но затем выхватил из кобуры свой Браунинг.

- Не сбегут. Мы поможем. У вас есть оружие?

У прибежавших со мной охранников были пистолеты, но у меня - нет.

- Вот, возьмите мой кольт. - Сэм, помощник Берта, нервно протянул мне револьвер. - Вам он пригодится больше, чем мне.

Я взял оружие и повел группу к пролому в стене, где нас уже ждали стражники.

Мои мысли обратились к Джонатану, который изо всех сил пытался сбежать, и я, конечно, надеялся, что оружие вообще не понадобится. Сделав шаг вперед, я просунул ствол пистолета в отверстие и крикнул самым властным голосом:

- Отойдите от стены! Сейчас же!

В ответ из тюрьмы посыпался шквал камней.

Я кивнул Берту, и тот выстрелил в воздух. От звука его выстрела грохот камней стих.

- Если кто-нибудь попытается снова, мы откроем огонь. А теперь отойдите от стены, - приказал я и жестом велел другим мужчинам производить побольше шума, пока мы устанавливаем позицию. Этого было достаточно, чтобы убедить людей внутри к сотрудничеству.

Мы удерживали позицию, не давая заключенным анархистам воспользоваться путем побега. И когда прибыло подкрепление с Малберри-стрит, мы всё ещё стояли и ждали нападения в любую минуту.

- Мы займемся этим, коллеги, - сказал мрачный мужчина в черном котелке. - Вы все должны немедленно явиться к своим начальникам для получения дополнительных инструкций.

- Зачем? - с подозрением спросил я. - Здесь чрезвычайная ситуация. Сомневаюсь, что наши силы окажутся лишними.

Мужчина покачал головой.

- Всё ещё серьёзнее, - смерил он меня взглядом. - Всё дело в Дрейсоне. Во время беспорядка он убил двух охранников и сбежал.

ГЛАВА 19

Девятая авеню, Клинтон.

23:00.

- И все эти разрушения и кровопролития - чтобы один ублюдок смог получить свободу?! В этом мире нет ни капли справедливости, - прорычал Малвани.

Мы сидели в гостиной в доме Малвани, распивая бутылку ирландского виски "Бушмиллс".

Если я потягивал виски в надежде успокоить нервы, то Малвани использовал алкоголь, чтобы притупить боль в сломанной ноге; и, судя по полупустому стакану, ему это вполне удавалось.

Я уверил Бриджет, что пригляжу за её мужем, и она ушла в магазин закупать товары, которые могут пригодиться, пока Малвани будет сидеть дома.

- Кто из докторов осматривал твою ногу? - я бросил быстрый взгляд на лежавшую на возвышении из подушек конечность Малвани.

- Ты думаешь, я позволю кому-то, кроме Дженнингса, прикасаться ко мне после того, что случилось с твоей рукой? Я не хочу расставаться со своей ногой, - хмыкнул он.

- Это обычный перелом... заживет, как новенькая.

Хотя я и сам в своё время слышал эту фразу от доктора, чей недостаток навыков обрекли меня на вечную боль в частично парализованной руке.

- Значит, комиссар считает, что бомба была заложена только для отвода глаз, - продолжил я разговор.

Малвани кивнул.

- Конечно, анархисты вряд ли возражали бы против массовой гибели людей, если бы это помогло кому-то из их соратников сбежать. Но главной их целью было вызволение Дрейсона во время транспортировки, пока он не так усиленно охранялся.

- Говорят, бомба нанесла даже больший ущерб, чем ожидали анархисты. Они не думали, что стена рассыплется на кусочки.

- И ещё двое охранников, убитых лично Дрейсоном, - покачал головой Малвани.

- Кто пронёс ему оружие? Есть какие-нибудь зацепки?

- Ни одной. Кругом стояла такая сумятица и шум, что никто даже не слышал выстрелов.

Да, я видел наступившую неразбериху собственными глазами.

- Когда тебе нужно вернуться на службу? - бросил на меня обеспокоенный взгляд Малвани.

- В пять утра.

Поскольку я был на месте взрыва, мне дали несколько часов отдыха, но затем я должен был присоединиться к моим коллегам-полицейским в полномасштабной охоте на Дрейсона.

- Бриджит постелила тебе там же, где и прошлый раз, - сказал Малвани. - Ложись, поспи. Со мной всё будет в порядке.

- Уверен? - спросил я, ставя стакан с виски на стол. Я был измотан — и теперь, когда Малвани упомянул об этом, сон показался мне отличной идеей.

Похлопав друга по плечу, я пожелал ему спокойной ночи. И после того, как очутился в импровизированной спальне, которую Бриджит создала для меня прошлой ночью, я провалился в сон без сновидений.

* * *

Когда несколько часов спустя меня разбудил пронзительный звонок телефона Малвани, в доме было ещё темно.

На него ответила Бриджет; я услышал ее быстрые шаги, затем хриплый от сна голос, за которым последовала пауза, пока она ждала, когда оператор установит соединение. Когда она заговорила снова, было ясно, что что-то не так.

После нескольких слов, произнесенных шепотом, и неуклюжего шарканья к телефону подошёл Малвани:

- Да это даже не моя юрисдикция!

Пауза.

Когда он снова заговорил, голос был ещё более возбуждённый, а акцент прорезался ещё ярче.

- Все мои ресурсы направлены на дело, которое возглавляет комиссар Бингем.

Он снова замолчал, слушая собеседника.

- Я знаю, что командую одним из самых больших участков. Но у меня абсолютно нет свободных людей. Поиски Дрейсона имеют высший приоритет.

Последовала еще одна пауза, затем он вздохнул и согласился прислать человека.

Я встал и сел на край кровати, когда стало ясно, что он шаркает в направлении моей импровизированного спального места.

Для высокой - сто восемьдесят сантиметров - фигуры Малвани трость была слишком короткой, и мало помогала в ходьбе.

- Подожди, - я бросился ему навстречу и, взяв под руку, помог сесть на один из стульев в столовой. - Осторожно, - предупредил я, когда он чуть не ударился сломанной ногой о ножку стола. - Сегодня мы найдем тебе трость получше.

- Должен же кто-то в этом городе делать их для высоких людей, - скривился он от боли. - Чёртова нога.

Я ждал, зная, что он сам перейдёт к разговору о телефонном звонке, как только сможет.

- Мне нужно, чтобы ты занялся жертвой стрельбы в центре города, - произнёс он наконец. - 103-я улица, дом 311, рядом с Вест-эндом. Тело нашла жена.

- Суицид?

Его описание случившегося - не "убийство" и не "место преступления", а просто "жертва" - заставили меня остановиться на этом варианте.

Малвани пожал плечами.

- Обычно я не верю членам семьи на слово, но... Похоже, так и есть.

Я взглянул на карманные часы. Было почти четыре часа утра.

- Извини, - сказал Малвани. - Но больше мне некого отправить. Ты же знаешь: все мои люди заняты поисками Дрейсона.

- С заместителем комиссара ты сам всё уладишь? - поинтересовался я. Сондерс руководил розыском Дрейсона, и он был не тем человеком, с которым я хотел бы встречаться.

- Конечно, - кивнул Малвани. - Да и не думаю, что ты столкнешься с какими-то осложнениями. Звучит банально и сухо, но это дело ты распутаешь с завязанными глазами.

- Надеюсь.

Я был вымотан, разочарован, и последнее, чего мне хотелось - заниматься каким-то самоубийством. Разобраться в месте преступления будет легко; достучаться до убитой горем семьи - практически невозможно. Но у меня не было выбора.

Я оделся и поймал экипаж до пересечения 103-й улицы и Бродвея, решив побыстрее покончить с этим делом.

С учётом охоты на Дрейсона, расследования убийства двух судей и таинственного исчезновения Алистера я и так ощущал нехватку времени.

26 октября 1906 года.

Пятница.

ГЛАВА 20

103-я улица, дом 311.

04:30.

Газовые фонари зловеще мерцали, создавая танцующие тени, которые наполовину освещали дом номер 311, находившийся в среднем ряду зданий из красного песчаника.

Глубоко вздохнув, я поднялся по девяти крутым ступеням к входной двери и постучал медным молоточком.

Поначалу никто не ответил, и моё раздражение начало расти. Меня и так сняли на пустяковое дело, когда в городе нас ждало куда более важное дело. А если я ещё и ошибся адресом...

Я вытащил из кармана клочок бумаги и прочитал торопливо нацарапанные в доме Малвани слова:

"103-я улица, дом 311. Жертва - Аллан Харттт. Застрелен. Найден женой Элизабет".

Прочитав эти слова, я почувствовала укол вины. На самом деле, здесь было две жертвы: человек, который умер, и семья, которую он оставил. Не их вина, что личная трагедия произошла в ту же ночь, когда Дрейсон вырвался на свободу.

Подняв глаза, я убедился, что нахожусь перед домом под номером 311. Я снова постучал в дверь, на этот раз громче.

- Иду, - раздался женский голос. Щёлкнул замок, большая деревянная дверь распахнулась, и я оказался лицом к лицу с грузной женщиной лет сорока, слишком хорошо одетой, чтобы быть служанкой.

У нее было заплаканное лицо, а за её юбку цеплялся маленький ребенок — полный мальчишка лет трех-четырех с испуганными огромными глазами.

- И больше никого не прислали?! - женщина лихорадочно оглядывала площадку за моей спиной.

- Меня зовут детектив Саймон Зиль, - представился я, показывая удостоверение, но она едва на него взглянула. - Вскоре ко мне присоединятся двое других сотрудников, - добавил я, стараясь выражаться как можно деликатнее.

Доктор Дженнингс, как и все остальные коронеры, были привлечены для оказания помощи жертвам в "Гробнице".

Но в его офисе были люди, которые круглые сутки выезжали на места преступлений и забирали тела.

Я некоторое время смотрел на женщину, но она молчала.

- Вы миссис Хартт? - спросил я. Я не ожидал, что жена жертвы сама откроет мне дверь, но присутствие ребенка заставило меня усомниться.

К моему облегчению, она покачала головой.

— Я миссис Джонсон - мать миссис Хартт. Моя дочь наверху, отдыхает. Она слишком многое сегодня пережила; уверена, вы понимаете.

- Конечно, - кивнул я. - Я могу войти?

Она взяла на руки своего внука и сказала:

- Наверху спят еще двое детей.

А затем отступила в сторону, чтобы я мог войти.

Я оглядел прихожую, освещенную газовыми фонарями. Очевидно, Хартты еще не установили электрическое освещение.

- Полагаю, патрульный ещё здесь? - поинтересовался я. Мне сообщили, что именно он вызвал на место детективов.

- Он в гостиной, - ответила миссис Джонсон, указывая на дальнюю часть особняка, и её губы задрожали.

- Вам не обязательно идти со мной; можете подождать здесь, - сказал я, указывая на вторую гостиную справа от нас. - Я ненадолго, но потом мне нужно будет задать вам несколько вопросов. И, возможно, вашей дочери тоже.

Она молча кивнула и, крепко прижимая мальчика к себе, села на диван, который тянулся вдоль длинного эркера.

Тем временем я направился в дальнюю часть здания. Неужели здесь нет никого, кроме семьи?

Хотя особняк явно был не таким богатым, как у Джексонов, но я все же ожидал, что в таком большом доме будет жить, по крайней мере, один слуга, а то и двое.

Я подошёл к дверям гостиной, и они распахнулись мне навстречу - патрульный явно ждал меня с нетерпением.

- Детектив, - выдохнул он с облегчением. - Никогда ещё не был так рад видеть старшего по званию. - Он улыбнулся и протянул руку для приветствия; я пожал её и представился в ответ.

Парню было лет двадцать-двадцать два, но выглядел он гораздо моложе: карие глаза, крупные веснушки на носу и щеках, густые непослушные каштановые

волосы. Я подозревал, что обычно он прячет волосы под фуражку, но сегодня они торчали во все стороны.

- Жертва здесь? - спросил я, намекая стоящему в дверях патрульному, что хотел бы войти в комнату. На самом деле, тошнотворно-сладкий запах крови, который витал в комнате — запах, от которого меня никогда не переставало подташнивать, — был единственным подтверждением, в котором я нуждался.

- Конечно. - Он попятился от двери, но продолжил торопливо говорить: - Это мое первое место преступления, сэр. Я работаю всего две недели. А Фрэнки — это мой напарник, который занимается этим почти двадцать лет, — именно в эту ночь оставил меня одного.

- А где сам Фрэнки? - поинтересовался я, подходя к фигуре, которая находилась в кресле у окна.

- Его отозвали в центр. В мэрии приключилось что-то чрезвычайное, - ответил юноша, теребя край кителя.

Разумеется, он имел в виду розыск Дрейсона. Только новобранцы-копы вроде этого молодого человека, были исключением. И я тоже должен был быть сейчас там...

Ощутив очередной укол вины, я отбросил эту мысль.

Затем подошел к окну, приоткрыл его, глубоко вдохнул свежий воздух, чтобы успокоить нервы, и повернулся лицом к креслу, где Аллан Хартт покончил с собой.

Голова его была укрыта пропитанной кровью наволочкой — маленькая милость, как я полагал, предназначенная для защиты жены, которая окажется первой, кто его найдет.

Я обошел его слева и увидел идеальную дыру в наволочке, куда вошла пуля, оборвавшая его жизнь в одну секунду. Руки мужчины безжизненно свисали по обе стороны обтянутого зеленой тканью кресла.

Я подошел ближе, понимая, что нам придется снять наволочку — не только для того, чтобы точно опознать жертву, но и чтобы выяснить, не было ли у него других травм до смертельного выстрела.

Не горя желанием выполнять эту задачу, решил подождать, пока не прибудут люди коронера.

Посмотрев вниз, увидел, что на полу разбросаны вчерашние газетные вырезки. Чего-то не хватало…

- А где пистолет? - спросил я; он ведь должен был упасть на землю после выстрела.

- Я и не подумал посмотреть, - произнёс Уилл, густо покраснев. — Наверное, под креслом или под газетами.

Он встал на четвереньки, заглядывая под стул, а я продолжил осматривать место происшествия.

- Может, его забрала жена? - вздохнул я, когда он вернулся с пустыми руками.

- Возможно, - энергично закивал патрульный. - Она была абсолютно раздавлена. Не знаю, сколько она здесь находилась.

- А разве она не сразу же вам позвонила?

- Она выбежала на улицу с криками, как только его нашла. К счастью для нее, я был всего в трех домах отсюда. Мне потребовалось несколько минут, чтобы успокоить ее и понять, что произошло.

Я огляделся и заметил, что ковер в этой комнате был потерт, а зеленая обивка кресла порвана. Мистер Хартт, очевидно, был человеком со средствами, раз мог позволить себе особняк такого размера, но интерьер не соответствовал грандиозности фасада.

Может, у них недавно возникли денежные затруднения? Это часто бывает причиной самоубийства. А самоубийство прямо в комнате, когда жена и дети сидят наверху, наводило на мысль о сильном отчаянии. Или бессердечие.

- Соседи что-нибудь слышали? Кто-то приходил на помощь? - поинтересовался я.

- Слышимость тут хорошая, - кивнул патрульный. - Но всё случилось ранним утром, и из рядом расположенных домов никто не выходил.

- Значит, вы вошли внутрь и вызвали подкрепление? - Я принялся обходить комнату, стараясь побольше узнать об Аллане Хартте.

Судя по всему, он увлекался историей; возможно, история даже была связана с его профессией, поскольку на полках стояло несколько книг по истории Соединенных Штатов и Европы.

- Именно это я и собирался сделать, но в этом доме нет телефона. Мне очень не хотелось этого делать, но мне пришлось оставить вдову на несколько минут, пока я шел обратно на Бродвей. Там я попросил таксиста съездить в участок и сказать, что мне нужна помощь.

Простой письменный стол их орехового дерева был завален счетами и бумагами. Я быстро пролистал их. Покойный был бережливым человеком, тратил мало, но ни один счет не оказался просроченным.

- Вы узнали, чем он зарабатывал на жизнь? - спросил я патрульного.

- Миссис сказала, что он преподает в Барнард-колледж.

Я молча кивнул. Значит, у миссис Джонсон есть ответы, которые мне нужны.

- Оставайтесь здесь, пока не прибудут люди коронера, и ни к чему не прикасайтесь, - приказал я новичку, уходя.

- Может, мне навести здесь порядок? - спросил Уилл, явно желая заняться делом, а не стоять, как истукан, над телом покойного.

- Не сейчас, - покачал я головой. - Но можете открыть и другое окно. Иногда свежий воздух помогает избавиться от зловония.

Без сомнения, недовольный тем, что его оставили одного, молодой человек подчинился, а я направился в гостиную к миссис Джонсон.

* * *

Главная гостиная тоже была обставлена скудно, но диван и стулья в комнате были более высокого качества, чем мебель, которую я видел в кабинете мистера Хартта. Миссис Джонсон сидела в темноте на пестром диване у эркера, выходившего на 103-ю улицу.

Солнце ещё не взошло, и комнату слабо освещал уличный фонарь, висевший прямо за окном. Мальчишка уже спал, вытянувшись рядом с ней и положив голову ей на колени, пока она нежно гладила его волосы.

Я вошел в комнату и сел в обтянутое золотом кресло напротив нее.

- Примите мои соболезнования, - произнёс я.

Женщина покачала головой.

- У меня просто в голове не укладывается, - сказала она. - В следующий четверг у Родди день рождения. Ему исполняется три года. А на день рождения он хотел, чтобы мой зять отвез его посмотреть на нового слона в цирк. - Она подавила рыдание. - Какой отец мог бы сделать это прямо перед днем рождения своего сына?! - Затем, мгновение спустя, она прошептала: - Какой человек вообще мог такое сделать?

Все время от времени испытывали боль или отчаяние. Но я не понимал поступка этого мужчины: убить себя, когда в нескольких метрах от тебя жена и дети?

- Вы упомянули ранее, что у вашей дочери есть другие дети, которые спят наверху? - Я достал маленькую записную книжку, куда всегда записывал детали расследования.

- Элле, самой старшей, шесть лет, - сказала женщина. - А Люку еще нет и года.

Я кивнул.

- Как долго они были женаты?

- Семь лет. Он был намного старше моей дочери и потому очень хотел обзавестись семьей.

- Он был профессором истории, насколько я понимаю?

Она бросила на меня неловкий взгляд.

- Лучше вы услышите это от меня... Когда-то он был преподавателем моей дочери. Она познакомилась с ним еще в студенческие годы, хотя он начал ухаживать за ней только в последнем семестре.

- Простите меня, миссис Джонсон, но задавать трудные вопросы - моя работа. Ваша дочь была счастлива в браке?

- Вполне. Как и он. По крайней мере, мне так казалось.

- У них в последнее время были какие-нибудь разногласия?

- Нет, - твёрдо ответила она.

- Проблемы с деньгами?

- Нет.

- Последние несколько недель он был чем-то расстроен?

Услышав этот вопрос, она помолчала, а потом покачала головой. Всего лишь минутная заминка, но она заставила меня задать еще один вопрос.

- Возможно, он вёл себя не так, как раньше?

— Он просто..., - она замолчала, прикусив губу, но затем продолжила. - В последние недели он стал более рассеянным и забывчивым. Ничего особенного, но моей дочери обычно не приходилось напоминать ему о таких вещах.

- О каких вещах? - вскинул я брови.

- Обычные, еженедельные договорённости; например, что я прихожу каждый четверг на ужин или что Элла берет уроки фортепиано по вторникам после школы.

- Но вы ничего не знаете о причинах таких перемен?

Вздрогнув, она потянула плед, которым был укрыт ее внук, и набросила второй край себе на ноги.

- Я не могу его понять, - снова сказала она. - У него трое маленьких детей. Что с ними будет? - Ее глаза наполнились слезами.

Не говоря ни слова, я достал из кармана чистый носовой платок и протянул ей. Я ненавидел подобные случаи, потому что не существовало правильного ответа на вопрос “почему?”, как и не существовало подходящих слов утешения для семьи, только что потерявшей отца.

- У вашей дочери есть помощница по хозяйству? - спросил я.

- Только женщина, которая приходит три раза в неделю, чтобы помочь со стиркой и уборкой, - ответила она. - Мой зять был не только экономным, но и довольно скрытным. Он всегда отрицал, что нуждается в постоянной помощи - даже после того, как моя Элизабет родила третьего ребенка.

- Здесь очень много комнат, - начал я.

- Конечно, - кивнула миссис Джонсон.

- Значит, никто, кроме вашей дочери и внуков, не слышал выстрела. - Я сделал паузу. — Мне нужно поговорить с ней лично и узнать, куда делся пистолет.

- Но ведь не сегодня?! - воскликнула женщина. - Она через столько прошла!

Я на мгновение задумался. Повлияло ли мое желание поскорее разобраться в этом деле на мои суждения?

Решил, что нет. Я не мог пойти им навстречу - у меня было несколько серьёзных вопросов к вдове, и мне нужны были ответы.

- Обещаю, что буду краток.

Откуда-то сверху донесся детский плач - сначала слабый, но усиливающийся с каждой секундой.

- Прошу прощения, - произнесла женщина и поднялась, подложив диванную подушку под голову внука.

- Конечно, - кивнул я, поднявшись вслед за ней.

Не прошло и пяти минут, как я услышал грохот фургона коронера, который завернул за угол и остановился перед домом. Вскоре в дверях появились двое дюжих мужчин в сопровождении третьего, который нес инструменты.

- Вы уже всё осмотрели? Мы можем забирать тело? - спросил седобородый мужчина, с которым мы уже раньше встречались.

- Конечно, - ответил я. - Он там.

Я провёл их в дальнюю гостиную. Малвани был прав: это дело было банальным донельзя.

Мне нужно было всего лишь задать несколько ответов от миссис Хартт и официальное вскрытие, чтобы квалифицировать смерть как самоубийство; затем я напишу отчёт и закрою дело.

Конечно, я глубоко сочувствовал миссис Хартт. Но ей я ничем не мог помочь, в то время как в центре моя помощь была бы точно не лишней.

Как только миссис Джонсон спустилась вниз, я попросил ее провести официальное опознание своего зятя.

Она отшатнулась.

- Но в этом не может быть никаких сомнений.

- Это формальность, - сказал я, - но вы или ваша дочь должны пройти через нее. Я бы предпочел избавить ее от этого испытания.

Миссис Джонсон согласно кивнула. Со своей стороны, люди коронера сделали процесс кратким; они уже сняли окровавленную наволочку и накрыли мистера Хартта толстой белой простыней.

Когда миссис Джонсон неуверенно приблизилась к телу, старший помощник взял ее за руку.

- Всё пройдёт быстро, - уверил её я.

Так и случилось. Двое других мужчин приподняли угол простыни, открыли лицо жертвы и, как только миссис Джонсон кивнула, опустили его обратно.

- Это он, - прошептала женщина.

Как только она подтвердила это, они вывели ее из комнаты и положили тело мистера Хартта на ожидавшие их носилки, снова накрыв его чистой белой простыней. Через несколько мгновений они вынесли его из дома и погрузили в фургон.

Желание патрульного-новичка убраться отсюда поскорее в точности отражало моё.

- Всё, закончили? - спросил он, как только мы услышали, что фургон отъехал.

- Почти, - ответил я, передал свой блокнот Уиллу и добавил: - Пока я буду говорить с миссис Хартт, не могли бы вы описать вашу роль в сегодняшних событиях?

Он недоуменно уставился на меня.

- Всего несколько фраз о том, что произошло и как вы в этом участвовали, - раздраженно добавил я.

Затем снова повернулся к миссис Джонсон.

- Хотите, я помогу поднять вашего внука наверх? - предложил я, указывая на мальчика, который все еще спал в главной гостиной.

Она поколебалась мгновение, как будто не была вполне уверена, но затем покачала головой. Она взяла мальчика на руки, поддерживая голову и баюкая.

- Здесь мы уже закончили; не могли бы вы попросить свою дочь спуститься?

Но ответил мне другой, охрипший от слёз, голос:

- Не нужно меня просить.

Элизабет Хартт, миниатюрная блондинка лет двадцати восьми, вошла в гостиную.

- Я хотела проверить, как там Родди, - сказала она, протягивая руку, чтобы погладить его по голове.

- Я уложу его спать, дорогая, - произнесла её мать и направилась к лестнице, бросив на дочь последний обеспокоенный взгляд.

- Прошу вас, присаживайтесь, миссис Хартт, - кивнул я на диван.

Она молча села, схватила шерстяной плед, которым укрывался ее сын, и накинула себе на плечи.

- Примите мои соболезнования, - начал я, но тут же замолчал, когда у женщины задрожали губы.

- Это бессмысленно, - прошептала она несколько минут спустя.

- Я понимаю, как вам тяжело, - кивнул я.- Но у меня к вам несколько вопросов.

Я сначала задал несколько общих вопросов, и только потом перешёл к тому, что меня больше всего интересовало:

- Вы помните, в котором часу вы услышали выстрел?

Миссис Хартт покачала головой.

- Я ничего не слышала. Должно быть, это случилось, когда плакал ребенок, поэтому я и пропустила, - она на мгновение задумалась. - Только когда уложила его в кроватку и пошла искать мужа...

- Ясно, - кивнул я. - И последний вопрос: вы находили пистолет вашего мужа? Перекладывали его куда-то?

Она озадаченно посмотрела на меня.

- Какой пистолет?

- Простите, миссис Хартт; я имел в виду пистолет, с помощью которого ваш муж покончил с собой.

Она вздрогнула, услышав эти слова, и я мысленно отругал себя за подобную чёрствость.

— Я бы... Я… Я никогда не прикасалась ни к какому пистолету, - запинаясь, проговорила она, - тем более к тому, из которого застрелился мой муж.

- Простите. Вероятно, я что-то неправильно понял. - Я встал. - Спасибо, что уделили мне время, миссис Хартт. Я вернусь в более подходящее время, если у меня появятся еще вопросы.

Женщина, сидевшая передо мной на диване, казалось такой маленькой и хрупкой.

Я оставил ее, коротко кивнув на прощание, и вернулся в дальнюю гостиную.

Теперь я был абсолютно уверен, что новичок-патрульный просто не заметил пистолет. Мне следовало самому обыскать пол, а не поручать это ему. Если бы я сделал всё сам, мы бы уже со всем закончили.

Ладно, найду пистолет сейчас. И тогда единственное важное доказательство, которое мне понадобится, чтобы закрыть дело, - это результаты вскрытия доктора Дженнингса.

* * *

Вернувшись в офис Аллана Хартта, я заметил, что Уилл уже готов уходить.

- Ещё кое-что, - пробормотал я, направляясь к креслу.

Сначала я опустился на колени, потом встал на четвереньки; развернулся влево, затем вправо, приподнимая края ковра.

Пистолета нигде не было.

- Вы что-нибудь перекладывали? - спросил я Уилла, окидывая взглядом комнату.

- Ничего важного, - пожал он плечами.

- А из "не важного"? - уточнил я, сразу же заподозрив неладное.

- Мне пришло ждать тут очень долго, поэтому я привел в порядок кое-какие книги. Не волнуйтесь, они не лежали рядом с телом. И ещё я выбросил цветок, потому что он был весь в крови. Сомневаюсь, что миссис Харт захотела бы, чтоб он и дальше здесь стоял.

Никакого оружия. И цветок, залитый кровью.

У меня вдоль позвоночника побежали мурашки.

- Что это был за цветок?

- Понятия не имею, - залился румянцем патрульный. - Он же был весь в крови.

- Где он? - Мой взгляд заметался по комнате в поисках мусорной корзины.

- Вот там, у стола, - кивнул Уилл.

Я подбежал к маленькому мусорному ведру, спрятанному под столом. Сделав глубокий вдох, я подтащил ведро поближе — и вздрогнул.

На дне лежал один-единственный цветок - одинокая, забрызганная кровью белая роза.

Я достал её из ведра, и дрожащим голосом спросил:

- Среди книг, которые вы разложили по местам, была чёрная библия?

Уилл только молча кивнул; похоже, я его напугал.

- Покажите.

Он без единого слова подошел к книжному шкафу и вытащил оттуда библию в кожаном переплете. Такую же, как и остальные.

Я смотрел на розу и библию несколько секунд, которые показались мне вечностью.

- Сэр, - наконец произнёс Уилл, - мне очень жаль, что я переставил эти вещи. Что-то не так?

Все было не так. Белая роза. Библия. И этот мертвец, который, по крайней мере, на первый взгляд, не имел никакого отношения ни к убитым судьям, ни к анархистам, ни к делу Дрейсона. Я был так убежден, что кто-то из членов анархистской организации несет ответственность за убийство судей Джексона и Портера, но белая роза и библия здесь, в особняке профессора истории, перепутали нам все карты.

Как Аллан Хартт был связан с последними событиями, потрясшими этот город?

Это казалось абсолютно невероятным, но окровавленная белая роза, которую я держал в руке, говорила об обратном.

Я пришёл в себя и расправил плечи.

- Уилл, мне нужно, чтобы вы вернулись в свой участок и передали срочное сообщение капитану Деклану Малвани. Пусть он пришлёт двух человек с камерой и оборудованием для снятия отпечатков пальцев.

Он недоуменно уставился на меня и не двинулся с места.

- Это не самоубийство, - раздраженно пояснил я. - Значит, что эта комната - место преступления, требующее тщательного расследования. Нужно передать это капитану Малвани, немедленно!

Уилл поражённо раскрыл рот, но всё же бросился к двери.

А я остался один на один с розой, библией, кровью Аллана Хартта и делом, в котором с каждой минутой становилось всё меньше и меньше смысла.

ГЛАВА 21

Барнард-колледж, Бродвей.

08:00.

Два часа спустя я обыскивал кабинет профессора Хартта в Барнард-колледже под бдительным взглядом декана Лауры Дрейк Гилл. Это была решительная женщина, которая выглядела намного моложе своих сорока с небольшим лет.

- Вы понимаете, что это в высшей степени беспрецедентно? - произнесла она, сурово нахмурившись. - Обычно мы не разрешаем обыски в кабинетах наших профессоров.

Сопровождавшая меня Изабелла тотчас ей ответила:

- И нам очень повезло, что вы понимаете всю серьезность ситуации в свете убийства профессора Хартта.

Это было гениальной идеей - пригласить Изабеллу встретиться со мной здесь сегодня утром. Она не только уладила все с деканом Гилл — и даже уклонилась от вопросов о разноцветных синяках на моем лице, — но и смогла выяснить основные факты пребывания Хартта в женском колледже.

Малвани дал мне время только до полудня, чтобы представить доказательства, связывающие убийство Аллана Хартта с убийством Хьюго Джексона или Ангуса Портера - или обоих.

- Я не могу тратить твои умения впустую, - со вздохом произнёс Малвани. - Кроме того, никто не поверит, что убийство Хартта имеет какое-то отношение к делу, поскольку здесь нет никакой связи с анархизмом. А уж после нападения на тебя возле собрания профсоюза рабочих прошлой ночью... И после взрыва у "Гробницы"... Особенно сейчас, когда сам Дрейсон на свободе, никто не захочет слышать о розах и библиях.

Но, в конце концов, мои доводы возобладали над опасениями Малвани.

- Если ты найдёшь какие-то убедительные для комиссара доказательства, это не повредит ни твоей, ни моей карьере, - неохотно признал Малвани. - Особенно, если речь идёт о ещё более крупном заговоре.

Комиссар, несомненно, с удовольствием принял бы на себя ответственность за раскрытие крупномасштабного анархистского заговора - если он действительно существовал.

А вот у меня были сомнения. Мы с Изабеллой беседовали с несколькими коллегами профессора Хартта. И ничто из того, что они говорили о тихом и спокойном профессоре, не указывало на то, что он имеет какое-то отношение к делу Дрейсона или к судьям Джексону и Портеру.

Но я не мог игнорировать тот факт, что роза и библия указывают на связь между этими тремя мужчинами.

Мои мысли обратились к Джонатану: неужели большинство анархистов способны отделять личную жизнь от своих политических целей? Для Джонатана никакого разделения не существовало.

У меня были серьезные опасения, что при первой же возможности он убьет людей, непосредственно ответственных за катастрофу на "Слокаме" — либо капитана Ван Шейка, либо одного из владельцев компании "Никербокер", — смешав свой личный гнев с политическими задачами.

Возможно, именно такого человека мы и искали. Я подумал о шведе, которого встретили в лифте отеля "Бреслин", а также о других подозреваемых, которые могли сыграть свою роль.

Страпп, Хлад, Китайская Роза, таинственная женщина у оружейного магазина или сам Дрейсон — любой из них мог иметь личные мотивы, пока неизвестные нам, которые скрывались за политическим пылом их анархистских идеалов.

Чем больше я думал над происходящим, тем больше убеждался, что наткнулся на нечто существенное. Официальное внимание к Дрейсону и его анархистским дружкам было идеальным прикрытием для глубоко укоренившихся личных мотивов. Личных мотивов, связанных с неким Леруа Сандерсом.

Я снова окинул взглядом кабинет Аллана Хартта, который был почти таким же аскетичным, как и его дом. Ни картин на стенах, ни книжных полок, ни личных писем, ни записок на письменном столе, ни даже ковра на деревянном полу. Кроме нескольких научных трактатов, на книжных полках можно было найти только стопку студенческих эссе. А декан Гилл уже заверила нас, что профессор Хартт - уважаемый член профессорского состава, и никаких претензий к нему никогда не было.

Я сел за стол и выдвинул верхний ящик.

- Когда профессор Хартт стал преподавать на вашем факультете? - спросил я декана Гилл.

Ее брови сошлись на переносице, пока она подсчитывала годы.

- Он пришёл к нам в 1885 году, когда был ещё новоиспеченным доктором философии из Колумбийского университета.

- Полагаю, его специальность - европейская история, - сказал я, заметив содержимое книжных полок.

Женщина кивнула.

- Неужели вам обязательно проверять содержимое каждого ящика?

Я вежливо кивнул, но понимал, что на самом деле хватаюсь за соломинку. И хотя я не ожидал никаких ответов от содержимого профессорского стола — карандашей, бумаги, скрепок и других канцелярских мелочей — я не мог работать, спустя рукава.

-У него должен быть календарь, - сказала я, наконец, в отчаянии отодвигая стул.

Декан бросила на меня озадаченный взгляд.

- Или записная книжка, куда он записывал встречи и расписание?

- Да, да, конечно. - Она махнула рукой, чтобы я следовал за ней в маленький кабинет секретаря в конце коридора. Я так и сделал, предоставив Изабелле обыскивать полки под книжными шкафами профессора Хартта.

- Наша секретарша сегодня дома, болеет, но она ведет все записи на прием к профессорам. Видите ли, большинство из них проводят больше времени в аудитории или научной библиотеке, чем в своих кабинетах. Поэтому одного человека нам вполне хватает, чтобы обрабатывать запросы студентов на встречи.

Она провела меня в кабинет, в котором едва помещались письменный стол, стул, книжная полка и тумбочка с телефонным аппаратом.

Мне удалось протиснуться между столом и стеной, почти не оставив места, пока декан водила пальцем по стопке записных книжек.

- Вот, Аллан Хартт. Держите.

Она протянула мне тонкую картонную папку, которую я тут же раскрыл на октябре 1906 года. Внутри было два разных почерка: один - мелкий и аккуратный, практически каллиграфический; другой - жирный, неряшливый, с размазанными буквами.

Мои инстинкты подсказывали мне, что секретарь вела первую часть записей, а сам профессор - вторую.

Большая часть дней профессора была заполнена встречами со студентами, судя по именам и ссылкам на занятия, которые отмечала секретарша.

Сам профессор использовал инициалы — и я сразу же увидел, что в понедельник двадцать второго числа стояла пометка "Х.Дж.". Хьюго Джексон?

Это могло быть той связью, которую я искал. Участвовал ли Аллан Хартт во встрече с Алистером и двумя убитыми судьями в прошлый понедельник? Но та встреча ведь была посвящена делу Дрейсона...

Хотя декан Гилл сказала мне, что профессор Хартт родился в Нью-Йорке в известной семье и вращался в тех же социальных кругах, что и Алистер, должна была быть какая-то другая причина, по которой профессор истории присоединился бы к дискуссии о Дрейсоне.

Я пролистал предыдущие месяцы и увидел похожие аббревиатуры: иногда “Х.Дж.”, а иногда “АП” или — что еще более тревожно — “АС”. Алистер Синклер?

Это было еще одним подтверждением того, что Изабелла обнаружила в календаре судьи Портера: свидетельство того, что эти люди регулярно встречались в течение нескольких месяцев.

А последнее доказательство пришло от Изабеллы, которая с обеспокоенным выражением лица подошла к комнатке секретаря.

- Я закончила обыскивать его кабинет и нашла вот это, Саймон. - Она протянула мне сложенное письмо. - Оно было спрятано между одной из его книг по истории и задней стенкой книжного шкафа.

Я знал, что внутри, ещё до того, как мои пальцы разорвали конверт: партитура. Всего два ряда, но, безусловно, в том же стиле.

Меня охватила неприятная мысль. Четверо мужчин встречались регулярно. Трое теперь были мертвы — те же трое, что получили музыкальные шифры за несколько дней до своей смерти. Если Алистер был четвертым, значит, он в опасности. И учитывая убийство профессора Хартта - даже больше, чем он мог себе представить.

- Ты должна это увидеть. - Я протянул Изабелле записную книжку, указав ей нужные даты.

Судя по странному выражению лица Изабеллы, я не сомневался, что ей пришла в голову та же мысль, что и мне. Она прикусила губу и потянула себя за локон волос, как часто делала, когда беспокоилась о чем-то.

- Что-то не так?

- Я выяснила, откуда они знали друг друга, - произнесла Изабелла. - Идём.

Она жестом пригласила меня вернуться в кабинет профессора, и декан Гилл последовала за нами.

Оказавшись там, она указала на дипломы в рамках на стене, скрытые за дверью. Мы не заметили их, когда вошли в первый раз в его кабинет. Один диплом был из Колумбийского университета, другой - из Гарварда.

- Смотри, - кивнула она на стену. - Не просто Гарвард. Гарвардский юридический факультет. 1877 год.

Я уставился на лист пергамента в рамке. Большая часть текста была на латыни.

- Я не уверена, - сказала Изабелла, - но думаю, что именно в этом году окончили школу судья Джексон, судья Портер и Алистер. Это значит, что все четверо были однокурсниками.

Я повернулся к декану Гилл.

- Это правда? Не знал, что профессор Хартт имеет юридическое образование.

Женщина кивнула, озадаченная нашим интересом.

- Почему он перешёл от изучения законов к истории? - поинтересовалась Изабелла.

- Он никогда не рассказывал, - пожала плечами декан. - Возможно, историю он любил сильнее. К тому же, он закончил докторскую по истории в рекордные сроки.

Мы с Изабеллой обменялись встревоженными взглядами. Аллан Хартт был однокурсником Алистера — и это означало, что не было никаких сомнений в том, что Алистер скрывал что-то важное.

И этому не было никакого разумного объяснения: либо он был вовлечен в то, чего не должен был делать, либо его собственная жизнь была в опасности.

Нам нужно было выяснить, что означают два оставшихся шифра - ведь их было два, включая тот, который Изабелла забрала из дома Портеров. И у нас пока не было возможности расшифровать их.

- У вас ведь должен быть музыкальный зал? - спросил я декана Гилл.

- Где есть пианино, - добавила Изабелла.

- Конечно. Я провожу вас через двор к "музыкальному" корпусу.

Ответ декана Гилл прозвучал сухо, но на ее лице отразилось облегчение от того, что мы покидаем кабинет профессора Хартта.

* * *

Какофония звуков заполнила третий этаж музыкального корпуса, где располагались репетиционные залы. Опытный пианист играл что-то, напоминавшее мне падающие капли дождя - Изабелла сказала мне, что это был Шопен.

За исключением высокого сопрано, распевающего гаммы, другая музыка для меня сливалась в неразличимые звуки.

Наконец мы нашли свободную комнату, расположенную рядом с библиотекой, и уселись за пианино. Я положил перед нами оба шифра, придуманный судьей Портером код, и чистый лист бумаги.

Хотя мы знали, что пианино не было необходимым для разгадки шифра, я думал, что было важно услышать проигранную вслух мелодию. Я хотел убедиться, что мы ничего не пропустили.

- Может, начать с первого ряда? - неуверенно проиграла первые ноты Изабелла.

- Нет, - покачал я головой, - нужно начать с "белой розы". - Я указал на третий ряд на странице, где изображение розы заменило символ скрипичного ключа.

- Фа-диез, до-диез... си, соль, - Изабелла начала играть, проговаривая ноты.

- Полная бессмыслица, - перебил её я. - Я что-то неправильно подставил?

- Ключ такой же, как и остальные, - озадаченно произнесла Изабелла.

Ангус Портер изложил нам ключ к шифру Порта, основанному на гамме ля-мажор. Это был простой шифр замещения, в котором тон и ритм определяли

соответствие между буквами алфавита и определенными музыкальными нотами и значениями.

Шифр Порта легко разгадал код, заложенный в музыку, посланную судье Джексону. Но здесь он не обнаружил ничего, кроме искаженной серии букв.

Пальцы Изабеллы порхали по клавишам, пытаясь воспроизвести ноты на странице.

- Саймон, как ты думаешь, почему убийца использует музыкальный шифр? - нахмурилась она. - Я имею в виду... есть много способов скрыть сообщение. Почему именно музыка?

- Понятия не имею. Если только...

- Что?

- Очевидно, он уверен, что его получатели смогут расшифровать то, что он посылает. Это уже само по себе может что-то значить.

- Может, он присылал им инструкции?

- Инструкции бы нам сейчас очень пригодились, - пробормотал я, уставившись на страницу передо мной. - Ты хорошо разгадываешь загадки, - сказал я наконец. - Ты можешь вспомнить какой-нибудь вариант шифра Порта, который мы могли бы использовать именно здесь?

- Возможно. Подожди пару минут, посмотрю в библиотеке.

Она оставила меня на несколько минут, отправившись в небольшую музыкальную библиотеку, а затем вернулась с биографией Михаэля Гайдна. Схватив карандаш и блокнот, она принялась за работу, перелистывая страницы книги и что-то лихорадочно записывая.

- Цель композиторов состоит в том, чтобы сделать музыку как можно более реалистичной, - произнесла Изабелла. - Многие, в том числе Бах и Шуман, были мастерами встраивания имен в свою музыку с помощью более сложных соответствий. Но я помню, что читал о шифре Михаэля Гайдна; надеюсь, он сможет нам помочь. Он изобрел шифр, который, по-видимому, предназначался для связи, но в то же время помогал ему сочинять музыку.

Я ошеломлённо смотрел, как она делает пометки и переписывает целый ряд букв.

- Чем он отличается?

- Он сложнее, чем у Порта. Его соответствия начинаются с басового ключа для соль, который соответствует букве А. Затем идёт соль-бемоль - это Б, ля-диез - это В и так далее. Он даже включает в себя пунктуацию, связанную с символами.

Я с интересом наблюдал, как Изабелла чертит сетку и вписывает туда восклицательный знак.

- Думаю, в этом есть смысл. Вот смотри, что у нас получается: соль-бемоль, ля-диез, ми, соль-бемоль, си-бемоль...

Мы продолжили сопоставлять каждую ноту с шифром, пока не получили сообщение:

"Еще две тысячи, или встретишь тот же конец".

- Как считаешь, "две тысячи" относится к деньгам? - поинтересовалась Изабелла.

- Думаю, да. А слово "ещё" означает, что это требование не первое.

Изабелла постучала пальцем по партитуре.

- Это то послание, которое было у судьи Портера?

Я кивнул.

- Перейдём к профессору Хартту?

- Послание начинается с белой розы, - сказала Изабелла, указывая пальцем. - Смотри — те же самые ноты: соль-бемоль, ля-диез, ми, соль-бемоль, си-бемоль и так далее.

- Точно такое же сообщение, - кивнул я. - За исключением того, что у профессора Хартта вряд ли есть две тысячи долларов на счету в банке.

- Однако декан упомянула, что он из состоятельной нью-йоркской семьи. Возможно, деньги были у его семьи.

- Возможно, но по его образу жизни этого не скажешь. В любом случае, это шантаж.

- Но если автору послания нужны были деньги, и он их получал, то зачем убивать источник дохода? В этом нет никакого смысла. - Изабелла откинулась на спинку стула, уронив карандаш на стол.

- Не знаю, - ответил я. - Возможно, он уже получил достаточно денег. Или месть, в конечном итоге, прельстила его больше, чем плата. Но сейчас у нас есть проблема покрупнее...

Изабелла ахнула:

- Алистер!

- Именно. Мы должны найти его и передать сообщение.

- Но он, вероятно, уже знает. Мне не нравится думать об этом, но он, скорей всего, получал те же самые шифры. И платит деньги за такой же шантаж.

- Он не знает, что профессор Хартт убит, - взволнованно произнёс я. - Он не знает, что может быть следующей жертвой.

ГЛАВА 22

Морг, Центральная улица.

10:00.

Мы решили отыскать доказательства убийства Хартта — веские доказательства, которые могла предоставить только наука, — в морге. Здание возвышалось над нами, как безликий монумент, отбрасывая мрачные тени на Центральную улицу.

Иногда, когда суеверия брали надо мной верх, я думал о многих ушедших душах, чья насильственная, безвременная кончина заставляла их проходить через этот дом. И даже когда мой рациональный ум держал суеверия под контролем, я все еще входил туда с немалым трепетом.

Сам доктор Дженнингс скорее назвал бы это место "домом знаний и науки", а не "домом смерти". Он верил, что наука дает истину, а истина обеспечивает справедливость.

Но у меня были другие мысли на этот счёт: правда у каждого своя, а науку можно интерпретировать по-разному.

Но в данном случае неопровержимые факты, которые предоставлял доктор Дженнингс, — собранные с массивных металлических столов, где стальные инструменты врезались в плоть и кровь и вытягивали их секреты, — давали мне самое полное приближение к определенным знаниям, которые могли мне помочь в раскрытии преступления. И если одна конкретная улика не всегда приводила к правосудию, что ж — в этом вина совсем не коронера.

Когда мы вошли в здание и начали подниматься по мраморной лестнице в кабинет доктора Дженнингса на втором этаже, Изабелла придвинулась ближе ко мне.

По словам секретаря из полицейского участка, Малвани, несмотря на травму, сумел добраться до центра города и сейчас встречался с коронером.

И действительно, мы услышали отчётливый ирландский акцент Малвани еще до того, как подошли к приоткрытой двери доктора Дженнингса. И Деклан, как всегда, спорил.

- Вы хотите сказать, что сама траектория пули указывает на то, что это не самоубийство? А с каких это пор вы стали экспертом по баллистике, доктор?

- Я кое-чему научился, проведя сотни вскрытий трупов с огнестрельными ранениями. Это не было самоубийством, Малвани, - решительно заявил доктор Дженнингс. - Зиль оказался прав.

Я сделал глубокий вдох, громко постучал в дверь и открыл ее прежде, чем прозвучало приглашение войти.

- Помяни чёрта, - с широкой улыбкой поприветствовал меня доктор Дженнингс и остановил взгляд на Изабелле. - Не думаю, что мы имели удовольствие быть представлены друг другу, мисс...? - Он привстал со своего места.

- Миссис Синклер. Невестка профессора Синклера.

- Ах,- в его глазах промелькнуло узнавание. - А где сам профессор? Я думал, он будет рад помочь в таком громком деле.

- К сожалению, нет.

Мой ответ был кратким, и Дженнингс истолковал его неверно — как я и хотел.

- Значит, вам нужна моя помощь, - довольно произнёс он. - Присаживайтесь, - он жестом пригласил нас подвинуть два стула из угла его кабинета. - И если у вас хватит духу, угощайтесь.

Между нами на тарелке лежала стопка сухих сэндвичей с индейкой — прямо рядом с несколькими страницами отчета о вскрытии Аллана Хартта. Я взял себе один из них. Несмотря на предмет, который мы собирались обсудить — не говоря уже о двух черепах, которые смотрели на меня с книжной полки рядом со столом коронера, — я был голоден.

- Кажется, вы говорили, что траектория пули явно исключает самоубийство, - произнёс я.

- А ваш друг во мне сомневался. - Дженнингс передал мне часть своего отчета. - Но мне казалось, пули всё же входят в компетенцию патологоанатома вроде меня. Ни у кого нет большего опыта в оценке повреждений, которые пули наносят телу, и траектории, которые они принимают, когда уничтожают жизнь. А уж великий город Нью-Йорк дал мне достаточно возможностей для изучения сего предмета.

Он махнул левой рукой в сторону стеклянной банки, стоявшей на книжной полке, доверху наполненной маленькими блестящими золотистыми шариками.

- Пули? - спросила Изабелла. - Там их, по меньшей мере, штук пятьдесят!

- Все они принадлежат жертвам, которых я вскрывал. И еще две такие же банки стоят у меня в лаборатории.

Ну, конечно; а ещё в его лаборатории были банки с препаратами, которые я старался слишком пристально не разглядывать. Он собрал все это для своих исследований - от образцов тканей до срезов печени.

Я просмотрел отчёт о вскрытии.

- Что навело вас на мысль об убийстве? Отсутствие пороха вокруг раны?

- Именно, - доктор Дженнингс ткнул ручкой в соответствующий раздел отчета о вскрытии. - Если бы Аллан Хартт покончил с собой, то пистолет выстрелил бы в нескольких сантиметрах от его головы. Это оставляет следы пороха вокруг раны. Но ни рана Хартта, ни наволочка на его голове не были загрязнены, что указывало

на то, что выстрел был произведен с расстояния не менее тридцати сантиметров — а это физически невозможно при самоубийстве.

Я позволил Изабелле подробно рассказать о том, что мы обнаружили сегодня утром в Барнард-колледже.

— Значит, тут дело в шантаже, и Алистер каким-то образом в этом замешан. Почему я не удивлен? - закатил глаза Малвани.

- Эти четверо связаны между собой. И теперь трое из них мертвы, - тихо произнёс я.

- Вы разговаривали с Алистером? - поинтересовался Малвани.

Изабелла покачала головой.

- Я не могу до него дозвониться. Я связалась со всеми его близкими друзьями и коллегами. Никто не знает, где он, в том числе и те друзья, с которыми он часто бывает в Бостоне.

- Нужно приложить все усилия, - встревоженно заметил Малвани. - Не столько ради дела, сколько ради его собственного блага.

- Мы собираемся просмотреть бумаги в его кабинете. Возможно, он оставил какие-то пометки о своем маршруте, - сказал я. Не говоря уже обо всем остальном, что помогло бы мне понять, во что он оказался замешан.

- Возможно, миссис Синклер справится и без твоей помощи. Мне нужно, чтобы ты вернулся к делу Дрейсона, - произнёс Малвани.

- Свидетелей не нашли? - поинтересовался я.

Малвани покачал головой.

- Зато у нас есть масса других зацепок. Мы нашли типографию, которая печатала розовые листовки, найденные после взрыва в "Гробнице". И угадайте, кто придумал эту листовку? - Он ухмыльнулся. - Китайская Роза. Мы задержали ее вчера и собираемся допросить. И хотя Функе еще не опознал ее, я предполагаю, что это та самая "экзотическая" женщина, которая была с нашим шведским другом в тот день, когда он купил Браунинг, из которого убили Ангуса Портера. Похоже, комиссар был прав: мы имеем дело с одним большим заговором.

- С большим заговором, в котором детали не сходятся друг с другом, - покачал я головой.

- И в котором замешаны убийства троих мужчин, роль которых в этом деле мы до конца не понимаем, - заметила Изабелла.

- Я дал тебе целое утро. Это всё, что я могу, - нахмурился Малвани.

- И всего за несколько часов мы нашли убедительные доказательства, связывающие Аллана Хартта с обоими убитыми судьями, - возразил я. - Все трое учились на одном и том же юридическом факультете Гарварда. Всех троих шантажировали.

— И, вероятно, Алистера тоже, - перебила меня Изабелла, - хотя вы оба слишком вежливы, чтобы говорить об этом в моем присутствии. Он мне как отец, и я беспокоюсь за него. Мне нужно, чтобы Саймон раскрыл это дело, иначе Алистер никогда не будет в безопасности.

На лице Малвани промелькнуло сочувствие, ведь ему искренне нравилась Изабелла.

- Думаю, у нас есть еще немного времени. Зиль, почему бы тебе не подготовить исчерпывающую схему доказательств? Может быть, систематизация наших фактов поможет нам увидеть пробелы в наших знаниях.

- Можете воспользоваться моей доской, - предложил доктор Дженнингс.

Я подошёл к доске, взял кусок мела и в верхней части написал:

ЖЕРТВЫ

1. Судья Хьюго Джексон, председательствующий на процессе Дрейсона;

Убит ножом, перерезано горло.

Белая роза и библия рядом с телом; рука уложена на Библию, как будто принося присягу.

2. Судья Ангус Портер; предположительно, должен был забрать себе дело Дрейсона.

Убит выстрелом из пистолета Браунинг.

Белая роза и библия рядом с телом.

Руки связаны.

3. Профессор Аллан Хартт.

Убит выстрелом; оружие неизвестно, пуля не найдена.

Белая роза и библия рядом с телом.

Лицо укрыто наволочкой.

- Это - самые важные различия между жертвами, - произнёс я, перенимая манеру Алистера. - Мы уже говорили о том, что большинство преступников не меняют своего поведения от преступления к преступлению. В этом мы пришли к согласию, поэтому я только замечу, что странно, что этот убийца перешел от ножа к пистолету. А учитывая вероятность участия анархистов, это может просто указывать на то, что в деле замешан не один человек.

- В таком случае Джексона мог убить тот, кто любит использовать холодное оружие, а Портера и Хартта - тот, кто предпочитает огнестрельное, - сказал доктор Дженнингс. - Хм, в этом есть смысл.

- Есть и другие отличия, кроме оружия, - заметила Изабелла, изучая то, что я написал. - Каждой жертве придали определённую позу — будь то рука на Библии, связанные запястья или закрытое лицо. Я считаю, что это тоже имеет значение.

- И мы думаем, что Библия и цветы - это послание от анархистов? - уточнил Малвани.

- Или что-то еще. Именно шантаж наводит меня на такие мысли, так как шантаж подразумевает некоторые проступки, - оживилась Изабелла. - Алистер говорил о том, что Белая роза часто используется для обозначения предательства. И поскольку судья Джексон был уложен так, словно приносил присягу, а рядом с ним лежала роза, это могло означать, что он нарушил свою клятву.

- С точки зрения убийцы, конечно, - кивнул я. - Продолжай.

- У судьи Портера были связаны руки. Возможно, он знал об этом проступке, но ничего не сделал, чтобы остановить коллегу. Так что в буквальном смысле его могли убить, потому что у него были связаны руки.

Я проследил за ходом ее мыслей.

- Хартт тоже был замешан в этом деле, но он не видел — или не хотел видеть — никакого преступления. Так что, хотя я сначала подумал, что наволочка на его голове было поступком самоубийцы, пытающегося избавить жену от вида его раны, на самом деле это было сообщением от убийцы.

- Что-то вроде “не вижу ничего плохого”, - хмыкнул Малвани. - Похоже, у нашего убийцы есть чувство юмора.

- И какова в этом всём роль Алистера? - поинтересовался я.

Никто мне не ответил, даже Изабелла.

Я снова подошёл к доске и написал:

УБИЙЦА - ЧТО МЫ ЗНАЕМ?

- Он, вероятно, связан с анархистами, - сказал Малвани. - Об этом говорят убийства судей.

- Согласен, - кивнул я и написал:

ВОЗМОЖНАЯ СВЯЗЬ С АНАРХИСТАМИ:

Относительно Джексона - канун оглашения вердикта присяжными.

Относительно Портера - перед принятием дела Дрейсона.

Относительно Хартта - в день побега Дрейсона.

ВОЗМОЖНЫЕ ПОДОЗРЕВАЕМЫЕ:

1. Швед в отеле "Бреслин" и оружейном магазине Функе.

Выдавал себя за лифтера в отеле "Бреслин".

Купил, а затем вернул Браунинг Функе.

Замечен с женщиной “экзотического вида”, возможно, Мей Лин (Китайская Роза).

2. Павол Хлад, один из лидеров анархистов.

3. Джонатан Страпп.

4. Сам Дрейсон, при возможности осуществления руководства из тюрьмы.

5. Китайская Роза.

6. Неизвестный с анархистскими убеждениями…

7. Любая комбинация вышеперечисленных.

- Ты упоминал, как Джонатан был зол на директоров компании “Никербокер”, - сказал Малвани. - Есть ли вероятность, что судья Джексон или судья Портер сыграют какую-то роль в будущих процессах по "Генералу Слокаму"?

Я скептически приподнял брови.

- Это возможно лишь в том случае, если будут проведены дополнительные испытания "Слокама", в чем я сильно сомневаюсь. И, насколько мне известно, ни один из наших судей не играл — и не должен был играть — никакой роли в деле капитана Ван Шейка или в его апелляции.

- Не забудь о неоднократных упоминаниях Леруа Сандерса, - напомнила мне Изабелла.

Я добавил на доску запись:

ЛЕРУА САНДЕРС

Имя, упоминаемое в музыкальном шифре.

Имя, внесенное в список постояльцев отеля "Бреслин", где был убит судья Портер.

Имя, внесенное в журнал в оружейном магазине Функе, где было куплено и возвращено второе орудие убийства.

ПРОБЛЕМЫ:

1. На что указывают различные виды оружия и выбор мест преступлений?

2. Убийца один или несколько?

3. Сообщение о роли каждой жертвы в неком правонарушении.

4. Ни одного свидетеля.

5. Никаких указаний на то, как были связаны жертвы, кроме выпуска из Гарварда в 1877 году.

6. Леруа Сандерс неизвестен. Является ли он анархистом или каким-либо образом связан с их делом? Или он каким-то образом связан с тремя жертвами? Если да - то как?

7. Какова роль Алистера в происходящем?

- Я только что кое о чем подумала, - внезапно оживилась Изабелла. - А что, если профессор Хартт стал заниматься историей не потому, что ему это нравилось, как считала декан Барнарда? Что, если случилось что-то такое, что испортило его отношение к закону? Что-то связанное с этими шифрами и шантажом.

- Возможно, - задумчиво протянул я. - Алистер утверждал, что в последние годы они с судьёй Портером и судьёй Джексоном отдалились друг от друга. А вдруг на то были причины...

- Это полная ерунда! - буркнул Малвани, постукивая тростью по полу. - Комиссару нужны веские доказательства, а не ваши домыслы.

- Я понимаю, что комиссар хотел бы легкого решения. Но, как мы хорошо знаем, простое решение не всегда является правильным. Помнишь убийства в театрах прошлой весной? Ты был твердо убежден, что...

- Знаю, знаю, - перебил меня Малвани. - Не нужно каждый раз напоминать.

Доктор Дженнингс откинулся на спинку стула и, заложив руки за голову, посмотрел на доску.

- Я вскрывал каждого из этих мужчин в надежде, что то, что я узнаю, поможет нам понять, как и почему они умерли. Это все, что я могу для них сделать. Но моя наука может подвести нас лишь к вот этому, - махнул он рукой на схему на доске. - Почему бы не позволить Зилю закончить работу?

Малвани заколебался — и в тот момент я понял, что он согласится.

- Доверься мне, - попытался я улыбнуться, - и извинись перед комиссаром.

- Я тебя прикрою, - проворчал Малвани. - Но скажи, ты действительно считаешь, что дело тут не только в анархистах и их политических целях?

- Да, - кивнул я. - Мы просто пока не понимаем, в чём именно.

В этот самый момент мне в голову пришла настолько простая мысль, что я удивился, как не подумал об этом раньше.

- Может быть, дело в деньгах. Помните, я говорил вам раньше: в последние годы основная масса анархистов отправилась в тюрьму из-за обвинений в грабеже, а не из-за взрывов и динамита. Им нужны деньги, как и всем остальным.

Изабелла нахмурилась.

— Это объясняет шантаж, Саймон, но не убийства. Если шантаж породил столь необходимый источник наличных денег, то зачем было его уничтожать?

- Хороший вопрос, - признал я. - Когда мы узнаем ответ, то, возможно, узнаем, кто убийца.

Малвани с трудом поднялся на ноги, опираясь на трость. Встреча была окончена.

- Лучше бы вам поспешить с результатами. Каждый офицер в этом городе нужен для поимки Дрейсона. Я не смогу долго оправдывать твоё отсутствие.

- В этом нет необходимости, - усмехнулся Дженнингс. - Зиль, похоже, находится в шаге от решения. Но я думаю, что главная проблема заключается в том, насколько хорошо правда, которую он раскроет, будет соответствовать повестке дня комиссара.

- Правда редко служит добрую службу, - буркнул Малвани. - Но об этом будем беспокоиться позже.

Изабелла вежливо попрощалась и первой вышла из комнаты.

Я собрался идти за ней, но Малвани придержал меня за локоть.

- Один небольшой совет: найди Алистера, и ты найдешь ответы, готов спорить. Потому что одно можно сказать наверняка — я был прав насчет Алистера Синклера. Я никогда не доверял этому человеку.

Я вышел, не сказав ни слова.

Но если уж быть предельно честным, стоит признать: я тоже никогда ему полностью не доверял.

ГЛАВА 23

Здание «Дакота», 72-ая улица, дом 1.

12:00.

Изабелла, не думая ни о чём, кроме собственных целей, сразу же помчалась в центр города, как только мы поймали извозчика. Не успел я опомниться, мы уже были в квартире Алистера, и Изабелла начала пробиваться к личному кабинету Алистера.

Нашим первым препятствием была миссис Меллоун — несмотря на ее громкие жалобы на Алистера и его привычки, она всегда яростно защищала и его самого, и его работу, которую он считал крайне важной.

Изабелла улыбнулась миссис Меллоун.

- У нас только что произошли значительные подвижки в деле, и нам нужна помощь Алистера. Он, вероятно, оставил вам номер телефона, по которому мы можем с ним связаться?

Миссис Меллоун, застигнутая врасплох, нахмурилась.

- Вообще-то, нет. Конечно, это не похоже на профессора, но он забыл о предстоящей поездке.

Изабелла вздернула подбородок и твёрдо произнесла:

- Тогда мне придется просмотреть его бумаги и попытаться отыскать самой. Это займет пару минут.

Миссис Меллоун скрестила руки на груди.

- Вы же знаете, как профессор относится к этому, миссис Синклер. Даже для вас...

Изабелла не дала ей договорить. С ослепительной, уверенной улыбкой она добавила:

- На этот раз он сам виноват, не так ли? Он всегда оставляет номер телефона, чтобы мы могли с ним связаться. Но он так торопился, что забыл сказать его и вам, и нам. А нам нужно с ним поговорить. Немедленно.

Она сняла пальто и повесила на массивную вешалку из орехового дерева и латуни, сделав мне знак сделать то же самое.

- Вы могли бы сделать кое-что важное, - сказала она, поворачиваясь к миссис Меллоун. - Вы же знаете, у кого обычно останавливается Алистер, когда приезжает в Бостон? Не могли бы вы помочь нам и позвонить каждому из его знакомых? Если вы сможете найти Алистера по телефону, это сэкономит нам некоторое время.

В этом не было необходимости, потому что Изабелла уже сделала эти звонки. Никто из друзей Алистера не видел его в последнее время и даже не знал, что он в городе. Это было абсолютно бесполезное поручение. Но с другой стороны, это была блестящая идея, как занять миссис Меллоун, чтобы она перестала волноваться, чем заняты мы с Изабеллой.

Женщина поспешила к телефону, который Алистер держал в библиотеке, а мы с Изабеллой направились в его кабинет в конце коридора.

Я редко бывал там, потому что эта комната была личной территорией Алистера — его святая святых, так сказать.

Мало кто из гостей когда-либо входил через тяжелые дубовые французские двери с двойным стеклом в комнату, наполненную лучшими образцами.

Толстый сине-золотой узорчатый ковер покрывал пол, письменный стол был из глянцевого красного дерева с кожаной отделкой, а роскошные бархатные портьеры обрамляли окно, из которого открывался потрясающий вид на Центральный парк с оранжевыми, желтыми и красными верхушками деревьев.

- Я займусь письменным столом, а ты - картотекой, - скомандовала Изабелла, направляясь к огромному креслу из бордовой кожи, стоявшему за столом. Она выдвинула верхний ящик и начала листать бумаги.

Шкаф с картотекой стоял у окна. Он был заперт, поэтому я вытащил маленькую стальную отмычку, которую носил с собой, и быстро вскрыл замок. Замок щёлкнул через минуту — и я мысленно поблагодарил своего отца, профессионального мошенника, за то, что он в своё время научил меня этому искусству. Это пригождалось мне гораздо чаще, чем хотелось бы признать.

- Помни, мы также ищем все, что может помочь прояснить связь между этими четырьмя мужчинами, - сказал я Изабелле. - Выпускные альбомы, вырезки из газет, письма, ежедневники, календари...

Изабелла кивнула, не отрываясь от поисков. Каждое ее движение было напряженным, пока она перебирала стол Алистера, а затем переключила свое внимание на книжные шкафы.

Вскоре я понял, что Алистер был не из тех, кто хранит личные вещи. Его самые обширные записи касались финансов, но я едва их просмотрел - мне было неловко читать подобную информацию. Я не мог оправдать просмотр деталей, в которых не нуждался; в конце концов, моей целью было только выяснить его местонахождение и понять его связь с тремя убитыми мужчинами.

Остальные ящики картотеки были посвящены отдельным случаям, которые он собрал по своим исследованиям — различным преступникам, с которыми он беседовал на протяжении многих лет, пытаясь выяснить, что заставляло их вести себя подобным образом. Там были и убийцы, и поджигатели, большинство - рецидивисты. Особое внимание я уделил записям его переписки и разговорам с различными судьями.

Но ни Портер, ни Джексон ни разу мне не встретились, как и Леруа Сандерс - другое имя, которое я надеялся найти.

Я направился к противоположному от Изабеллы концу книжных шкафов, потянув за собой маленькую лестницу, чтобы добраться до верхних полок, где были сложены стопки бумаг и папок. Я методично перебирал их, одну за другой, пока меня не окликнула Изабелла.

- Смотри, Саймон, - сказала она, указывая на содержимое книги в красном кожаном переплёте.

Я спустился вниз и заглянул через плечо Изабеллы в альбом Гарвардского юридического факультета 1877 года.

- Я отметила каждую страницу, где что-то связывает их вместе. Тут несколько иллюстраций и статей, - сказала она, пролистывая свои закладки. - Эти четверо были неразлучны.

- Отличная находка. Нужно ещё посмотреть на последних страницах, где друзья всегда оставляют друг другу сообщения.

Я вернулся к своим поискам, вытаскивая стопку газетных статей. Я перенёс их к круглому столу в углу комнаты и начал пролистывать то, что оказалось вырезками новостей из жизни Алистера.

На страницах светской хроники появились заметки о свадьбе Изабеллы и Тедди, о поступлении Алистера на юридический факультет Колумбийского университета, о важных судебных процессах и уголовных делах, в которых он принимал участие. Но явно отсутствовали два значимых момента его жизни.

Некролог Тедди.

И объявление о собственной свадьбе Алистера.

Последнее я, пожалуй, мог понять в свете того, что они с женой разошлись. А первое показалось мне странным, но я не осмелился спросить об этом Изабеллу. Не сегодня.

Я уже почти просмотрел всю стопку бумаг, когда нашел то, что искал. Это была статья в "Трибьюн" в сентябре 1877 года.

"Окружной прокурор округа Нью-Йорк Бенджамин К. Фелпс, рад сообщить, что шесть новоиспеченных юристов откликнулись на призыв к государственной службе в нашем великом штате Нью-Йорк".

Я пропустил описание одного выпускника из Йеля и одного - из Колумбии, пока не добрался до самого важного:

"Остальные четверо новых сотрудников - выпускники Гарвардского юридического факультета. Аллан Хартт, Хьюго Джексон, Ангус Портер и Алистер Синклер происходят из нью-йоркских семей с самой высокой родословной.

Нашему обществу весьма повезло, что самые яркие и талантливые люди выбирают государственную службу, а не другие варианты, которые они наверняка имели в своем распоряжении".

Значит, они начали работать вместе в сентябре 1877 года, но как долго это продолжалось?

Я быстро пролистал другие бумаги, пока не нашёл еще одну статью, в которой подробно описывался уход Алистера из офиса окружного прокурора. Судя по всему, в январе 1880 года он перешел оттуда на работу клерком в уголовный суд. Он проработал чуть более двух лет с окружным прокурором, и часть этого времени, по крайней мере, служа бок о бок с тремя другими мужчинами, которые были убиты на прошлой неделе.

Я переписал имена мужчин из Йеля и Колумбийского университета, которые также работали в этом офисе. Наверно, стоит им позвонить и спросить, не знают ли они, почему почти тридцать лет спустя три человека из их конторы были зверски убиты.

Мои размышления прервала Изабелла:

- Саймон, я нашла кое-что еще; как ты и сказал, на последних страницах. Ты знаешь, что такое "тайный клуб"?

- Понятия не имею.

— Мне рассказывал Тедди, - она прикусила губу. - Это что-то вроде тайного общества. При вступлении нужно пройти "посвящение", и я думаю, что процесс отбора весьма секретен.

- Как "Череп и кости" в Йельском университете? - Об этом обществе слышал даже я.

- Клубы Гарварда отличаются по своей направленности и масштабам, но ты прав - это нечто похожее. Главное, - произнесла она с глубоким вздохом, - что их членство не является тайной. Все участники опубликованы здесь, - она протянула мне альбом.

Но прежде чем я успел просмотреть список, в дверь постучала миссис Меллоун. Она бросила подозрительный взгляд на стопку газетных вырезок, которые я просматривал, и произнесла:

- Мне не удалось найти профессора. Он не останавливался ни в одном из обычных мест.

- Благодарю вас, миссис Меллоун. Может, вы окажете нам ещё одну услугу? Вы знакомы с этими людьми? - Я передал ей список имён людей из Йеля и

Колумбийского университета, которые работали вместе с Алистером в окружной прокуратуре.

- Я их не знаю, - покачала она головой, возвращая мне список.

- Пока мы здесь закончим, - сказал я, - не могли бы вы позвонить оператору и узнать их номера или адреса?

Она посмотрела на меня с сомнением, но согласилась.

- Даю вам пять минут, - произнесла она, направляясь к выходу. - Профессору ваше самовольство не понравится.

Мы проигнорировали ее, обратив свое внимание на списки членов, которые Изабелла нашла в альбоме.

Мы нашли Дельфийский клуб, клуб Фокс и другие - с греческими буквами в названиях. Но тот, под которым значилось имя Алистера, — рядом с именами Джексона, Портера и Хартта — назывался клубом "Беллерофонт".

- Беллерофонт? Полагаю, это что-то означает?

- В греческой мифологии Беллерофонт — герой, убийца чудовищ. Он обуздал Пегаса и убил Химеру. Алистер, кажется, был одним из основателей, наряду с другими убитыми мужчинами... и есть несколько отсылок на их девиз: "Порядок, главенствующий над Хаосом".

- Герои, побеждавшие чудовищ, - пробормотал я. - Только наш убийца другого мнения...

- Есть кое-что ещё более интересное. Посмотри в конец альбома. Там есть страница, на которой члены "Беллерофонта" оставляли друг другу послания.

Изабелла перелистнула страницы.

У меня перехватило дыхание.

Я не мог поверить своим глазам - лист передо мной был испещрён нотными знаками. Он был точно таким же, как те шифры, которые мы видели, за исключением того, что под нотами стояли настоящие подписи, так тщательно вырисованные от руки. И они совпадали со списком имен клуба "Беллерофонт", который мы только что изучили.

- Это музыкальный шифр? - выдохнул я.

Изабелла кивнула.

- Я расшифровала первые несколько тактов. - Она протянула мне свою записную книжку. - Шифры заполнены обычными пожеланиями: не терять друг друга после выпуска, хорошо провести лето и так далее. Я предполагаю, что для того, чтобы клуб больше походил на тайное общество, они использовали музыкальные шифры для общения. Вот как они все смогли расшифровать полученные ими записки.

- Тогда возникает вопрос: откуда об этом знал убийца? - поинтересовался я, размышляя вслух. - Может быть, он сам имел какое-то отношение к Гарварду, раз знал, что эти четверо умеют пользоваться музыкальным шифром?

- Или он понял это позже, а потом использовал в своих интересах. Это был бы эффективный способ показать им: "я точно знаю, кто ты и что сделал".

В дверь снова постучала миссис Меллоун, и я понял, что нам не позволят больше оставаться в этой комнате. В любом случае, мы нашли то, что нам было нужно. Я смахнул альбом и нужные газетные вырезки в свою сумку, а затем вернул остальные предметы на верхнюю полку шкафа.

Миссис Меллоун перевела взгляд с меня на Изабеллу.

- Вам удалось выяснить, где профессор?

- Не совсем, - ответил я, - но мы нашли кое-какую информацию, которая может нам помочь. Вам удалось отыскать людей, имена которых я вам дал?

- Только одного. Второй, к сожалению, умер.

Изабелла бросила на нее испуганный взгляд.

- Как вы узнали?

- Мне сказали родственники. Я позвонила обоим мужчинам, потому что думаю, что с профессором случилось что-то большее, чем вы мне рассказываете, — она бросила на меня понимающий взгляд. - Мужчина из Йеля погиб в катастрофе на железной дороге пятнадцать лет назад. Но мужчина из Колумбийского университета все еще практикует юриспруденцию в Нью-Йорке. У меня есть его номер, и он готов поговорить с вами, если вы захотите ему позвонить.

Я начала благодарить ее, но она оборвала меня, поправив фартук.

- А теперь марш отсюда. Мне нужно привести в порядок эту комнату, чтобы профессор не узнал, что вы здесь были. Иначе он оторвет нам всем головы.

* * *

- Позвоним ему из моей квартиры, - предложила Изабелла, как только мы вышли.

Я согласился, беспокоясь об Изабелле так же сильно, как и об Алистере.

В другом конце коридора мы открыли дверь квартиры Изабеллы, но увидели не горничную Изабеллы, а ее шумного золотистого ретривера Обана. Он несколько раз обежал нас, держа в зубах поводок и отказываясь оставаться дома.

Я наклонился, чтобы погладить его по голове, прикрепил поводок к ошейнику и передал его Изабелле.

- Я позвоню сам. Своди Обана в парк; я вас догоню. Прогулка пойдет на пользу вам обоим.

Изабелла попыталась возразить, но я её перебил:

- Обещаю, что расскажу тебе всё, что узнаю.

Ее глаза были полны беспокойства, но, бросив лишь один взгляд назад, она вышла в коридор и нажала кнопку вызова лифта.

Закрыв за собой дверь, я вошел в библиотеку Изабеллы, снял трубку телефона и стал ждать оператора.

- Коламбус, восемь-четырнадцать, — сказал я и снова подождал, пока девушка установит связь. Прошло несколько мгновений, прежде чем я услышал на другом конце провода густой баритон.

- Джеймс Форд на проводе. С кем имею честь?

Я представился коллегой Алистера Синклера и объяснил, что мне нужно.

- Вы историк или детектив, мистер Зиль? - захохотал мой собеседник. - Вы спрашиваете о времени почти тридцатилетней давности.

- Мне действительно необходимо погружение в историю, - признал я.

Затем я пояснил, что меня интересует время, проведенное Алистером в офисе окружного прокурора, особенно в свете того факта, что три адвоката, которые начали работать там в 1877 году, были убиты на этой неделе.

— Не могли бы вы рассказать мне об этих людях - в частности, всё, что вы помните о работе с ними.

Отрезвленный упоминанием об убийстве, мистер Форд некоторое время пытался собраться с мыслями.

- Я не очень хорошо их знал. Они были сплоченной группой, по крайней мере, вначале. Они так долго ходили вместе в университет, что между ними установились прочные узы. Мы с Хоуи — еще одним начинающим адвокатом того года — никогда с ними так и не сблизились.

- По работе или в личном плане?

- Ни так, ни так, - уверенно ответил Джеймс Форд.

- Они вместе работали над делами?

— Они часто сотрудничали - не все четверо, конечно, но группами по два-три человека.

- Как долго вы работали на окружного прокурора?

- Почти семь лет. После этого я занялся частной практикой, но, безусловно, приобрёл в суде немалый опыт.

- Когда вы увольнялись, четверо выпускников Гарварда ещё там работали?

- Нет. Кажется, только Хьюго. Трое других решили сделать собственные карьеры.

- И они оставались сплочённой группой всё время работы?

Джеймс Форд надолго задумался, а затем, наконец, сказал:

- Не могу сказать точно. Это было давно, но я помню, что они как-то поссорились. Буквально раскололись надвое. После этого Алистер и Аллан быстро уволились. А Ангус задержался на некоторое время и продолжал дружить с Хьюго.

- Не знаете, что между ними произошло?

- Нет. Но ваш коллега Алистер всегда был очень самоуверенным. *Чрезвычайно* самоуверенным. Когда другие не соглашались с ним, он это ужасно переносил. Поэтому я всегда предполагал, что их размолвка как-то связана с этим.

Я невольно улыбнулся. Алистер мало изменился за последние тридцать лет.

- Еще один вопрос: вы умеете читать ноты, мистер Форд?

— Я люблю музыку, особенно Джона Суза, - ответил он. - Но я не умею читать партитуры.

- Значит, вы никогда не получали музыку по почте?

- Вы имеете в виду билеты на концерт?

- Нет, я имею в виду настоящие ноты, которые может сыграть пианист.

- С чего бы мне такое получать? Полая нелепость!

Искренность в его голосе заставила меня поверить мистеру Форду, и я поблагодарил мужчину за потраченное время.

- И еще один вопрос, последний, - сказал я. - Вы не знаете юриста, которого я мог бы нанять на пару часов, чтобы он помог мне разобраться в старых делах?

* * *

Изабелла сидела на скамейке в парке возле открытого зеленого луга. Она несколько раз бросала мяч, и Обан послушно приносил его.

Когда я подошёл ближе, Обан бросил мяч и ткнулся носом мне в руку. Я поднял его игрушку и бросил как можно дальше на траву.

- Узнал что-нибудь? - голос Изабеллы звучал тускло и апатично.

Я присел рядом с ней.

- Достаточно, чтобы захотеть поподробнее изучить время, проведенное Алистером в офисе окружного прокурора. Четверо мужчин были близки, когда поступали туда на службу, но к тому времени, как Алистер уволился, их дружба распалась.

- А сам мистер Форд… как думаешь, он замешан?

- Вряд ли. Он был искренне удивлён моими вопросами.

- Значит, в офисе прокурора ничего не случилось, - просияла Изабелла.

Обан вернулся с мячом, и я забросил его еще дальше.

- Необязательно. Джеймс Форд редко работал с нашими выпускниками Гарварда, потому что они были слишком дружны и не пускали в свой коллектив.

Изабелла изменилась в лице.

- Я не понимаю, - произнесла она, наконец, срывающимся голосом. - Алистер - хороший человек. Я знаю это, общаясь с ним каждый день на протяжении многих лет. Как мы дошли до этого — рыскать среди его личных вещей? Почему его шантажируют?! - Она помолчала. - Шантажировать человека можно только в том случае, если ему есть, что скрывать.

Я посмотрел на Изабеллу.

- То, что мы ищем, уходит корнями глубоко в прошлое Алистера. Это ничего не меняет в том, кем он является сегодня, или как он относился к тебе на протяжении многих лет.

- Мне приходится задумываться, насколько хорошо я его знаю на самом деле? - прошептала Изабелла так тихо, словно боялась задать этот вопрос вслух.

Обан вернулся, рухнул у наших ног и принялся лениво пожёвывать мяч.

- У всех есть секреты, Изабелла, - произнёс я. - Секреты Алистера важны, потому что они подвергают его жизнь опасности и мешают нашему расследованию трех убийств.

- А вдруг мы обнаружим то, что всё изменит?

На этот вопрос не было правильного ответа, но я попытался:

- Алистер всегда был готов нарушить правила ради своих профессиональных целей. Но он остался верен тебе и своей семье.

Это была сладкая ложь, ибо я никогда не видел никого из членов его семьи, кроме Изабеллы.

Она яростно закивала головой.

- Я понимаю, что семья была для него важна. Он любил Тедди; никто не мог любить сына сильнее. И он заступился за меня, когда никто другой этого не сделал. Видишь ли, поначалу никто не считал меня подходящей для Тедди парой.

- Почему? - я затаил дыхание в ожидании ответа.

На лице Изабеллы промелькнуло странное выражение, но она ответила:

- Моя мать была итальянкой.

Она произнесла это, как само собой разумеющееся; словно это признание должно было все объяснить. Возможно, так оно и было — по крайней мере, среди семейства Синклеров.

Но для Алистера этот факт не имел значения, и я поймал себя на мысли, что восхищаюсь им.

- Но теперь он исчез, ничего не сказав. Что за проблема может быть настолько ужасной, что он не доверил её мне?

- Не знаю. - Я задавал себе тот же вопрос, но пока не нашёл на него подходящего ответа.

- Проблема в том, что я всегда полагалась на него.

Я ничего не мог сказать, поэтому просто обнял ее и держал, пока она тихонько всхлипывала, оплакивая что-то драгоценное, утерянное теперь навсегда. Чтобы полагаться от кого-то, нужно полностью доверять этому человеку.

А Изабелла, вероятно, больше никогда не сможет верить Алистеру.

ГЛАВА 24

Архив юридических документов.

13:30.

Мне не удалось разыскать самого Алистера, но в тот день в юридическом архиве я был близок к тому, чтобы раскрыть часть его прошлого.

- Вы знаете, что ищете, сэр? - Джереми Джейкобс, двадцатичетырехлетний клерк юридической фирмы Джеймса Форда, который должен был мне помочь, серьезно посмотрел на меня. - То, что вы сказали архивариусу, прозвучало так, будто мы ищем пресловутую иголку в стоге сена.

- Так и есть, - усмехнулся я, - хотя у меня есть чуть больше информации, чем я поделился с архивариусом.

Чтобы попасть сюда, в огромное здание, где хранились архивные документы окружного прокурора, накопившиеся почти за сто лет, я рассказал на входе историю о деле анархистов, которое вёл судья Джексон.

Поскольку Дрейсон все еще был на свободе, никто не ставил под сомнение любое начинание, связанное с анархистами.

Джереми непонимающе посмотрел на меня, и я забеспокоился, справится ли он с поставленной задачей.

- Мы обычно не занимаемся уголовными делами, - сказал мне мистер Форд, - но Джереми - мой лучший работник.

- И давно он у вас работает? - уточнил я, обеспокоенный отсутствием у парня опыта.

Джеймс Форд только рассмеялся.

- Три года. Но не волнуйтесь: юриспруденция - это не то, что вы знаете. Это то, как хорошо вы открываете то, чего НЕ ЗНАЕТЕ. А исследовательские способности Джереми превосходны.

Теперь, когда мы с Джереми спустились в недра архива, мне оставалось только надеяться, что мистер Форд прав.

Мы оказались в пыльном, плохо освещенном подвальном помещении, где на металлических полках были сложены сотни коробок, содержащих тысячи старых папок.

- Нам повезло, - сказал Джереми, - что самые свежие материалы дел находятся прямо здесь. - Он указал на место у окна, которое было заметно светлее и чище, чем другие секции.

- К сожалению, нам нужны не свежие материалы. Я ищу дела почти тридцатилетней давности: с сентября 1877 по январь 1880 года, которыми занимался один из четырех адвокатов. - Я произнёс вслух имена.

У парня отвисла челюсть.

- Простите, детектив, но вы же не серьезно? Тридцать лет назад? Я думал, что ваши исследования связаны с делом Дрейсона.

Я проигнорировал его реплику и продолжил:

- Судья Джексон и трое его близких друзей начали работать в окружной прокуратуре в сентябре 1877 года. Мне нужно знать, над чем они работали. И я считаю, что во время поисков должно всплыть имя Леруа Сандерса.

- Он был обвиняемым по делу, которое они вели?

- Не могу точно сказать.

- А вы не пробовали проверить, есть ли дело "Народ против Сандерса"?

- Я бы так и сделал, если бы знал как. Я попросил своего коллегу проверить, и он заявил, что такого дела не было. Вполне возможно, что он солгал.

Джереми поправил очки в черной оправе.

- Я сейчас проверю, детектив.

- А пока не мог бы ты направить меня к материалам дел за сентябрь 1877 года?

- Конечно, сэр. - Он сверился со списком. - Нам нужно найти секцию номер триста тридцать пять.

- Эти материалы должны включать их личные записи, я прав?

- Да, сэр; если они вообще существуют.

Он показал мне соответствующую часть стеллажей, а сам поднялся наверх в поисках дела "Народ против Сандерса".

Я открыл ближайший к себе ящик и принялся листать бумаги.

Из досье стало ясно, что Хьюго Джексон занимал центральное место в зале суда — и к декабрю 1877 года ему было разрешено вести несколько легких дел в качестве ведущего обвинителя.

Ангус Портер тоже рано добился успеха; к 1878 году он был главным обвинителем по нескольким негромким делам.

Алистер же играл в офисе окружного прокурора другую роль. Как я вскоре понял, он был экспертом в разработке стратегии для самых сложных частей дел — инстинктивно понимая, какие доказательства будут наиболее убедительными для присяжных.

Судя по судебным записям, все хотели услышать совет Алистера. Он часто сидел за столом рядом с прокурором.

Но сам он ни разу не был главным обвинителем. Это выглядело так, словно он даже не пытался заполучить эту роль — и я задался вопросом, почему. Довольствоваться второстепенными ролями? Это было не похоже на Алистера.

Глядя на газетную иллюстрацию художника, который изобразил Алистера в двадцать пять, я понял, как странно было смотреть на Алистера через призму стольких лет.

Если я не знаю настоящего Алистера, то как я могу притворяться, что знаю его молодого?

Голос подошедшего из-за спины Джереми заставил меня вздрогнуть.

- Вот вы где, детектив. Держите, это заключение апелляционного суда по вашему вопросу.

Я не ожидал, что он вернется так быстро — и все же, быстро взглянув на свои карманные часы, я понял, что он ушел почти час назад. В этих бумагах легко потерять счет времени.

Джереми буквально сиял от гордости, когда вручил мне потрепанную коричневую папку.

- Апелляция по делу "Народ против Сандерса".

- Спасибо. А как насчет самого судебного разбирательства? - спросил я. Именно над этим делом должны были работать Алистер и остальные — и именно это дело интересовало меня больше всего.

- А вот это очень странно, сэр. Стенограмма полностью отсутствует. Несколько человек искали её на протяжении многих лет, согласно журналу архивариуса. Но она пропала с середины 1880-х годов. Боюсь, сэр, придется обратиться напрямую в апелляционный суд.

Значит, Алистер не солгал, но я не мог не задаться вопросом, имел ли он какое-то отношение к исчезновению стенограммы судебного заседания.

Я посмотрел на многочисленные ряды коробок.

- Я хочу посмотреть записи по делу, связанные с этим разбирательством. В апелляции сказано, когда рассматривали дело?

- В ноябре 1878 года. Я поищу нужную коробку, сэр, а вы пока ознакомьтесь с документом.

Я пробормотал слова благодарности и начал читать.

"Народ штата Нью-Йорк, ответчик,

ПРОТИВ

Леруа Сандерса.

Апелляционный суд Нью-Йорка.

Начато 17 июня 1879 года.

Окончено 15 октября 1879 года.

Заключение суда.

Дж. Ласки.

В различных формах данный акт обвиняет подсудимого в убийстве первой степени.

Суть обвинения заключается в том, что обвиняемый убил некую Салли Адамс, десяти лет, с применением удушения и другого насилия, совершенного над ее телом.

Юридический вопрос, который мы обязаны рассмотреть в рамках данной апелляции, не может быть адекватно обсужден без ясного понимания всех сложных фактов и обстоятельств, на основании которых сторона обвинения пытается обосновать обвинительное заключение против обвиняемого".

Я пропустил еще несколько абзацев юридической терминологии, пока, наконец, не добрался до краткого изложения дела.

Судя по записям, Леруа Сандерс, плотник, работал в доме семьи Адамс в Фордхэме. Вскоре после того, как его работа на семью была завершена, их младшая дочь, Салли, исчезла.

Через неделю ее избитое, изуродованное тело было обнаружено в сарае в полумиле от дома. Сначала Леруа Сандерса просто подозревали, но после показаний его напарника подозрения переросли в уверенность.

Гарри Блотски показал, что Леруа уделял девочке чрезмерное внимание, и что он видел, как тот взял малышку за руку и повел куда-то в сторону от дома.

Апелляция оспаривала решение судьи первой инстанции, признавшего показания Блотски в последнюю минуту; апелляция была отклонена, а обвинительный приговор - оставлен в силе.

- Похоже, вам нужны эти две коробки, - пробормотал Джереми, сгибаясь под их тяжестью. - Хотите, я помогу вам найти что-нибудь конкретное?

- Спасибо, - кивнул я, жестом предлагая ему поставить коробки на пол. Я устроился на стуле между двумя стеллажами. - Я начну с этой коробки, а ты - со второй. Пожалуйста, обращай внимание на все, что кажется тебе необычным.

- Что значит "необычным"? - На его лице появилось озадаченное выражение. - Я не уверен, что смогу определить что-то *необычное* в уголовном деле.

- Просто полагайся на свой здравый смысл, - посоветовал я, стараясь, чтобы мой голос звучал ободряюще. - Правовая база не так важна, как то, что обсуждали адвокаты, работающие над этим делом.

В течение следующего часа мы перечитали и просмотрели десятки заметок об этом деле — многие из них были написаны четким, уже знакомым мне почерком Алистера.

Как и в других делах, он продумал стратегию, а Хьюго и Ангус представили её в суде.

Алистер и Аллан Хартт были научными консультантами, явно предпочитая эту роль. У обоих было инстинктивное чутьё на то, какие доказательства будут наиболее убедительными в суде.

Но я не заметил ничего предосудительного. На самом деле, согласно всем уликам в коробке, окончательный приговор Леруа Сандерсу был полностью оправдан.

Именно Джереми отыскал единственную зацепку, которую можно было посчитать "необычной".

- Посмотрите на дату, когда впервые появился напарник Леруа, Гарри Блотски, и дал против него показания: декабрь 1878 года. Процесс уже подходил к концу, и потребовалось специальное разрешение судьи, чтобы позволить ему давать показания в последние дни разбирательства.

- Почему? - поинтересовался я.

- Ну, похоже, со времени первого допроса в полиции он изменил свои показания. А для обвинения это всегда проблема. Но адвокаты Джексон и Портер представили веские причины изменения показаний свидетеля, и судья дал своё разрешение.

- Каков был предмет спора?

Джереми снова пролистал бумаги.

- Судя по записям Алистера Синклера, Леруа угрожал Гарри, и тот боялся говорить правду до тех пор, пока не будет уверен, что правда удержит Леруа за решеткой до конца жизни.

- Вполне правдоподобно, разве нет? - Именно по этой причине моему участку порой было трудно собрать доказательства, которые могли осудить самых жестоких преступников: никто не хотел свидетельствовать против них и рисковать собственной жизнью и жизнью близких.

- Да, правдоподобно, - неуверенно кивнул Джереми.

Я снова задумался. Леруа обвинили и признали виновным в изнасиловании и убийстве ребенка. Как бы это ни было ужасно, нигде в его досье не было намека на то, что он представляет угрозу для других взрослых.

Алистер сам написал докладную записку, в которой утверждал, что у Леруа высока вероятность рецидива — другими словами, повторения подобного преступления. Но, по словам самого Алистера, Леруа представлял угрозу для несовершеннолетних. В эскизе художника Леруа был худощавым мужчиной, Гарри Блотски возвышался над ним. Неужели Гарри действительно боялся Леруа?

Я поблагодарил Джереми за помощь, не переставая ломать голову над этой странностью.

Стоило нам выйти из подвала, как к нам бросился довольный архивариус.

- Держу пари, что вы, ребята, ещё не слышали хороших новостей, поскольку все утро просидели внизу.

- Каких новостей? - поинтересовался я.

- Дрейсона схватили. Его нашли, пока он прятался в подвале какого-то опиумного притона в китайском квартале. Теперь в этом городе снова воцарятся справедливость и порядок, - радостно потёр руки архивариус. - Анархисты заплатят за то, что сделали.

Дрейсон, Джонатан Страпп и другие анархисты, несомненно, получат по заслугам. Комиссар об этом позаботится. Но в глубине души меня мучал вопрос: не произойдёт ли это путём сокрытия правды?

Не было никаких сомнений, что убийство судьи Джексона лежало в центре анархистских заговоров и политических конфликтов, но теперь я был убежден, что убийства судьи Портера и профессора Хартта тоже с ним связаны.

Их убийства отодвинули это дело далеко в прошлое, затронув скрытые тайны и столько личные проблемы, что я был уверен в кровной мести.

И если я не найду в ближайшее время этот мотив, то, боюсь, следующей прольется кровь Алистера. И мы никогда больше не узнаем правду.

ГЛАВА 25

Здание "Нью-Йорк Таймс", Таймс-сквер.

15:00.

- Давайте, ребята, за дело! У нас есть тридцать минут до начала пресс-конференции. Мы ведь хотим, чтобы "Трибюн" обошла нас, как на прошлой неделе?

Ира Зальцбург, толстый главный редактор "Нью-Йорк Таймс", с важным видом ходил по комнате, выкрикивая указания.

Одетый в свой фирменный желто-зеленый костюм, он остановился, чтобы проверить сначала одного репортера, затем другого, а затем направился в свой кабинет и закрыл стеклянную дверь.

В комнате находилось около пятидесяти репортеров, которые яростно стучали по клавишам пишущих машинок, стоявших на длинных рядах столов. Но ни один репортер не поднял головы.

Я пришел повидаться с Фрэнком Райли, репортером криминальной хроники, который прошлой весной помог мне раскрыть серию убийств в театральной среде. Тогда он поразил меня своим упорством — и если у кого-то и хватит решимости искать материал, который комиссар Бингем намеревается уничтожить, так это у Фрэнка.

Я только что звонил Малвани в полицейский участок, и он подтвердил то, что я знал с самого начала: комиссар планировал обвинить Дрейсона и других высокопоставленных анархистов, включая Джонатана, в убийстве судьи Джексона, судьи Портера и охранников, которые стали жертвами взрыва в "Гробнице". Указ комиссара гласил: собирать доказательства любыми средствами. И я знал, что это значит: козел отпущения для анархистского заговора будет важнее, чем раскрытие правды.

Вскоре я заметил Фрэнка - жилистого мужчину с темными волосами, зачесанными назад, работающего за первой пишущей машинкой слева. Никто даже не взглянул на меня, когда я направилась к нему через полкомнаты.

- Есть минутка, Фрэнк? - шёпотом поинтересовался я.

Он поднял глаза, и его раздражение сменилось удивлением.

- Зиль? Ты не вовремя. Здесь творится какое-то безумие. Мы печатаем специальный выпуск, и у меня есть полчаса, чтобы собрать материал о Дрейсоне и взрыве "Гробницы".

— У меня тоже мало времени, и мне нужна твоя помощь. Если я окажусь прав, ты будешь печатать совсем другую историю. - Я кивнул в сторону пишущей машинки.

Фрэнк отодвинул стул.

- Это настолько важно? Тогда найдём более спокойное место и поговорим.

- Как насчёт архива?

Райли приподнял брови.

- Здешние парни называют архив "газетным моргом". Иди за мной.

Он вывел меня из зала под недовольные возгласы других репортеров:

- Чёрт возьми, Фрэнк, нашёл время перекур устраивать! Хочешь, чтобы тебя уволили?

Райли отмахнулся от их замечаний, широко улыбнувшись:

- О своей работе беспокойтесь.

Он повел меня к лестнице, и мы спустились на шесть пролетов. Сам архив представлял собой тускло освещенную, заполненную от пола до потолка картотеками и книжными шкафами комнату.

- Здесь мы храним всё: фотографии, статьи, газетные вырезки. Всё, что мы сделали с 1851 года. - Он хмуро на меня взглянул. - Расскажешь, в чём дело?

- А дело здесь не только в анархистском заговоре. Тут нечто посложнее. - Я быстро ввёл его в курс дела, опустив пока имя Алистера.

Когда я закончил, Фрэнк лишь пожал плечами.

- Интересно, интересно. Но комиссару будет неинтересно слушать о таком сложном заговоре.

- Политики любят простоту. Я знаю.

Он с любопытством на меня взглянул.

- Тогда почему ты так стремишься узнать правду? Для тебя это не будет иметь никакого значения.

Я подумал об Алистере и, что еще важнее, об Изабелле, но сказал только:

- Потому что Аллан Хартт заслуживает справедливости. Его убийство — а это точно убийство! — должно быть связано с другими. Он так же заслуживает правосудия, как судья Джексон или судья Портер. Существует более глубокий мотив, который я пока не понимаю, но я уверен, что именно этот мотив связывает убийства трех мужчин.

- И что же здесь, в нашем морге, может тебе помочь?

- Все старые записи, которые у вас есть по делу "Народ против Сандерса". Процесс начался в ноябре 1878 года и продолжался до вынесения приговора в январе 1879 года. Он был обжалован в июне того же года.

Фрэнк нахмурился и провел рукой по гладко уложенным волосам.

- Ты меня, конечно, извини, но мне кажется, ты не прав. Ты пытаешься убедить меня, что современный анархистский заговор связан с процессом тридцатилетней давности?

- Может, ты и прав. Не узнаем, пока не найдём записи.

Фрэнк кивнул.

- Я всё найду. И если в этих записях что-то будет...

- Ты узнаешь об этом первым, - пообещал я.

- Ты всегда держал свои обещания, Зиль. Вот почему я помогу тебе. Но поторопись, потому что мне нужно вернуться к работе.

Фрэнк Райли тоже всегда держал своё слово, именно поэтому я пришёл к нему за помощью. К сожалению, на данном этапе расследования людей, которым я мог бы доверять, было явно мало.

* * *

Два часа спустя я вошёл в "Артузо" - итальянскую кофейню и кондитерскую, где стеклянные полки, заполненные канноли и разноцветным печеньем, соперничали за внимание покупателей с огромным выбором итальянского кофе в расписанных вручную керамических баночках.

Но главным украшением магазина была машина для приготовления эспрессо, привезенная из Италии — блестящий серебристый аппарат, который свистел и пыхтел, когда давление пара заставляло горячую воду просачиваться через мелко молотый кофе.

Я заказал двойной эспрессо и канноли у неприветливого мужчины за прилавком и устроился за столиком у окна.

Снаружи толпа собралась на Лонгакр-сквер. Точнее, теперь она называлась Таймс-сквер, как ее переименовали в честь главного арендатора - газеты "Нью-Йорк таймс". Репортеры Иры Зальцбурга уложились в отведенный им срок, и я наблюдал, как мальчишки-газетчики продают газеты прохожим, как горячие пирожки.

Я допил свой эспрессо, наслаждаясь его насыщенным послевкусием, заказал еще чашечку и начал просматривать файлы, которые дал мне Фрэнк. Статья за статьей, я вскоре собрал воедино историю более подробно, чем позволяли юридические архивы.

Судя по всему, Леруа Сандерс был опытным и очень востребованным плотником вплоть до дня своего ареста.

Как работник семьи Адамс, он почти сразу же попал под подозрение после того, как юная Салли Адамс сначала исчезла, а затем была найдена мертвой - “выброшенной, как использованная кукла в уборной”, как писала газета.

Венцом осудительного приговора стали показания Гарри Блотски о том, что Леруа увёл девочку из дома на прогулку.

В последней статье говорилось, что при вынесении приговора в зале суда присутствовала только миссис Сандерс; ему посчастливилось избежать смертного приговора, но его приговорили к пожизненному заключению в Обернской тюрьме.

Миссис Сандерс покинула зал суда в слезах, настаивая на том, что осуждение Леруа было неправомерным.

"Мой Леруа - мирный человек, - говорила она. - *Он любит свою семью и свою музыку".*

Прочитав это, у меня перехватило дыхание, и я подумал о музыкальных шифрах, полученных каждой жертвой.

"Помните Леруа. Любителя музыки". Теперь они приобрели для меня еще большее значение.

Я переключил свое внимание на канноли, к которым пока так и не притронулся. Я проглотил их так быстро, что едва почувствовал вкус.

Все три убийства были связаны с убеждением убийцы, что Леруа был несправедливо осужден за убийство; теперь этот мотив был ясен.

Но кого так сильно волновало это дело столь долгое время? У кого были средства и возможность спланировать и осуществить эти убийства? И какое отношение это имело к анархистам?

Я поскреб вилкой тарелку, наблюдая, как по улице передо мной проехало такси-электромобиль.

Я уронил вилку, когда в голове пронеслась одна-единственная мысль.

Электромобиль у "Дакоты".

Он доставил багаж Алистера к месту назначения. И хотя экипаж, запряженный лошадьми, Алистер поймал просто на улице, электрический автомобиль был заказан заранее. И компания, без сомнения, вела учет стоимости проезда.

Я отодвинул стул и подбежал к стойке.

- У вас есть телефон? - спросил я неприветливого усатого мужчину, который заправлял кофейными автоматами.

Тот повернулся ко мне спиной.

- Для посетителей - нет.

Я вытащил свой значок.

- А для полиции?

- Ну, для полиции..., - протянул он и махнул рукой на маленький кабинет, где на столике стоял черный телефонный аппарат.

Я снял трубку.

- Соедините, пожалуйста, с Нью-йоркской транспортной компанией.

Я нетерпеливо барабанил пальцами, ожидая установления соединения.

Когда мне ответили, я быстро произнёс:

— В среду вы забирали в “Дакоте " багаж, оплаченный Алистером Синклером. Мне нужно знать, куда его доставили.

Женщина на другом конце провода, должно быть, уловила настойчивость в моем тоне и даже не спросила, на каком основании я этим интересуюсь. На несколько минут она ушла от телефона, а затем вернулась.

- Сэр, это такси довезло багаж до Пятой авеню. В отель "Уолдорф”.

Я решил, что ослышался.

- Вы уверены?

- Да, сэр. В нашем журнале стоит именно этот адрес.

Я поблагодарил ее, позвонил Изабелле, назначив встречу, а затем схватил бумаги и бросился через восемь кварталов в центр города, где, по-видимому, скрывался Алистер.

Я должен был признать всю ироничность ситуации: оказавшись в отчаянном положении, Алистер не обратилась ни к друзьям, ни к семье, ни даже в один из захудалых отелей в центре города, где мой собственный отец часто искал анонимности после неудачной игры в карты.

Нет, в качестве убежища Алистер выбрал роскошный "Уолдорф". Абсурдный выбор.

С другой стороны, выбор Алистера был в равной мере абсурдным, и блестящим - ибо никто в здравом уме никогда бы до такого не додумался.

ГЛАВА 26

Отель "Уолдорф-Астория", Пятая Авеню.

18:00.

- У нас нет никого с таким именем, сэр. - Молодой человек с взъерошенными каштановыми волосами нахмурился, изучая журнал регистрации. - Здесь определенно не зарегистрирован никакой Синклер. Может быть, вы ошиблись отелем?

- Он должен был приехать в среду, - настаивал я. - Ближе к вечеру, между четырьмя и пятью часами. Возможно, он использовал не настоящее имя.

Карие глаза клерка расширились.

- Но я не могу проверить записи о каждом госте, который зарегистрировался в среду после обеда! Мы - самый большой отель в мире, мы регистрируем более полутора тысяч гостей в день!

Я не сдвинулся с места.

Молодой человек почесал нос.

- Ну, я могу, конечно, попытаться. Возможно, вы узнаете одно из имён...

- Сначала проверьте секцию ”Астория", - сказала Изабелла. - Она более новая и более роскошная.

Клерк полистал журнал и начал зачитывать имена вслух.

Жак Раймс.

Энтони Блэк.

Хью Стоув.

Джон Рис.

Мы покачали головами. Ничего не получалось.

Я попытался продумать другие варианты — от расспросов прислуги до поиска конкретного посыльного, который доставлял багаж, — пока парень перебирал варианты.

Эдвард Грэм.

Джеймс Уорбл.

Ханс Энрико.

Изабелла взволнованно схватила меня за руку.

- Это он!

- Ты уверена? - спросил я. Мне это имя ничего не напоминало.

Изабелла кивнула.

- Это идеальный псевдоним для Алистера. Имена двух его наставников-криминологов.

- В каком номере проживает мистер Энрико? - поинтересовался я.

- Номер 1621. Это в "Астории". Чтобы добраться до лифта, вам нужно пройти через аллею. Первый поворот налево, - кивнул он в нужном направлении.

Изабелла поблагодарила его и поспешила за мной к лифту, объясняя по дороге:

- Видишь ли, до недавнего времени это были два отеля — "Уолдорф" и "Астория", принадлежавшие двоюродным братьям Астор, Уильяму и Джону Джейкобу. Теперь они соединены в один большой отель.

- Этим переходом? — спросил я, глядя на голубые и золотые украшения вокруг нас.

- Именно. Идём скорее.

У лифта бесстрастный служащий в строгой сине-золотой униформе нажал на кнопки, которые должны были доставить нас на восемнадцатый этаж.

Маленький лифт, наполненный горячим воздухом, казалось, двигался со скоростью улитки, пока, наконец, не остановился.

Мы с Изабеллой бросились в дальний конец коридора, где кремовую дверь украшали медные цифры 1621.

Я постучал трижды и крикнул:

- Алистер! Открывай!

Никакого ответа.

Я постучал громче.

- Алистер!

Дверь в соседний номер открылась, и на пороге появилась пожилая женщина в вечернем розовом атласном платье.

- Сэр, в самом деле, - властно произнесла она, - консьерж внизу может помочь вам с любой проблемой. - И с легким щелчком она закрыла дверь.

- Дай я попробую, - сказала Изабелла, нервно оглядывая коридор. - А то ещё кто-то начнёт жаловаться на шум.

Она сама постучала в дверь - несколько коротких, резких ударов.

- Алистер, это я, Изабелла. Впусти нас; мы знаем, что ты там. Мы пришли, чтобы помочь.

Ответом нам снова послужило молчание.

- Ничего не получится, - покачал я головой. - Придётся найти кого-то из персонала с ключом.

Изабелла жестом попросила меня замолчать и продолжила:

- Ты должен кое-что знать. Насчет Аллана Хартта. Мы знаем, почему ты и другие члены клуба "Беллерофонт" стали мишенью преступника.

Мы услышали тяжелые шаги за дверью.

Алистер распахнул ее и сердито на нас посмотрел.

- Как, черт возьми, вы меня нашли? И что вы знаете о клубе "Беллерофонт"?

Говорил он невнятно - небритый, воняющий спиртным, одетый в грязную, не заправленную рубашку. Он загородил дверной проем, но я всё равно протиснулся внутрь.

Изабелла вошла следом за мной, и я услышал её резкий вдох, когда она увидела саму комнату: Алистер умудрился превратить один из лучших люксов "Уолдорф-Астории" в полный свинарник.

Роскошный ковер с серо-голубым рисунком был усеян бутылками из-под виски. И хотя большинство из них были уже пусты, в одной всё же осталась выпивка, которая пролилась и оставила на ковре тёмное пятно. По меньшей мере, десять серебряных подносов, уставленных грязными тарелками с недоеденной едой, были разбросаны по всей комнате. Багаж Алистера стоял слева, всё ещё закрытый и нераспакованный. Но газеты и личные заметки валялись повсюду.

- Что происходит? - яростно прошипел я. - Ты отсиживаешься здесь, пока мы тебя повсюду ищем? Ты оставил сообщение в Колумбийском университете, что будешь на юридической конференции в Бостоне. Почему ты солгал? - Я отшвырнул пустую бутылку из-под скотча с дороги и вошел в комнату. - Почему ты нам ничего не сказал?

Он наклонился ближе, обдавая меня несвежим перегаром.

- Я никому не верю. Они пытаются меня убить.

- Ты мог довериться мне, - прошептала Изабелла. - Семья так не поступает друг с другом. По крайней мере, не должна поступать.

Ясные голубые глаза Алистера на мгновение затуманились.

- Я не хотел, чтобы ты волновалась.

- Ты только представь, насколько мы могли бы продвинуться в расследовании, если бы ты сразу с нами поговорил! - воскликнула Изабелла. - А так мы потеряли впустую несколько дней, пытаясь выяснить твоё местоположение!

- Вы могли бы избавить себя от лишних хлопот, - проворчал он. - Я не хочу, чтобы вы вмешивались. Я могу справиться с этим сам.

- Как Хьюго Джексон? - фыркнул я. - Или Ангус Портер? Или Аллан Хартт?

Алистер побледнел и упал на кровать.

- Аллан Хартт ведь не...

Я не стал юлить:

- Остался только ты. И убийца идёт по твоему следу. Если мы хотим его остановить, нам нужна твоя помощь.

- Но я ничего не знаю! - Он снова встал и принялся расхаживать взад-вперед. - Если бы знал, то не сидел бы здесь под замком.

Я убрал стопку бумаг, которые Алистер положил на пуфик, сел и заговорил с ним более спокойно:

- Алистер... Что *именно* ты здесь делаешь?

Он рухнул в кресло с высокой спинкой, стоявшее рядом со столом.

- Пытаюсь понять, почему кто-то хочет меня убить.

- Идеи есть?

Он опустил голову.

- Вообще никаких.

Я бросил на него косой взгляд.

- Тогда давай соберем воедино все, что нам известно. Я начну. - Я подробно изложил все, что узнал о Леруа Сандерсе. - Похоже, что корень этого заговора с убийством лежит в процессе Сандерса. Кто-то считает, что вы четверо ответственны за ошибочное, по мнению убийцы, обвинение.

Алистер откинулся на спинку стула.

- Я впечатлён, Зиль. Ты узнал о деле тридцатилетней давности больше, чем я мог себе представить.

- И ты мог рассказать всё это сам, а не тратить впустую моё время и подвергать свою жизнь опасности.

- Я же сказал: я не хотел вас вмешивать.

- Черт побери, Алистер! - воскликнул я. - Ты втянул меня в это дело; ты привлек меня к расследованию убийства Джексона. Ты мог бы больше доверять мне!

Я попытался усмирить свой нарастающий гнев и произнёс уже спокойнее:

- А теперь расскажи мне о музыкальных шифрах. Вы использовали их на юридическом факультете в закрытом клубе.

- Да, - вздохнул он. - Это была форма секретной связи для членов клуба. Мы его придумали… Даже не помню почему. Мы были молоды и хотели доказать, насколько мы умны, изобретая секретный язык.

- Откуда шантажист мог это узнать?

Его лицо вспыхнуло от смущения.

- Вы знаете про шантаж?

- Знаем, - кивнул я.

Он закрыл лицо руками и несколько секунд молчал.

- Понятия не имею, - разочарованно прохрипел он. - Я решил, что это его способ доказать, насколько он умен. Он хотел, чтобы мы поняли, что он знает о нас *всё*.

- Мы тоже так решили. Сколько он требовал?

- Обычно пятьсот долларов. Иногда больше. Последнее требование составляло две тысячи долларов.

Я присвистнул. Для меня это была зарплата за два с лишним года.

- Насколько часто?

- У меня - примерно два раза в год. Но Хьюго, по-видимому, получал письма гораздо чаще.

- И вы продолжали встречаться в Нью-Йорке, даже после окончания университета?

- Да. Все четверо — вы ведь уже выяснили, что Хьюго, Ангус, Аллан и я вместе работали в офисе окружного прокурора — встречались в Адвокатском клубе каждую неделю.

- Чего беспокоиться, если вы уже не в институте?

Он пожал плечами.

- Мы думали, что у нас есть ответы на все вопросы. Что мы, в отличие от всех остальных, достигли понимания мыслей преступников. Поэтому мы встречались, чтобы обсудить дела, которые рассматривали в офисах.

- И когда перестали?

- Как раз перед тем, как я покинул офис окружного прокурора. В этом больше не было никакого смысла. Кроме того, мы поссорились — и из-за этого наша дружба испортилась.

- А когда вас начали шантажировать? - вмешалась в наш разговор Изабелла.

- Пять лет назад, - ответил Алистер. - Мы четверо начали получать письма от кого-то, обозлённого из-за дела Леруа Сандерса. Автор, подписывавший каждое письмо ‘Леруа отмщён", знал об этом деле все.

- И чем он угрожал в случае отказа заплатить? - резко поинтересовалась Изабелла.

Алистер криво усмехнулся.

- А чем обычно угрожают шантажисты? Разоблачить нечто постыдное. Что-то такое, о чем мир предпочел бы не знать.

- Настоящую ошибку в деле Сандерса, - закончил я за него.

- Именно. В то время мы считали, что признавать свои ошибки публично будет унизительно. Кем бы ни был шантажист, он правильно предположил, что мы скорее заплатим, чем станем тщательно изучать наши прошлые ошибки.

После этого признания его лицо вспыхнуло от смущения, но во взгляде читалось облегчение.

- Прокуроры все время ошибаются, - покачал я головой. - Не понимаю, почему ты поддался на угрозы шантажиста.

Алистер пожал плечами.

- Хьюго только что назначили судьёй. Я только что опубликовал крупную статью. Мы хотели избежать любых неприятных толков. И не желали возвращаться в прошлое. Пусть даже то, что случилось, не было полностью нашей виной. Доказательства были налицо.

Я сделал глубокий вдох, осознавая с разочарованием, что Алистер по-прежнему не до конца честен со мной. Но решил, что не стоит пока на этом останавливаться. Не сейчас.

- Ты имеешь в виду доказательства, представленные напарником Леруа? Это ведь на основании его показаний вынесли обвинительный приговор?

- Да, но было и еще кое-что. - Щеки Алистера снова вспыхнули, и он выпрямился. - Мы все учились в Гарварде у выдающегося криминолога, который считал, что можно определить склонность человека к преступлениям. Он неоднократно проверил свои исследования, и результаты оказались поразительными. Исходя из его методологии, ни у кого не было большей склонности к преступлениям, чем у Леруа Сандерса - особенно к преступлениям, в совершении которых его обвиняли. Он разделял все общие черты и паттерны поведения других людей, совершивших подобные преступления.

- Тех, кто насиловал и убивал молодых девушек?

- Ты, как всегда, слишком прямолинеен, Зиль, - Алистер бросил на Изабеллу косой взгляд. - Но ты прав.

- А в случае с Сандерсом вы ошиблись. - Я встал, подошел к окну и раздвинул шторы. День был пасмурный, но так, по крайней мере, в комнату проникал хоть какой-то свет.

- Да, как выяснилось позже. Но тогда мы этого не знали. - Он тяжело вздохнул и провел рукой по волосам. - Мы выяснили это много лет спустя. Произошла серия убийств, жутко напоминавших дело Сандерса. Виновного поймали - и он признался, что убивал молодых девушек в течение многих лет, сначала в Нью-Йорке, а затем в своей родной Канаде. Его схватили, когда он вернулся в Нью-Йорк после пятнадцатилетнего перерыва.

- Значит, вы работали, чтобы очистить имя Леруа Сандерса.

- В этом не было смысла, - виновато опустил голову Алистер.

- Почему? - я отвернулся от окна и посмотрел ему в глаза. - Это меньшее, что вы могли сделать для невиновного человека!

- К тому времени, как мы все поняли, Сандерс был уже мертв, - хрипло произнёс Алистер. - Умер в тюрьме. Мы опоздали.

Пару минут все молчали.

Затем Алистер снова заговорил:

- Вы должны понять, что в то время мы были абсолютно убеждены в виновности Леруа Сандерса. Особенно Хьюго Джексон — а никто не проработал это дело лучше, чем он.

- И никто из вас не имел ни малейшего представления о том, кем является шантажист?

Алистер покачал головой.

- Вы нашли каких-нибудь родственников Леруа Сандерса?

- Стыдно признаться, но мы даже не искали, - смущенно произнёс Алистер.

- С этого и начнём, - заключил я и повернулся к Изабелле. - Ты проверь записи о смерти в тюрьме Оберн, а я возьмусь за вырезки из газет.

Изабелла кивнула.

- Нам нужно пристальнее взглянуть на шведа, — сказал я и объяснил, что использование им имени Леруа Сандерса — как в отеле ”Бреслин", так и в оружейном магазине Функе - прочно связывает его с убийством Ангуса Портера. - Мы даже провели баллистическую экспертизу.

Мы обговорили ещё десяток возможных теорий, но всегда возвращались к шведу и его вероятной связи с Сандерсом.

- Нам нужно идти, - наконец сказал я, обменявшись взглядом с Изабеллой.

- Только не мне. Я остаюсь здесь, - Алистер глубже уселся в кресле, вцепившись в подлокотники.

- Только если ты будешь беречь себя, - строго предупредил я. - Ты остановился в отеле мирового класса, и поверь мне — никому, кроме нас, не придет в голову искать тебя именно здесь. Я пришлю экономку, чтобы она избавилась от этого беспорядка. Я скривился от отвращения, указывая на бутылки с ликером и подносы с едой, разбросанные по всему номеру. - И больше никакого алкоголя. Тебе следует поесть и принять ванну.

Алистер собирался меня перебить, но я отмахнулся.

- Если ты сделаешь это — мы сохраним твое местонахождение в тайне. - Я тяжело вздохнул и посмотрел на Изабеллу. - Еще один вопрос. Почему ты не доверился кому-нибудь из нас?

Он посмотрел в окно на Пятую авеню и медленно движущийся по ней транспорт.

- Я уже сказал: не хотел, чтобы вы волновались.

Я подошёл к Алистеру вплотную и посмотрел ему в глаза.

- Нет. Меня интересует *истинная* причина.

Алистер отвёл взгляд.

- Тебя никогда не шантажировали, Зиль. Я не могу это описать, - его голос дрогнул. - Ты чувствуешь себя в ловушке. Совершенно беспомощным...

- Но мы могли помочь тебе с самого начала!

- Мне не нужна была ваша помощь. - Он уставился на свои ноги. - Я не смог бы вынести, если бы вы увидели меня таким. Жалким, - его голос дрогнул от отвращения.

Я кивнул. По крайней мере, теперь я понимал. Ему было стыдно не только из-за ошибки в прошлом. Он был слишком гордым, и унижение, вызванное шантажом, грозило его раздавить.

Он поднял на меня полные беспокойства глаза.

- Ты уверен, что за вами никто не следил?

- Уверен, - тихо произнёс я. - Мы заедем завтра, чтобы проверить, как ты. А пока постарайся помочь нам придумать наилучшую стратегию разрешения всей этой проблемы.

- Доброй ночи, Алистер, - прошептала Изабелла.

Алистер не ответил — но в его глазах отразилось глубочайшее раскаяние.

Разочарование, промелькнувшее на лице Изабеллы, было невыносимым, и я отвернулся.

* * *

Я проводил Изабеллу обратно к зданию "Дакоты", купив по дороге три газеты: "Таймс", "Трибьюн" и "Пост". В каждой газете были статьи о поимке Дрейсона, а также о “вдохновителях” - Паволе Хладе и Джонатане Страппе.

Я мысленно застонал, стараясь не давать Изабелле лишнего повода для беспокойства.

Казалось, этому делу суждено было плохо кончиться. И я все больше убеждался, что ни для кого из нас не будет счастливого исхода.

Ни для меня, поскольку мое расследование идет вразрез с планами комиссара.

Ни для Изабеллы, потерявшей доверие к Алистеру.

И уж точно ни для самого Алистера.

27 октября 1906 года.

Суббота.

ГЛАВА 27

Типография Грина, Гудзон-стрит.

08:00.

В субботу на рассвете Малвани позвонил и вызвал меня в город.

- Есть зацепка. Помнишь розовые листовки, которые мы нашли после взрыва в "Гробнице"?

Конечно, я помнил: они были повсюду за пределами здания, и их послание прочно засело в моей памяти. "Наши разрушительные действия избавят мир от ваших ведомственных организаций!”

- Оказывается, швед работает в типографии, до которой мы проследили эти листовки, - поделился Малвани.

- Какой именно?

- Типография Грина на Гудзон-стрит. Встретимся там через двадцать минут?

- А где сам швед?

- Я послал шесть человек на его поиски; у нас есть список мотелей, в которых он останавливался. Нам с тобой надо поговорить с владельцем типографии Грина. Он разговаривал по телефону так, словно в его лавке хранится целая сокровищница улик.

* * *

Малвани явно ошибался, потому что улик в типографии Грина практически не было.

Но Лью Грин и его сын Ричард очень хотели помочь полиции: они приняли нас с распростертыми объятиями и поделились тем, что знали о шведе.

- Его настоящее имя - Ларс Хальвер. Точнее, так он сказал, - начал владелец типографии.

Это был крупный, приветливый мужчина с легкой улыбкой под густыми усами цвета соли с перцем. Он сидел в просторном помещении с высокими потолками, вмещавшим два гигантских печатных станка.

Его сын, долговязый паренек лет семнадцати, сидел за столом, заваленным чем-то похожим на черные кирпичи, и создавал новые печатные формы.

- Ларс был хорошим работником, экспертом по работе с моим аппаратом. - Лью Грин похлопал по боковому шесту черной печатной машины. - Мы печатаем открытки и небольшие листовки и время от времени снимаем рекламу для газет, как это делает сейчас Ричи.

Я шагнул ближе и увидел, что Ричи создаёт отпечаток, который будет рекламировать "Сарсапариллу Гуда".

Судя по бумажной модели, это будет замысловатое творение, изображающее даму с зонтиком и коробкой лекарств, выходящую из аптеки. Внизу текст объявления гласил:

"Если вы страдаете от какой-либо болезни или недуга, вызванного нечистой кровью, или от диспепсии, головной боли, жалоб на почки или печень, или от чувства усталости, примите "Сарсапариллу Гуда"!

Она очищает кровь, возбуждает аппетит, а слабых делает сильными. Продается во всех аптеках".

- Подобные объявления часто встречаются в вашей работе? - спросил я.

Парнишка кивнул.

- Мы постоянно печатаем рекламу для Гуда и других аптекарей. Вырезаем вот здесь, - мальчишка показал на чёрный "кирпич", - а затем кладём вот сюда, - кивнул он на гигантскую машину.

- И никакой официальной работы для анархистов, - улыбнулся я.

Он смущенно покачал головой.

- Наверно, Ларс приходил для этого ночью. Днём мы много работаем, свободной минутки иногда даже не бывает.

- Как долго он у вас работал? - спросил Малвани, с трудом обходя комнату по периметру, опираясь на трость. Помещение было большим, но пустым, в нем были только окна, печатные станки и столы, заваленные черными формами.

- Почти два года, - ответил Лью.

- Вы знали, что он - анархист?

- Конечно, нет. Но я не задаю лишних вопросов людям, которые работают на меня, пока они справляются со своими обязанностями. Да, наверно, стоило, но... Я понятия не имел, что Ларс по ночам печатает анархистские листовки и брошюры. Я бы уволил его, если бы узнал. Тотчас.

- И вы тоже ничего не замечали? - вновь повернулся я к Ричарду.

Парень поднял глаза и покраснел.

- Нет, ничего. Но он всегда таскал с собой пузатую сумку с бумагами. Может, там он и хранил листовки, которые печатал втихаря...

- И теперь, зная о его прошлом, вам по-прежнему не приходит на ум ничего подозрительного? - уточнил Малвани.

Лью на секунду задумался.

- Ничего. Он всегда приходил вовремя, отлично справлялся со своими обязанностями и мало разговаривал. Я думал, что он просто плохо говорит по-английски, раз недавно переехал в Америку.

Я вспомнил, что в лифте отеля "Бреслин" я подумал о том же. Теперь я понял, что, возможно, ошибался.

- К нему приходили друзья? - поинтересовался Малвани, продолжая осматривать помещение.

- Только один, - ответил Лью с широкой улыбкой. - Леди — и настоящая красавица. Всегда при параде. Довольно экзотического вида. Она напомнила мне креолок, которых я видел в Новом Орлеане.

- Она напомнила вам креолок или *была* креолкой? - вскинулся Малвани.

- Она никогда не заходила внутрь, поэтому я не слышал от неё ни слова, да и разглядеть мог только через витрину. А с улицы... Ну, мне так показалось.

Я вспомнил, что продавец оружия Функе тоже упоминал о женщине. И тоже называл её "экзотической".

- Как часто она заходила в магазин? - спросил я, вновь подходя к машине, за которой работал Ларс.

Владелец типографии пожал плечами.

- Может, раза два в неделю. И всегда перед самым закрытием. - Лью пару секунд помолчал. - Я, правда, хотел бы вам помочь, но он был обычным работником, не приносившим никакого беспокойства. Поэтому я очень, очень шокирован, что он использовал мой магазин для изготовления своих мерзких листовок.

- И никаких необычных привычек? Ничего, что дало бы нам хоть малейшую зацепку? Намек на его местонахождение?

Ричи вскинул голову.

- Я вспомнил кое-что. Мне кажется, ему не очень здесь нравилось. Может, он и приехал в Америку, чтобы заработать на жизнь, но он оставался шведом до мозга костей. Он ел только шведскую еду. Читал только шведские газеты и ночевал только в шведских мотелях. Если его не будет по тому адресу, что дал вам отец, поищите в других городских ночлежках, предоставляющих места скандинавским мигрантам. Уверен, вы найдёте Ларса в одной из них.

Я на секунду задумался и решил, что в этом есть смысл. За исключением одного момента.

- Тогда почему он связался с креолкой, а не со шведкой?

Мальчишка обменялся взглядом с отцом, а затем посмотрел на меня.

- Мы с отцом тоже не раз задавались этим вопросом.

* * *

Перед тем как покинуть типографию, Малвани позвонил своему секретарю, чтобы узнать, не оставили ли для него каких-либо сообщений.

К нашему удивлению, ему сообщили, что Ларс Хальвер схвачен и ждет нас в камере предварительного заключения в полицейском управлении на Малберри-стрит.

Ричард Грин оказался прав насчёт шведа: Ларса арестовали в пансионе, которым управляла шведка по имени Анна Брундидж. Все, что нам нужно было сделать, - это опознать в нём человека, которого мы видели в отеле "Бреслин", и расспросить о недавних убийствах.

Мы были так близки к завершению этого дела — ведь вопросы, которые мы зададим Ларсу Хальверу, наверняка дадут нужные нам ответы. Мы выясним, как — и почему — он выбрал Джексона, Портера и Хартта, и каким образом это вернуло бы справедливость на сторону Леруа Сандерса.

Мы узнаем, почему Сандерс так важен для дела анархистов. И, может быть, найденные нами ответы удовлетворят комиссара Бингема.

Но это было бы слишком просто...

* * *

Первый намек на неприятности появился, когда мы прибыли в большой холл на Малберри-стрит и услышали из коридора раскатистый бас, разразившийся серией ругательств. Я узнал голос Билла Ходжеса - правой руки комиссара.

Мы с Малвани обменялись встревоженными взглядами.

- Посмотри, что происходит, - попросил он, тяжело опираясь на трость. Ещё пару дней назад он бы первый полетел узнавать, что случилось, но сломанная нога вносила свои коррективы.

Я вышел в коридор и увидел обезумевшего от ярости Ходжеса.

- Я не могу в это поверить! Что за некомпетентные ослы управляют нашими тюрьмами? Он был важен, очень важен...

- Мы знаем, сэр. - Мужчина в черном костюме взял его за руку. - Не беспокойтесь, генерал Бингем остался доволен. Как он выразился, "от мертвецов

хоть проблем нет". Теперь не будет ни суда, ни защиты. Мы сами сможем написать историю, которую захотим преподнести прессе и всей общественности.

Ходжес, немного успокоившись, пробормотал что-то невнятное, и они завернули за угол, направившись к лестнице.

- Зиль! - окликнул меня Малвани.

Я просунул голову в первую дверь слева от нас, где сидел молодой человек и нервно затягивался сигаретой.

- Мы с капитаном Малвани пришли допросить Хальвера - мужчину, которого совсем недавно арестовали.

Молодой человек закашлялся.

- Так вам ещё никто не сказал? Он мёртв.

- Кто? Хальвер?! - я из последних сил надеялся, что неправильно его понял.

Юноша печально кивнул.

- Но отчего?! Его ведь только что задержали! Его ранили при аресте?

- Нет. - Молодой человек затушил сигарету в пепельнице. - Поэтому-то все и на нервах. Кто-то умудрился всадить ему нож в живот прямо в камере.

Я недоверчиво уставился на парнишку.

- Где?

- Внизу, в подвале. Около получаса назад.

Я вернулся к Малвани, помог ему пройти по коридору и войти в лифт, и дежурный отвез нас в подвал, где толпились люди в синем.

В центре толпы стоял комиссар Бингем и глядел на скрюченного человека, лежащего в луже крови.

- Зиль. Малвани. Это тот самый швед, которого вы видели на месте убийства Ангуса Портера?

Остальные мужчины расступились и дали нам подойти поближе. Приблизившись, я сразу узнал белокурые волосы и высокие скулы человека из лифта.

- Это он, - кивнул я. - Что произошло?

- Это один из нас? - понизив голос, добавил Малвани.

- Что вы имеете в виду? - нахмурился комиссар.

- А кто ещё мог подобраться к этому задержанному, кроме полицейского? - пожал плечами капитан. - Неужели очередной анархист?

Комиссар проигнорировал вопрос, но ухватился за пришедшую ему в голову мысль.

- Именно так мы всё и представим, парни. Лидер анархистов, самый ненавистный человек в городе, встретил заслуженный конец. И неважно, что его мамочка считает его ангелочком.

- А если репортёры спросят, как он погиб? - поинтересовался один из офицеров.

Губы генерала Бингема скривились в самодовольной ухмылке.

- Отвлеките их. Если мы дадим им то, что они хотят; если мы дадим им сенсацию, они никогда не станут задавать лишних вопросов. И давайте уже покончим с этим делом!

У меня в голове проносились десятки вопросов. Был ли Ларс Хальвер истинным злым гением или стал простым козлом отпущения? Он ли шантажировал людей и посылал письма, из-за которых погибли профессор Хартт и двое судей? Даст ли нам какие-либо зацепки обыск его комнаты в пансионе Анны Брундидж?

Малвани выразил уверенность, что там будут найдены все необходимые улики, и он лично возьмет на себя руководство поисками.

Я в последний раз взглянул на безжизненное окровавленное тело Ларса Хальвера.

Неужели с этим делом покончено?

Или всё же нет?..

ГЛАВА 28

"Гробница".

10:00.

Я тем временем вернулся в "Гробницу".

Я был в долгу перед миссис Страпп, которая оставила мне несколько сообщений с просьбой проведать Джонатана. К тому же, я считал, что Джонатан обладает ответами, которые я искал относительно роли Ларса Хальвера в анархистском заговоре.

Но в первую очередь, я хотел сделать это ради себя. Все вокруг пытались создать идеальную историю, которая удовлетворит и начальство, и политиков, и простых жителей Нью-Йорка. Но мне не нужна была выдумка в красивой обёртке. Мне нужна была правда.

Камера Джонатана находилась в конце коридора на втором этаже. Он был изолирован от остальных заключённых, и соседние камеры пустовали.

Его единственной компанией был молчаливый, угрюмый охранник, призванный следить за тем, чтобы Джонатан не сбежал и не причинил новых неприятностей.

Я махнул ему рукой, показывая, что хочу поговорить с Джонатаном наедине. Стражник поднялся со стула и потянулся.

- Пора сделать перекур. Зовите, если нужна будет помощь, - кивнул он.

Я пробормотал "спасибо", схватил металлический стул, поставил его напротив камеры Джонатана и стал ждать.

Он сидел в ногах кровати, уставившись в стену своей пустой камеры. Света было мало. А из-за того, что Джонатана считали причастным к взрыву, унесшему жизни двух сотрудников департамента, ему даже отказали в обычной любезности - в умывальнике и ведре. В тюремной робе на три размера больше его самого он выглядел маленьким и хрупким.

Прошло несколько долгих минут, прежде чем он, наконец, заговорил:

- Что тебе нужно?

- Ответы.

Он тяжело вздохнул, но не повернулся.

- Ты всегда хотел знать *всё*. Как будто это бы что-то решило. Но это не так.

- Для кого-то, может, и не так, но не для меня. Джонатан, тебя обвинят в заговоре с целью убийства.

Долгое молчание, а затем:

- Я знаю.

- И это правда? Ты помогал планировать взрыв?

- Личная ответственность больше не имеет значения, - устало произнёс он, наконец, поворачиваясь. - В понимании общественности, если это сделал один из нас - значит, сделали все. Мы все сообщники.

- Это важно *для меня*.

Он впервые посмотрел мне в глаз, окидывая взглядом разноцветные синяки.

- Выглядишь ужасно.

- Да и ты не лучше, - не остался я в долгу. Охранники не слишком бережно вели Джонатана в камеру, и сейчас у него была рассечена левая скула.

- Я знаю, о чём ты думаешь; но не я отдавал приказ. - Это прозвучало почти как извинение.

- Я смогу помочь тебе, если ты поможешь мне. Всё, что нужно - это информация.

Джонатан усмехнулся.

- Не обещай того, чего не сможешь дать. Комиссар собирается преподать урок всем на нашем примере. О каком снисхождении может идти речь?

- Я знаю о его политических играх, - тихо произнёс я. - Но я не единственный, кому нужна *правда*, а не красивая картинка. У меня есть связи в газетах и среди юристов; я смогу обеспечить тебе самую лучшую защиту.

- Сомневаюсь, что это поможет, - скривился Джонатан.

Пару минут он молчал, а потом, наконец, произнёс:

- Что ты хочешь знать?

Я наклонился, чтобы лучше его видеть, и опёрся локтями о колени.

- Что ты знаешь о Ларсе Хальвере?

- А, наш швед, - лицо Джонатана просветлело. - Один из самых надёжных членов нашей организации. Занимался, помимо всего прочего, информационными листовками и буклетами. На Ларса всегда можно было положиться.

- О листовках мы знаем, - кивнул я и понизил голос: - Это ему поручили убить судей?

Джонатан побледнел.

- Я об этом ничего не знаю.

- У нас есть улики, которые это подтверждают. И я собственными глазами видел его в отеле, где убили судью Портера.

- Послушай, - начал Джонатан, и на лбу у него выступили капельки пота, - Эл Дрейсон, Павол и остальные частенько что-то планировали. У них постоянно были задумки на то или иное дело — и я не собираюсь лгать и говорить, что не

участвовал в некоторых из них. Я знал о первоначальном плане Дрейсона, и знал, что Дрейсона собираются вызволять из тюрьмы. Видит Бог, я ненавижу политиков, и они получили по заслугам, - добавил он с горечью в голосе. - Но об убийстве судей я ничего не знал.

- Расскажи мне о женщине, которую видели с Ларсом Хальвером. Судя по описанию, она "экзотической внешности", возможно, креолка. Ты её знаешь?

- Конечно. Ещё один наш истинный соратник. Она нравилась Паволу, и он частенько давал ей различные задания.

- Её имя?

- Настоящее? Понятия не имею.

- Серьёзно? - нахмурился я. - Ты только что сказал, что она часто выполняла работу для одного из главарей вашей организации.

- Иногда некоторые наши единомышленники не раскрывали своих истинных имён, на случай, если их поймают. Всем есть, что терять. Эту девушку звали Эллисон, а настоящее это имя или нет - я не знаю.

- Что ты можешь о ней рассказать?

- Мы впервые встретились, когда она пришла на встречу с Китайской Розой. Некоторое время они работали вместе над феминистскими проблемами, и обе были близки с Элом Дрейсоном, Паволом и другими высшими чинами.

- Ты лично с ней когда-нибудь работал?

- Нет. Павол использовал женщин для одних задач, а мужчин - для других.

- Но кто-то же помогал Ларсу...

- Это ты сказал, не я, - перебил меня Джонатан. - Лично мне она никогда ни с чем не помогала. Я видел её лишь на собраниях.

- Где мне её найти?

- Наверно, стоит посетить наше следующее собрание, - задумчиво произнёс он. - Если вы, конечно, к тому времени её не схватите.

- И где она живёт, ты не знаешь, так?

- И никогда не знал. Возможно, Павол в курсе.

Устав сидеть, я встал и шагнул ближе к камере Джонатана, прижимаясь к холодным железным прутьям.

- И ещё кое-что. Это дело связано с шантажом. Полагаю, ты об этом ничего не знаешь?

Джонатан покачал головой.

- Я не хотел бы злоупотреблять твоей преданностью, - тихо произнёс я, - но если бы мне было нужно нащупать денежный след, с чего стоило бы начать?

Джонатан бросил на меня настороженный взгляд.

- Что ты имеешь в виду?

Я снова подумал о том, что сказал Малвани в начале расследования: за грабежи посадили больше анархистов, чем за взрывы бомб.

- Что бы ни думали жители Нью-Йорка о вашей группе, факт остается фактом: вы - организация. Структура, - сказал я. - Вы занимаетесь определённой деятельностью - легальной или нет, - но вся она требует денежных инвестиций.

- Ты спрашиваешь, где мы храним гроссбухи?

Я кивнул.

- Я не могу сказать, - покачал головой Джонатан. - Мне за это снесут голову. Павол повесит на меня всё, что сделала наша организация за последние несколько месяцев. Даже если мне удастся избежать электрического стула, он сделает всё, чтобы я никогда не увидел солнечного света.

- Думаешь, если ты мне этого не скажешь, то он станет тебя защищать?

- Станет, - упрямо вздёрнул подбородок Джонатан. - Я видел от него только хорошее.

- То-то он собирал против тебя все улики, - саркастично протянул я.

Джонатан поднялся и подошёл ко мне.

- Что ты имеешь в виду?

- Ну конечно, ты не знал. Павол Хлад дал показания против Дрейсона, тебя и многих остальных в обмен на снятие обвинений и иммунитет. Сегодня утром его отпустили.

- Ты блефуешь, - он схватился за прутья решётки; уверен, что он схватил бы меня за грудки, если бы смог дотянуться.

- Я не блефую, Джонатан. Если хочешь, могу позвать охранника, и он расскажет тебе то же самое.

Парень поник.

- Если я узнаю, что ты мне солгал...

- Где вы храните гроссбухи? - повторил я. - Мне не нужны сами деньги; только финансовые отчёты, отражающие приход и расход.

- Если я тебе расскажу...

- То я смогу помочь тебе с защитой.

Джонатан вздохнул и повернулся ко мне спиной. Дойдя до противоположной стены камеры, он ударил по каменной кладке кулаком.

Я ждал.

Наконец, он нехотя произнёс:

- Всё хранится у Китайской Розы, в ресторане её родителей. И гроссбухи, и наличные. Но она не станет тебе помогать; придётся вламываться силой.

- Ты шутишь?

- Тебе нужны гроссбухи или нет? - прорычал он. - В подвале ты увидишь стену, заваленную мешками с рисом. Один из мешков будет выглядеть более пустым по сравнению с другими; в нём и находятся наши отчёты и сами деньги. И еще кое-что...

- Что?

- Если то, что ты рассказал мне о Паволе Хладе, правда, то тебе лучше поторопиться, потому что он наверняка сбежит, как только выйдет, что бы ему ни обещали. А эти гроссбухи — не говоря уже о самих деньгах — будут первыми, за чем он отправиться.

- Ясно.

Прежде чем уйти, я бросил на него последний взгляд. Печаль, которую я испытывал, была почти невыносимой; я бы многое сделал, чтобы избавить его от предстоящего наказания.

- Ты поможешь? - прошептал он; вся напускная бравада слетела с него, как шелуха.

- Я же пообещал.

- Из-за того, что я тебе сейчас рассказал? - его голос дрогнул.

- Нет, - покачал я головой. - Из-за твоей дочери.

"И из-за Ханны", - мысленно добавил я.

* * *

Лучше было бы дождаться ночи, но я решил не затягивать. Я не мог рисковать: вдруг Павол Хлад доберется до нужной мне информации раньше?

Почти наступил полдень. Это была идеальная возможность: в ресторане все будут заняты наплывом посетителей в обеденный перерыв.

На улицах, как всегда, было многолюдно. Я шёл за человеком, несущим на голове огромную корзину с рыбой, полагая, что это хоть как-то скроет мое присутствие.

Когда он завернул за угол Мотт-стрит, я нырнул в соседний переулок. Проскользнув мимо мусорных контейнеров и деревянных ящиков, я нашел следующий переулок, ведущий к задней части большинства зданий на улице.

Я внимательно отсчитал пятое здание от края.

Никакого черного хода в подвал. Так как мне пройти туда незамеченным, если единственный вход - центральный?

Я вернулся на главную улицу и задумался. Что ж, ничего не поделаешь, придётся идти через главные двери. Если я буду действовать уверенно, никто не станет меня останавливать.

Высоко подняв голову, уверенно подошел к двери, распахнул ее и спустился по лестнице в сырое помещение под "Красным фонарем". Никто не закричал на меня и не преследовал; тут мне повезло.

Мешки с рисом стояли именно там, где описал Джонатан. Я по очереди ударял здоровой рукой по каждому из них, пока один из мешков не оказался пустым.

Я потянулся к нему и замер, услышав крик.

Голос был мужским, гортанным, говорящим по-китайски. Я спрятался в тени, чтобы никто не смог меня разглядеть сверху с лестницы. Но если кто-то решит спуститься в подвал, у меня не будет никакого шанса спрятаться.

Сверху снова раздался крик - на этот раз женский.

Затем металлические двери с лязгом захлопнулись, и все погрузилось во тьму. Только бы они их не заперли…

Когда мои глаза привыкли к почти полной темноте, я направился к мешкам с рисом. Я скорее почувствовал, чем увидел сдувшийся мешок - и полез внутрь. Сначала я наткнулся на пачку банкнот, но отложил их в сторону. Потом скажу Малвани, чтобы он послал пару офицеров за анархистскими вкладами. Всё своё внимание я сосредоточил на бухгалтерской книге, которая лежала на дне мешка.

Я схватил гроссбух, засунул его в карман пальто, положил мешок обратно на полку и на ощупь вернулся к лестнице, которая должна была снова вывести меня на улицу.

Но только я протянул руку к двери, как она распахнулась.

Ослеплённый ярким светом, я едва смог разглядеть багровое от злости лицо Мей Лин.

- Что вы здесь делаете?!

- Свернул не туда, - ответил я без намёка на юмор.

- Остальные узнают, - прищурилась она. - Вы будете в опасности.

- Вы угрожаете детективу и полицейскому? - приподнял я брови.

- Я отвечаю за то, что находится здесь, в подвале. Вы не можете их забрать, иначе обвинят меня и мою семью. - Она скрестила руки на груди, преграждая мне путь.

- Мне нужен только гроссбух, - спокойно произнёс я. - Деньги я не трогал. Можете проверить.

Девушка начала спускаться по лестнице, вынуждая меня отступить.

Оказавшись на нижней ступеньке, она бросилась к мешку с рисом, раскрыла его и принялась пересчитывать банкноты и монеты.

Я остался стоять ближе к дверям, из которых падал свет, и открыл гроссбух, просматривая список пожертвований. Большинство из них приходили от самих членов организации и были незначительными: от одного до десяти центов. Более крупные пожертвования в долларах были сделаны организациями, в том числе от Объединённого профсоюза рабочих. Интересно, насколько часто доля от профсоюзных взносов направлялась в анархистскую казну, учитывая их тесную связь?

Я продолжил искать признаки шантажа. Алистер говорил, что письма обычно приходили с запросом от пятисот до двух тысяч долларов.

Таких огромных сумм не было, но от серии записей - каждая по сто долларов - у меня перехватило дыхание.

Они жертвовались через регулярные промежутки времени, и самый последний был на прошлой неделе. В графе "благотворитель" значилось: "Миссия "Белая роза"".

- Я посчитала, всё на месте, - произнесла Китайская Роза, по-прежнему глядя на меня с подозрением. - Думаю, вы сказали правду. Забирайте гроссбух, но, прошу вас, никогда больше здесь не появляйтесь. - Я впервые за наш разговор заметил в её глазах проблеск страха.

Она наблюдала, как я вскарабкался по лестнице и влился в толпу на тротуаре, прикрыв гроссбух рукавом пальто.

Что же такое "Миссия "Белая роза"?

Я поспешил на Канал-стрит, где, как я знал, находилась телефонная станция. Я попрошу дежурного проверить справочник и выяснить, где находится эта организация. А потом позвоню Изабелле.

Я почти добрался до Канал-стрит, когда мельком увидел высокого, худощавого мужчину с темно-русыми волосами и черной повязкой на глазу.

Павол Хлад.

Я был прав, что не стал рисковать и дожидаться темноты: Павол собирался бежать, и ему нужны были деньги.

Интересно, он захочет вернуть гроссбух или нет?

Хотя теперь это уже не имело значения. Я нырнул в переулок позади ряда мусорных контейнеров, ожидая, пока он пройдет мимо, и медленно досчитал до тридцати.

А затем выскочил обратно на улицу и продолжил путь, не останавливаясь до самой телефонной станции.

Там я сверкнул значком и приказал удивлённой работнице:

- Пожалуйста, соедините меня с Миссией "Белая Роза". Срочно.

ГЛАВА 29

Миссия "Белая Роза", 86-ая улица.

13:00.

К тому времени, как я добрался до Миссии "Белая роза" на Восемьдесят шестой улице и прочитал медную табличку на выкрашенной черной краской двери, начался холодный промозглый дождь.

МИССИС ВИКТОРИЯ ЭРЛ МЭТЬЮЗ. ОСНОВАТЕЛЬ.

Едва я постучал в дверь, как перед зданием остановился извозчик. Из-под большого черного зонта появилась фигура, расплатилась с шофером и бросилась вверх по лестнице ко мне.

Изабелла. Я позвонил ей, как только закончил разговор по телефону с дамой из Миссии "Белая роза".

- Не могу поверить, что ты добрался сюда первым с Канал-стрит, - пробормотала Изабелла. - Мне ведь нужно было только пересечь Центральный парк, но найти такси под дождем оказалось хлопотным делом.

- Миссис Мэтьюз вас ожидает, - произнесла открывшая нам дверь девушка. - Она в своем кабинете, я покажу вам дорогу.

- Благодарю, - кивнул я, протягивая ей пальто и зонтики.

Убрав их, она повела нас по пустому коридору, устланному зеленым ковром. Стены были увешаны крючками, на которых висели женские пальто. Мы прошли мимо библиотеки, где перед горящим камином сидели и читали, по меньшей мере, дюжина молодых леди африканского происхождения.

По телефону Миссис Мэтьюз - основательница и директриса миссии - описала её как нечто среднее между домом и школой.

Теперь я понимал, почему: здесь было гораздо удобнее, чем в обычном учебном заведении, и неудивительно, что большинство девушек называли его домом.

Нас провели в большой кабинет в дальней части холла, где дневной свет проникал через окна от пола до потолка, а многочисленные книжные шкафы были заполнены томами в кожаных переплетах.

Когда мы вошли, красивая, со вкусом одетая женщина в кремово-персиковом шелковом платье подняла на нас глаза.

- Детектив Зиль. Миссис Синклер. - Миссис Виктория Эрл Мэтьюз поднялась поприветствовать нас. - Вы быстро добрались. Присаживайтесь. - Она указала на

два кресла с кожаными подушками, стоявшие напротив ее стола. Её доброе лицо нахмурилось от беспокойства.

- Вы хотели меня видеть, потому что у вас появились вопросы о наших финансах? - Она поправила очки в проволочной оправе, сползшие ей на нос.

- Именно. Как я уже упоминал ранее, ваша организация неоднократно фигурировала в списке благотворителей крупной анархистской организации. Вы регулярно перечисляли им по сто долларов, но утверждаете, что ничего об этом не знаете?

Она решительно встретилась со мной взглядом.

- Абсолютно. Я лично контролирую финансы миссии "Белая роза". И уверяю вас, ни цента из наших средств не пошло на анархистские дела.

- Тогда, возможно, вы поможете нам выяснить, почему кто-то внес вас в список жертвователей, - сказала Изабелла. - Возможно, кто-то из ваших сотрудников сделал пожертвования от имени миссии?

Миссис Мэтьюз задумчиво подперла подбородок рукой.

- Возможно, - наконец произнесла она. - Что вы знаете о нашей работе?

- Не много, - ответил я. - Я никогда не слышал о вашей организации, пока ее название не появилось в списке пожертвований, который я только что упомянул.

Миссис Мэтьюз кивнула.

- Я так и думала. Видите ли, детектив Зиль, таких домов для девочек-мигрантов, как мой, существует несколько. Уверена, вы о них слышали.

- О некоторых слышал.

Существовал целый ряд благотворительных организаций, помогавших молодым женщинам, недавно прибывшим в город. Некоторые из них были ориентированы на ирландцев, другие - на немцев, а многие были связаны с церквями сразу всех конфессий.

Их цель была проста: помочь этим женщинам получить приличную работу и защитить их от недобросовестных мужчин, которые воспользовались бы ими и заманили бы в ловушку на сомнительной занятости.

- Я изначально брала их в пример — но моей главной заботой всегда были девушки моей расы, которые уже находились здесь. Многие рождаются в нищете и приезжают в этот великий город в поисках лучшей жизни. Неужели они должны жить без защиты? Без образования? Без руководства и обучения, как жить достойно? Я уверена, что мы должны дать им шанс - и именно этим я и занимаюсь.

- Девушки живут здесь или только обучаются? - поинтересовалась Изабелла.

- И то, и другое, - с гордостью ответила миссис Мэтьюз. - По сути, мы являемся учебным заведением. Мы предлагаем занятия по вышиванию и пошиву одежды, кулинарии и питанию, гигиене и другим навыкам. Я также слежу за тем,

чтобы девочки учились читать — и читали достойный материал. Нет лучшего образования, чем по книгам. И я лично веду занятия по расовой литературе, потому что хочу, чтобы они гордились тем, кто они есть.

Много лет спустя я слышал, как миссис Мэтьюз называли "великой читательницей и мыслительницей, одной из самых начитанных женщин в стране", и вспоминал этот разговор.

Но даже сейчас она произвела на меня впечатление женщины огромной энергии и интеллекта. И я поверил ей, когда она заявила, что не делала пожертвований анархистам от имени миссии.

- Сколько девушек находится здесь в данный момент? - спросил я.

- Пятьдесят. Мы переехали сюда из нашего первоначального, меньшего по площади здания на Девяносто седьмой улице, чтобы суметь помочь еще большему количеству девушек.

Я кивнул.

- Значит, они живут здесь и учатся. А что потом?

- Мы помогаем им найти подходящую работу — но только после того, как они закончат свое образование. Большего я им дать не могу. То, что они здесь узнают, уже никто не сможет у них отнять.

- Кто-нибудь из них проявлял анархистские наклонности?

- Нет, - твёрдо ответила миссис Мэтьюз. - Зачем им это? Насколько я понимаю, анархия рождается из недовольства. Но мои девочки здесь чувствуют себя комфортно; мои девочки счастливы.

Конечно, меня интересовало происхождение названия миссии. Тот факт, что рядом с тремя жертвами убийства, которое я расследую, осталась одна белая роза, не мог оказаться простым совпадением. Но Изабелла меня опередила:

- Почему вы решили назвать свою миссию в честь белой розы?

- Белая роза - символ чистоты и невинности, - пояснила миссис Мэтьюз. - Цель нашей миссии - сохранить эти качества в девочках как можно дольше. Юным леди, которые проходят через миссию "Белая Роза", повезло. На какое-то время они избавлены от проблем реального мира. И все же они неизбежно столкнутся с пороками и опасностями жизни молодой африканки в этом городе.

- И как долго вы уже помогаете девушкам? - поинтересовался я.

- С 1897 года.

Мои надежды разбились. Если она обучала девочек в течение почти десяти лет, то за это время через неё прошло слишком много девушек. *Слишком много.*

Я попытался ещё раз:

- Возможно, вы помните одну девушку... Она связалась с анархистами после того, как выпустилась от вас. Она встречалась со шведом, хотя, вероятно, она ещё

не была с ним знакомы в то время, как здесь училась. Если она вообще здесь когда-то училась... - В моём голосе звучало полнейшее отчаяние. Но это был шанс связать "женщину экзотической внешности", которую видели со шведом, и миссию "Белая роза".

Мы знали, что она является ярой анархисткой, а, следовательно, могла делать пожертвования от имени миссии и оставлять на местах преступлений одинокую розу.

Миссис Мэтьюз покачала головой.

- Я не разрешаю своим девочкам принимать джентльменов, пока они находятся со мной. Они не должны отвлекаться, пока не устроят свою жизнь. Так что, если девушка, о которой вы говорите, была одной из моих воспитанниц, то уверена, что она связалась с этим мужчиной уже после выпуска.

- Тогда, полагаю, у нас нет выбора: придётся сосредоточиться на вашем списке учеников, - произнёс я, обменявшись разочарованными взглядами с Изабеллой. - Мы сверим имена ваших учениц со списком известных анархистов.

- Отлично. Все записи хранятся здесь, - она махнула рукой в сторону четырёх картотечных шкафов. - Я, конечно, попрошу своего ассистента мне помочь, но, тем не менее, мне потребуется время, чтобы составить список.

Я понимал, что она права: на изучение всех личных дел нужно много часов - однако их у нас как раз и не было, учитывая желание комиссара поскорее наказать виновных.

Миссис Мэтьюз начала вытаскивать папки из ближайшего шкафа и переносить их на свой стол.

- Я закончу список к завтрашнему утру.

- Благодарю вас. Мы вернёмся к восьми, - кивнул я, поднимаясь.

* * *

Я без труда поймал извозчика, направлявшегося к Восемьдесят шестой улице. Вскоре мы с Изабеллой уже ехали на юг по Пятой авеню к полицейскому участку.

- Что дальше? - поинтересовалась Изабелла.

- Честно говоря, без понятия, - сказал я, потирая лоб. - Полагаю, мы можем проверить, есть ли среди заключённых анархист, обладающий информацией о миссии "Белая роза". Предложение смягчить наказание может побудить кого-то заговорить, - вздохнул я. - Но комиссар и другие высшие чины считают, что дело уже закрыто...

- А значит, ты вряд ли можешь рассчитывать на их помощь, - закончила за меня Изабелла.

Несколько кварталов мы проехали в полном молчании.

- А вдруг они правы? - наконец спросила она. - Может быть, это был швед. Возможно, человек, которого мы ищем, умер сегодня утром в штаб-квартире на Малберри-стрит?

- Возможно. Но если это так, я хочу быть полностью уверен.

Извозчик натянул поводья, едва не столкнувшись с автомобилем впереди нас.

Когда мы остановились, миновав ряд известняковых таунхаусов, я увидел, как открылась служебная дверь и из здания вышла горничная в накрахмаленной черно-белой униформе.

Я резко выпрямился и повернулся к Изабелле.

- Как думаешь, куда устраиваются работать большинство воспитанниц миссии "Белая роза"?

Изабелла нахмурилась.

- Наиболее образованные могут получить работу в больнице или школе, или даже в качестве компаньонки.

- А что насчёт прислуги?

- Возможно. А что?

А высунулся из окна и крикнул извозчику:

- Поворачивайте! Едем обратно на Восемьдесят шестую!

- Что случилось, Саймон? - взволнованно произнесла Изабелла. - Почему мы возвращаемся?

Мы возвращались, потому что теперь я знал, с чего миссис Мэтьюз следует начать поиски. Из-за списка пожертвований я был занят поисками связи с анархистами - и поэтому не задал правильных вопросов.

- У меня есть идея, - ответил я с растущим возбуждением. - А что, если миссия "Белая роза" устроила девушку на службу в дом одной из наших жертв? Это может быть зацепкой, которую мы так долго ждали.

- В качестве горничной или компаньонки? - Она удивленно подняла брови. - Но я думала, мы ищем мужчину.

- Я тоже сначала так думал. Но горничная... - продолжил я. - Кто еще мог так много знать об этих людях? Кто ещё в их домах имел беспрепятственный доступ ко всему, что касалось погибших: их привычкам, их бумагам, их телефонным разговорам, даже их личной жизни?

- Кто-то внутри самого дома..., - кивнула Изабелла, - задумчиво глядя на меня.

Через несколько минут мы уже были в доме миссии на Восемьдесят шестой улице, миновали молодую горничную, которая снова открыла дверь, и направились в кабинет миссис Мэтьюз.

Она сидела за столом, окруженная папками, и удивленно подняла на нас глаза.

- Детектив? Вы что-то забыли?

Я опёрся ладонями о стол.

- Сколько девушек становятся служанками после обучения у вас?

- Довольно много, - ответила миссис Мэтьюз.

- Вы можете прямо сейчас кое-что проверить? Я назову четыре имени, а вы мне скажете, устраивали ли вы в эти дома какую-нибудь из своих воспитанниц.

- Конечно, - кивнула дама, берясь за карандаш. - Если у вас есть конкретные имена, я посмотрю в списках нанимателей.

Изабелла кашлянула.

- Начните с судьи Хьюго Джексона.

Я повернулся к ней.

- Почему с него?

- Просто проверьте. Возможно, это ерунда..., - Изабелла закусила губу.

У меня вдоль позвоночника пробежал холодок.

- О чём ты?

- Вот досье на дом Джексонов, - сказала миссис Мэтьюз, возвращаясь к нам с небольшой стопкой бумаг. - Нетти Харрис работала на судью Джексона с 1897 по 1901 год, а затем вышла замуж за Сэмюэла Тейлора и переехала на ферму в Олбани.

- Кто ещё? - побледнела Изабелла.

- Следующей была Сара Барнс. Она работает у них, кажется, уже восемь лет, перешла от горничной к кухарке. - Миссис Мэтьюз отложила папку на стол.

Я просмотрел ее досье. Она действительно все еще работала на миссис Джексон и, несомненно, была допрошена на прошлой неделе. Но на фотографии в папке была изображена пухленькая девушка с простыми чертами лица.

Я не хотел с ходу исключать ее из подозреваемых, но она не подходила под описание женщины, которую видели с Ларсом Хальвером.

Миссис Мэтьюз открыла следующую папку.

- Мари Фландерс. Присоединилась к семейству Джексонов в 1901 году.

Она протянула нам папку, и я узнал горничную, с которой познакомился в ночь убийства судьи. Ту самую женщину, которую я позже видел в "Бомонде".

- Её зовут "Мэри", а не "Мари", - выдавил я. - И она совсем не похожа на африканку.

- Если вы заглянете в ее личное дело, - сказала миссис Мэтьюз, - то увидите, что она смешанной расы. Это не редкость, особенно у наших девушек с юга.

Рабство оставило свой след во многих отношениях. - Она поджала губы. - К сожалению, таких девушек, как она, довольно легко встретить. Как и я, они довольно часто могут сойти за европейцев. Особенно южно-европейские. Это не всегда идет им на пользу...

"Женщина с экзотической внешностью", - как описал её оружейник Функе и семейство Гринов из типографии. А я же помнил только строгую форму горничной, но не мог воссоздать в памяти её лицо.

- Саймон! - Изабелла сжала мою руку, словно тисками. Она стала похожа на привидение, словно вот-вот упадёт в обморок. - Мэри может знать, где находится Алистер. Видишь ли, я сказала миссис Меллоун, что Алистер в "Уолдорфе", чтобы она не волновалась. Но она была неосторожна: сегодня утром я подслушала, как она делилась этой информацией с кем-то из резиденции Джексона. Кто-то хотел отправить Алистеру личные бумаги судьи. - Изабелла с трудом сглотнула. - Я ничего не сказала, потому что считала, что не будет вреда...

- Если сказать ей отправить всё Алистеру в "Уолдорф", - закончил я за нее.

Изабелла молча кивнула.

В тот момент я понял, что нельзя терять ни секунды.

- Нам пора, - прохрипел я и потянул Изабеллу к выходу.

- И спасибо за помощь, - крикнул я миссис Мэтьюз, которая осталась стоять у своего стола в полной растерянности, не понимая, что пару секунд назад произошло нечто очень важное.

Выбежав на улицу, мы поймали ещё одного извозчика.

- В "Уолдорф-Асторию“, - приказал я, - как можно скорее.

Возница щелкнул кнутом высоко над головой лошади. Изабелла сидела рядом со мной, напряженно сжимая пальцы на коленях.

А я молился, чтобы мы не опоздали; как ради неё, так и ради самого Алистера.

ГЛАВА 30

Отель "Уолдорф-Астория", Пятая Авеню.

15:00.

Мы выскочили из такси в вестибюль "Астории" и бросились прямо к лифту, миновав ошеломленных коридорных, консьержей и постояльцев отеля.

- Сэр, в самом деле! - запротестовал один из них, когда мы промчались мимо элегантной столовой "Палм-корт".

Я не стал извиняться, а продолжил бежать вместе с Изабеллой. Наконец, мы втиснулись в тесный лифт рядом с двумя дамами в пышных платьях.

- Шестнадцатый этаж. Срочно!

Обе дамы откровенно вытаращили глаза, но лифтер, не сказав ни слова, включил лифт и отправил нас на самый верх здания первыми.

Когда двери лифта открылись, я не стал дожидаться Изабеллу. Я пробежал по коридору по толстому ковру, заглушавшему звук моих шагов, добрался до номера 1621 и резко постучал в дверь.

- Алистер! Открой!

Я прижал ухо к двери и услышал приглушенные звуки.

- Алистер!

Мне показалось, что я услышал что-то похожее на стон. Прислонившись плечом к двери, я толкнул ее.

Ничего не получилось. Заперто.

- Ты можешь её выломать? - Изабелла прижала руки к груди.

Я ещё раз толкнул дверь.

В конце коридора открылся служебный лифт, и грузный мужчина в накрахмаленном белом костюме вкатил в холл тележку для обслуживания номеров.

- Вы можете нам помочь? - крикнул я. - Нам нужно попасть в эту комнату. Это очень важно!

Он на мгновение заколебался, но что-то в выражении лица Изабеллы заставило его передумать.

- У меня есть ключи, - произнёс он. - Давайте, открою.

Он вытащил мастер-ключ, вставил в замочную скважину и повернул.

Дверь не открылась.

- Странно, - нахмурился он. - Мастер-ключ всегда срабатывает. Возможно, что-то вставили в замок с обратно стороны. - Он наклонился и заглянул в замочную скважину.

Я вытащил набор отмычек, выбрал одну и вставил ее в замок. Нащупал защелку, подцепил её - и ничего.

- Замок чем-то заблокирован, - пробормотал я.

- Тогда придётся его сломать, - пожал плечами мужчина. Он схватил свою тележку для обслуживания номеров, перенёс серебряное блюдо на пол и покатил тележку, пока она не оказалась перед номером 1621. - Толкаем на счет "три". Раз, два ... три!

Мы ударили в дверь изо всех сил.

- Кажется, поддаётся, - заметил наш нежданный помощник. - Ещё раз! Раз, два... три!

На этот раз дверь чуть приоткрылась, и мы толкнули ее до конца.

Я услышал крик Изабеллы ещё до того, как успел окинуть взглядом открывшуюся картину.

Алистер сидел в кожаном кресле посреди комнаты, связанный по рукам и ногам толстой белой веревкой. Во рту вместо кляпа у него был длинный красный шелковый шарф - достаточно искусно завязанный, чтобы Алистер мог издавать только приглушенные звуки, хотя по его перекошенному лицу я понял, что он изо всех сил старается кричать.

А над ним, приставив пистолет к виску мужчины, стояла Мэри Фландерс - женщина, в которой я узнал горничную миссис Джексон.

- Сделаете ещё хоть шаг, и я выстрелю, - не дрогнувшим голосом предупредила она.

- Изабелла, оставайся в коридоре! - крикнул я и вздохнул с облегчением, когда она сделала шаг назад.

- Какого черта вы делаете, мадам? - Служащий, помогавший нам, был зол и собирался ворваться в комнату к женщине с пистолетом.

Я положил руку ему на плечо.

- Я со всем разберусь, - удалось мне прохрипеть. - Приведите помощь. И заберите отсюда Изабеллу.

Какое-то мгновение он смотрел так, словно не собирался отступать, но затем, когда Мэри направила на него пистолет, заколебался.

- Не стоит этого делать, - произнёс я, делая шаг в комнату. Я заметил одинокую белую розу, лежащую посреди кровати. - Развяжите его. Отпустите его.

- Этого никогда не случится, - прищурилась она.

- Это единственное, что нужно сделать, если вы хотите, чтобы всё закончилось хорошо, - я сделал ещё один шаг.

- Даже не надейтесь на счастливый конец. Ещё один шаг - и я выстрелю.

Я повернулся к стоящему слева креслу.

- Могу я присесть? - я пытался выглядеть расслабленным, чтобы и она сама успокоилась.

Женщина кивнула.

- Руки положите на стол, чтобы я их видела.

- Конечно, - кивнул я.

Я смотрел на нее так, словно видел в первый раз — хотя, по правде говоря, так оно и было.

У нее был привлекательный смуглый цвет кожи, и я заметил, что черты ее лица, в зависимости от платья и обстоятельств, выдавали в ней либо очень светлокожую африканку, либо смуглую европейку. Раньше я этого не замечал.

Офицеры допрашивали ее после убийства судьи Джексона; я читал их отчет. Но в ее ответах не было ничего подозрительного, и за неё ручалась сама миссис Джексон.

Она смотрела на меня серьезными, умными карими глазами, полными не только ненависти, но и решимости.

- Достаньте кляп. Ему трудно дышать, - попросил я, обеспокоенно глядя на Алистера.

Женщина резко, гортанно рассмеялась.

- Зачем? У него было столько возможностей начать говорить, но он этого не сделал!

- И что именно он должен был сказать? - спокойно поинтересовался я.

Пистолет в вытянутой руке слегка дрогнул.

- Я хотела, чтобы он признал, что был неправ. Что он и его друзья совершили глупость. И что из-за этого пострадала моя семья.

- Вы имеете в виду Леруа Сандерса?

Губы женщины скривились в усмешке.

- А вы хорошо подготовились, но держу пари, вы и половины не знаете. В конце концов, он провел большую часть последних тридцати лет, скрывая правду. - Она ткнула пистолетом в голову Алистера, и тот поморщился.

Я смог её отвлечь.

- Так расскажите мне всё, - попросил я. Если она будет продолжать говорить, то не станет стрелять. И чем больше она будет говорить, тем больше времени я

смогу выиграть до прибытия помощи. Или пока не придумаю, как ее обезоружить.

- Расскажите мне о белой розе, - попросил я ещё раз. - Мне кажется, вы оставили её как знак; вы хотели, чтобы мы вас поймали. Потому что, если бы кто-то из нас связал это с миссией "Белая Роза", мы могли бы выйти на миссис Мэтьюз и найти вас гораздо раньше.

Думаю, так сказал бы и Алистер, ибо он был абсолютно уверен, что поведение преступника на месте преступления всегда раскрывает нечто важное о его мотиве.

- Не говорите глупостей, - возразила она. - Это было послание им. Моим жертвам. На похоронах отца были белые розы. Они заставляют меня думать о смерти, - ее глаза остекленели. - Они также напоминают мне о миссии "Белая роза", которая разрушила мою жизнь. Я оказалась там из-за этих людей и из-за того, что они сделали с моим отцом.

- Я лично разговаривал с миссис Мэтьюз. Мне показалось, что она желает своим воспитанницам только добра.

Мэри тихо выругалась и холодно произнесла:

- Многие клянутся, что хотят, как лучше. Но правда у каждого своя.

Она прошла в другой конец комнаты и выглянула за дверь. Успокоившись, что там пусто, она снова повернулась ко мне.

- Миссия "Белая роза" - это просто другой вид рабства. Девушек обучают, но для чего? Что быть слугами, трудиться и скрести полы без приличного жалованья? Быть оскорбленными мужчинами дома, которые думают, что ты здесь для того, чтобы их развлекать? Как дешёвая шлюха? - взвизгнула она. - Миссия "Белая роза" разрушила мою жизнь, когда меня послали на первое место работы. Я хотела доставить им неприятности.

- Ваше первое место работы - это дом Джексонов?

- Нет, Джексоны были вторыми. Я умоляла миссис Мэтьюз об этой должности, а после того, то со мной произошло, она готова была дать мне, что угодно. Вот я и получила великолепную возможность отомстить за смерть отца и за страдания своей семьи.

- Вы не могли совершить всё это в одиночку, - сказал я, стараясь говорить тихо и спокойно. - Все три жертвы были крупными мужчинами, убитыми тремя разными способами. Мы знаем, что вам помогал Ларс. Он купил пистолет, и он был в "Бреслине".

На мгновение её лицо смягчилось.

- Да, Ларс был очень милым и полезным. Жаль, что его тоже пришлось убить.

- Но ведь его ударили ножом в тюремной камере? - вскинул я брови.

Женщина мило улыбнулась.

- Никто никогда не задает вопросов уборщице. Люди, которым было поручено защищать его, даже не обратили на меня внимания.

Они действительно подозревали одного из своих. Да и, если честно, их мало заботила смерть анархиста, виновного в страданиях кучи людей.

- Вы - одинокая женщина, - покачал я головой. - Никогда не поверю, что у вас хватило сил — и знаний — убить троих взрослых мужчин без посторонней помощи.

- Разве я сказала, что у меня не было помощников? - раздражённо произнесла она. - Я лишь сказала, что убила этих людей *лично*.

- Вот как..., - задумчиво произнёс я, подталкивая её к продолжению.

- Именно! Я начала с шантажа, и он сработал даже лучше, чем я ожидала. - На мгновение в её глазах промелькнуло удивление. - Они были в ужасе, когда я послала свое первое требование - не только потому, что я знала о Леруа Сандерсе, но и потому, что я знала *о них*. Я воспользовалась их старой привычкой использовать музыкальные шифры для передачи сообщений.

- А как вы вообще узнали об этом шифре?

Мэри самодовольно улыбнулась.

- Я просматривала старые бумаги судьи. Я искала доказательства, понимаете? И когда я нашла его старые письма и учебники... Мне дали довольно приличное музыкальное образование, чтобы понять их код.

- Так если это была личная месть, то зачем было привлекать Ларса и анархистов?

- Они были мне нужны, - просто ответила она. - Я присоединилась к их делу, потому что разделяла их общую цель: они хотели улучшить условия труда для таких людей, как я. Но вскоре я обнаружила, что могу найти им лучшее применение. Они предложили мне обучение, необходимое для осуществления моей мести. Они научили меня делать бомбы, пользоваться пистолетом и ножом. - Она кивнула. - Да, даже такая женщина, как я, способна овладеть необходимыми навыками. Все дело в технике и уверенности, а не в силе. А когда мне понадобилась небольшая помощь - главным образом, чтобы меня не узнали, — мне дали Ларса. Все они верили, что я работаю ради ИХ дела, а не ради собственных целей. И это было прекрасно.

- Вы отдавали им часть денег, полученных от шантажа, сказав, что они из миссии "Белая роза", - произнёс я.

- Именно, - самодовольно произнесла он. - Я внесла пожертвования, тем самым убедив их, что я – «истинный единомышленник». И они стали помогать мне, не задавая ни единого вопроса.

Очевидно, эти отношения принесли пользу обеим сторонам.

- Судья Джексон и этот человек, — она ткнула пальцем в Алистера, — вместе с двумя другими виновны и должны понести заслуженно наказание.

Алистер задёргался в путах и замычал.

- Что они сделали? - поинтересовался я. - Вы сказали, что именно из-за них оказались в миссии “Белая роза"...

- Этого бы не произошло, если бы я росла с матерью и отцом. Девушкам с семьями не обязательно приезжать в этот город в поисках работы, когда им исполняется восемнадцать. Они не заканчивают жизнь в миссионерских домах, обучаясь рабскому труду на благо богачей, - сказала она. - Эти люди подбросили улики, которые отправили моего отца в Обернскую тюрьму на всю жизнь. Они разрушили его жизнь! - прошипела она. - А это, в свою очередь, разрушило мою жизнь и жизнь моей матери. После того, как он уехал в Оберн, у нас не было будущего. Никакого!

Она подняла руки и вытянула их вперёд.

- Моя семья была музыкальной. Мама учила меня петь и играть на пианино. Я мечтала о будущем пианистки ещё до того, как рабский труд превратил мои пальцы в жалкие обломки. Этот мир, наполненный капиталистическим злом и жадностью, уничтожает нас всех.

- Вы упомянули, что они подбросили улики...

Мэри склонила голову на бок.

- Держу пари, ваш друг вам этого не говорил, не так ли? Вот как им удалось засадить моего невиновного отца за решётку.

- А что, если они не знали, что улики неверны? Что, если это просто ошибка? - Я осознал, что задаю вопросы не только ради Мэри Сандерс, но ради самого себя.

- Не было никаких ошибок, - холодно ответила она. - Вы забываете: я получила доступ к личному делу судьи Джексона. Я знаю, что они сделали. Вот почему ваш друг умрет с кляпом во рту. Потому что в тот момент у него была возможность что-то сказать, но он предпочел этого не делать.

- Он все еще может очистить имя вашего отца.

Она снова гортанно рассмеялась.

- Слишком поздно. И для моего отца, и для меня, - она пересекла комнату. - Но теперь самое время. - Она взвела курок.

- Помощь будет здесь с минуты на минуту. Не добавляйте к преступлениям, которые вы уже совершили, ещё одно, - взмолился я.

- Не волнуйтесь, - решительно покачала она головой, - живой вы меня не возьмёте. Я отказываюсь разделять судьбу своего отца.

Она подняла пистолет и направила его на меня. Я упал на пол, едва избежав пули, которую она выпустила в мою сторону.

Я поднял голову как раз вовремя, чтобы увидеть, как она нацелила "браунинг" в сердце Алистера и нажала на спусковой крючок.

- Нет! - закричал я.

Пуля попала прямо в цель. Тело Алистера дернулось от удара и обмякло.

Ничего не соображая, я с трудом поднялся на ноги.

Мэри уже стояла у окна. Она потянулась к щеколде и открыла её.

Я бросился через всю комнату, решив остановить ее. Она заплатит за то, что сделала с Алистером.

Но когда я протянул руку, чтобы схватить её, она заговорила. И ее слова были настолько ошеломляющими, что на долю секунды я замер - и этого как раз хватило, чтобы дать ей уйти.

- Скажите Джонатану, чтобы он позаботился о нашей дочери, - прошептала она.

И не колеблясь ни секунды, она шагнула в открытое окно прямиком в ночь.

ГЛАВА 31

15:30.

Я стащил обмякшее тело Алистера со стула на кровать и разрезал веревки, которыми он был связан. Затем сорвал его галстук, отшвырнув в сторону, потому что мне нужно было остановить кровь.

Однако крови не было... Но ведь я видел, как пуля попала прямо в грудь!

Я нащупал пульс — на удивление, чёткий и ровный. Я похлопал Алистера по лицу: сначала по правой щеке, потом по левой. Он пошевелился и тихо застонал. Он все еще был жив.

- Алистер! - Я ощупал его грудь в поисках раны. - Алистер, ты меня слышишь?

Он с трудом открыл глаза и прохрипел:

- Как же чертовски больно...

- Где? - Я расстегнул его рубашку, чтобы обнажить грудь, но на полпути замер и присвистнул.

Под накрахмаленной белой рубашкой я увидел медную пулю именно там, где она остановилась.

И то, что помешало ей войти в грудь Алистера, было самым красивым тканым шелковым жилетом, который я когда-либо видел. Золотые нити перемежались с ярко-синими и ярко-красными в мерцающем, переливающемся узоре.

Я молча уставился на Алистера.

- Помоги мне сесть, - попросил он. - У меня такое чувство, будто я только что проиграл боксерский поединок с грозой Филадельфии Джеком О'Брайеном.

- Но ты жив, - прошептал я.

Алистер закашлялся и скривился от боли, которое причинило это движение.

- Я жив благодаря Казимежу Жеглену - да святиться имя его! - и восьмистам долларам, которые оказались моим лучшим вложением.

- Жеглену? - это имя показалось мне знакомым.

- Это польский священник, который обнаружил, что может ткать шелк таким образом, чтобы получился бронежилет. Я читал статью о его изобретении в "Бруклин Игл". Он много лет экспериментировал со стальной стружкой и мхом, но ничего не получалось, пока он не научился правильно ткать шелк.

Я знал, что такая технология существует; фактически, пуленепробиваемые жилеты в той или иной форме существовали с начала 1800-х годов. Но они были слишком дорогими для обычного детектива.

- Он такой тонкий, - я удивлённо ощупал материал.

- И всего три миллиметра толщиной. Он буквально ловит пулю и передаёт её кинетическую энергию телу, - Алистер снова закашлялся. - Неудивительно, что по мне будто катком проехали.

- И ты его купил...

- После убийства Ангуса. Я... хм, волновался.

Я кивнул.

- У меня к тебе много вопросов. Но они могут подождать.

Потому что в дверях стояла Изабелла - и я видел, как выражение ужаса на ее лице сменилось огромным облегчением, когда она поняла, что Алистер невредим.

Когда комната наполнилась полицейскими, я выскользнул, пообещав встретиться с Синклерами позже.

А на асфальте Тридцать четвёртой улицы в луже крови до сих пор лежал изломанный под чудовищными углами труп Мэри Сандерс. Несколько полицейских попытались заслонить это зрелище от перепуганных прохожих, а несколько предприимчивых журналистов уже пытались добраться до горяченького.

Алистер всегда говорил, что прирожденных преступников не бывает. Они всегда созданы, порождены обстоятельствами и окружающей средой.

Я не мог придумать лучшего примера, чем Мэри Сандерс. Ведь если она сказала правду, то Алистер и трое его сообщников посеяли семена, которые превратили молодую женщину в измученную душу, жаждущую мести.

* * *

В центре города, в штаб-квартире на Малберри-стрит, комиссар поглаживал усы, не веря своим ушам.

- Значит, вы хотите сказать, что дама по имени Мэри Сандерс виновна в убийстве двух судей и профессора Барнард-колледжа, не говоря уже о покушении на убийство Алистера Синклера? Она, а не анархисты?

- Она лично совершила каждое убийство, - кивнул я, - но при помощи анархистов. Они обучали ее и оказывали ей поддержку, потому что верили, что она старается для достижения целей их организации. Но она жаждала личной мести.

- И использовала шведа?

- Да, она манипулировала им. Она сказала ему, что ей нужна его помощь, чтобы уничтожить врагов-капиталистов.

Комиссар что-то буркнул себе под нос.

Я продолжал рассказывать ему все, не исключая никаких подробностей о том, как я все обнаружил, и подчеркивая, что многие из анархистов, запертых в тюрьме, не играли никакой роли в произошедшем.

- В частности, Джонатан Страпп, - заметил я, - не принимал никакого участия ни в убийствах, ни в самом взрыве.

- Неважно, - отмахнулся генерал. - Наконец-то мы отвоевали этот город и нашли достаточно улик, чтобы убрать всех тех, кто хотел его уничтожить. Как поступил бы Страпп, - взглянул начальник на меня, - будь у него хоть малейший шанс. Видите ли, я не собираюсь разбираться в деталях личной ответственности. В моём понимании, виновны все.

- Но наша система правосудия основана на личной виновности, - возразил я. - Неправильно, когда кто-то платит за то, чего не делал.

- Не делал?! - Комиссар хлопнул ладонью по столу. - Он сговорился уничтожить этот город и всех трудолюбивых граждан, которые делают его великим. Он и его "товарищи" делали это на каждом собрании, которое посетили; каждым словом, которое произносили; каждым долларом, который они отдавали своему делу. - Бингем наклонился ко мне и яростно прошептал: - Я уже придумал историю, которая будет интересна и присяжным, и судьям, и прессе с общественностью. Дрейсон и главари анархистов падут. На их совести достаточно преступлений, и я не чувствую никакой вины. - Он снова откинулся на спинку кресла. - Мэри Сандерс и швед мертвы. Мы свалим всю вину на них как на рабочих пчелок, которые выполняли приказы начальства. Но главари тоже заплатят. Они предстанут перед судом за убийство охранников при взрыве "Гробницы", а также за заказ убийства двух судей и профессора колледжа. И больше, - произнёс он, сверля меня взглядом, - я не хочу ничего слышать.

* * *

И я больше не сказал комиссару ни слова. Но я многое поведал Фрэнку Райли, который пришел, чтобы встретиться со мной в маленькой забегаловке в Чайна-тауне, где мы разговаривали в полном уединении.

- Что ты об этом думаешь? - спросил я, наконец, когда закончил рассказывать.

Он покрутил палочками в полупустой миске с лапшой.

- История интересная, но я не уверен, что мне позволят её напечатать, - он сделал долгую паузу. - Я даже не уверен, что сам хочу её печатать. Если я это сделаю, на свободу могут выйти люди, которые этого не заслуживают.

- Из-за того, что они думают не так, как мы? - хмыкнул я. - Так за это в нашей стране не упекают за решётку. Важно то, что они делают, а не то, о чём думают.

- Ты, правда, считаешь, что это разные вещи? - Он бросил на меня тяжелый взгляд. - Возьми, к примеру, своего друга Джонатана Страппа. Я понимаю,

почему ты хочешь ему помочь. Но подумай хорошенько, прежде чем отвечать на мой вопрос. Ты действительно веришь, что он порядочный человек, который просто оказался не в том месте? Или чувство вины мешает тебе судить рационально?

Я надолго задумался.

- Не знаю. Но если мы не дадим шанса таким, как он, тогда что же мы за люди?

Фрэнк с усмешкой протянул мне счёт:

- Ладно, Зиль. Посмотрим, что я смогу сделать.

* * *

Полчаса спустя я пытался объяснить это Джонатану.

- Приятного мало, - произнёс я. - Будет суд. Но главный криминальный репортёр "Таймс" позаботится, чтобы люди услышали твою версию истории.

Джонатан покачал головой.

- Что теперь будет с моей дочерью? - прошептал он. - Мэри была мимолетной знакомой, и я знал, что она не хочет быть матерью. Это поставило бы под угрозу ее средства к существованию, которые она защищала любой ценой, скрывая свою беременность.

- Твои родители будут заботиться о ней, сколько смогут, - ответил я. - И, если честно, мне приходит на ум ещё один вариант...

- Какой ещё вариант? - мрачно пробормотал Джонатан.

- Алистер Синклер, - улыбнулся я. - Он выдающийся криминолог и исследователь — и у него также есть связи с некоторыми из самых влиятельных людей в юридической системе этого города.

- И с чего он станет мне помогать? Таких, как он, не заботят такие, как я.

- Лично - конечно, нет. Но ему будет интересна твоя история. Твои мотивы. Тебе просто нужно с ним поговорить.

Джонатан ошеломлённо покачал головой.

- Просто поговорить?

- Именно, - кивнул я. - Я не стал рассказывать Джонатану, что Алистер загорелся новой идеей: превратить историю Страппа в новаторское исследование о формировании личности анархиста - о том, как связаны преступное мышление и терроризм. Оставлю все объяснения Алистеру.

Я поднялся.

- Он поможет тебе добиться как можно более легкого приговора. От тебя потребуется только уделить ему время: поговори с ним и расскажи ему все, что он хочет знать.

Ответы на вопросы - больше Алистер ничего от него не потребует.

И именно это я планирую потребовать от Алистера сам в ближайшие дни.

2 ноября 1906 года.

Пятница.

ГЛАВА 32

Здание «Дакота», 72-ая улица, дом 1.

17:00.

Мой разрыв с Алистером оказался серьезным, и пропасть между нами становилась все шире с каждым днем. Ни усилия Изабеллы, ни время, которое мы провели вместе, помогая Джонатану планировать защиту, не помогли решить эту проблему.

Но нужно отдать Алистеру должное: он помогал Джонатану, чем только мог. Он нанял самого лучшего адвоката и оплатил его из своего кармана.

Как я и подозревал, он нашёл Джонатана весьма увлекательным субъектом.

Алистер стал одержим идеей выяснить, почему этот прилежный молодой человек отказался от своей страсти к науке в пользу анархистского насилия. Он понимал гнев Джонатана после катастрофы "Генерала Слокама" и то, как легко лидеры анархистов манипулировали им, чтобы убедить Джонатана присоединиться к их делу. Но это не вполне объясняло, ПОЧЕМУ Джонатан так поступил.

- В конце концов, - сказал мне Алистер, - катастрофа на "Слокаме" была величайшей трагедией, когда-либо обрушившейся в нашем городе. Тысяча жертв, и каждая оставила после себя скорбящую, разгневанную семью. Однако другие не бросились к анархистам и не поверили в их разговоры о насилии и динамите. А Джонатан поверил. Вот я и задаюсь вопросом: почему? Почему он воспринял анархистские идеи, а другие - нет?

Алистер был уверен, что ответ на этот вопрос не только послужит основой для статьи, отмеченной наградами, но и произведет революцию в том, как система правосудия справляется с террористами такого типа, давно известными русским и французам.

- Террористы, - настаивал он, - это уникальный вид преступников, которого наша существующая правовая система до сего момента не предусматривала.

Он излагал свои мысли на этот счет, когда мы вместе шли домой с поминальной службы Ангуса Портера свежим ноябрьским вечером.

Мы дошли до входа в здание "Дакоты", обменялись прощальными рукопожатиями и уже собирались разойтись, но Алистер задержался на ступенях.

- Скоро зима, - произнёс он. - Воздух сегодня морозный.

Я сделал глубокий вдох, чувствуя, как холод обжигает лёгкие изнутри.

- Не хочешь подняться и пропустить по стаканчику виски? Мне подарили чудесную бутылочку "Glenmorangie".

На секунду я заколебался, но согласился.

Мы молча поднимались на лифте, пока Алистер болтал с дежурным о нью-йоркских "Гигантах" и их перспективах на весенний сезон с новым игроком Кристи Мэтьюсоном. Никогда не знал, что Алистер интересовался бейсболом.

С другой стороны, о "Гигантах" не говорил только ленивый с тех пор, как в прошлом году они выиграли Мировую серию. К тому же, я ещё очень многое не знал об Алистере.

* * *

Вскоре мы устроились в библиотеке Алистера; перед нами ревел огонь, а за окном простиралась унылая панорама Центрального парка. Всё было как в старые добрые времена. Почти. Воспоминание о чем-то потерянном придавало этому вечеру горьковато-сладкий оттенок.

Я, наконец, заговорил:

- Меня мучает вопрос: Мэри Сандерс была права?

- В чем? - спросил он, наполняя свой стакан. - Я уже говорил тебе, что мы совершили ошибку. Ее отец действительно был невиновен в убийстве юной Салли Адамс, хотя я узнал об этом только тогда, когда он уже оказался в могиле.

Я наклонился к очагу, грея руки перед огнем.

- Когда Мэри угрожала тебе пистолетом, она заявила, что вы вчетвером сговорились против ее отца. Она сказала, что вы подбросили улики.

Алистер молча сделал глоток.

- Я спрашиваю тебя прямо: она говорила правду?!

Он бросил на меня усталый взгляд.

- Ты считаешь, существует простой ответ?

Я удивлённо приподнял брови.

- Конечно! Вы либо подделали улики, либо нет. Третьего не дано.

Алистер молчал, поэтому я продолжил:

- Я склонен согласиться с Мэри Сандерс, потому что из того, что я узнал о суде над Леруа, именно показания — последние показания — Гарри Блотски убедили присяжных признать его виновным.

- Я знаю, как это выглядит, - отрезал Алистер, понюхал свой стакан виски, покрутил его, но пить не стал. - Я не горжусь тем, как мы справились с делом

Сандерса. Мы могли справиться лучше. Мне хотелось бы думать, что я бы так и сделал, если бы мы были более опытны в юридической практике. Но обстоятельства гораздо сложнее, чем ты можешь себе представить.

Я сделал глоток виски, наслаждаясь тем, как обжигающая жидкость потекла по горлу, и пристально посмотрел на Алистера.

- Вечер долгий, и других планов у меня на сегодня нет.

Он вздохнул, поднялся с кресла и подбросил в огонь еще одно полено. То начало потрескивать, выплевывая языки пламени высоко в дымоход.

Наконец, он вернулся на свое место и заговорил, словно решив окончательно покончить со всем:

- Как бы я ни сожалел о своих неудачах в отношении Леруа Сандерса, я могу сказать, что его дело изменило мою жизнь — по крайней мере, профессиональную её часть. Видишь ли, именно из-за него я впервые заинтересовался, а после стал одержим идеей преступного мышления.

Но я не хотел слушать о трактатах, которые не имели никакого отношения к происходящему.

- Начни с самого начала. Расскажи, как ты основал клуб "Беллерофонт".

- Это было так давно, - губы Алистера изогнулись в печальной улыбке. Тени, отбрасываемые свечами, подчеркивали его седеющие волосы и испещрённый морщинами лоб, и я вдруг подумал, насколько старым и уставшим он выглядит.

Алистер, словно прочитав мои мысли, продолжил:

- Мы были невероятно молоды — не очень зрелые и, без сомнения, слишком самодовольные. Мы были полны знаний и считали, что знаем то, чего не знает никто другой. Вот почему мы создали "Беллерофонт". Такие клубы были популярны на выпускных курсах, и мы считали, что подобным образом сможем оставить память в веках.

- Но почему "Беллерофонт"? Я и раньше хотел спросить, но забыл.

Алистер пожал плечами.

- Это придумал я, позаимствовал из греческой мифологии. Беллерофонт был убийцей чудовищ; в том числе, и Химеры - возможно, величайшего чудовища из всех. Это название символизировало то, какими мы видели самих себя: мы собирались убивать криминальных монстров нашего общества и сажать их за решётку.

- На тебя не похоже, - покачал я головой.

- В то время я был другим. Ошибки, допущенные в деле Сандерса, меня изменили.

Он помолчал, собираясь с мыслями. Когда он снова заговорил, я почти видел его таким, каким он был тридцать лет назад.

- Наверное, мы не хотели взрослеть и бросать школу. Даже после того, как мы закончили Гарвард и устроились на работу в окружную прокуратуру, мы решили продолжать встречаться в адвокатском клубе. Мы говорили о делах, над которыми работали, и жаловались на начальство. Все мы ставили перед собой невыполнимые цели. Мы знали, что каждое судебное дело создает прецедент на будущее, поэтому думали, что сможем кардинально изменить нашу устаревшую правовую систему. Но всё это - глупые мечты, ибо кто мы такие в сравнении со всеми докторами права, жившими до нас?

Он снова замолчал, и его взгляд упал на программу поминальной службы с похорон Хьюго Джексона, прошедшую всего два дня назад.

- Расскажи мне о Сандерсе. - Я даже боялся дышать, чтобы не сбить Алистера с мысли.

- Леруа Сандерс предоставил нам прекрасную возможность продемонстрировать то, чему мы научились. Он был, в буквальном смысле, чудовищем, которое мы победим с помощью закона - нашего единственного оружия. Сандерс был худшим из вообразимых преступником: он жестоко убил ребенка. Маленькую девочку.

- Продолжай, - кивнул я, наклоняясь ближе.

- Дело было поручено Хьюго, который почти сразу же разочаровался в ограниченности закона. Склонность Сандерса к преступлениям была очевидна. Из бесед с его семьей и друзьями мы установили, что он давно проявлял неестественный интерес к молодым девушкам.

- Насколько "давно"? - уточнил я. - Это довольно расплывчатое понятие.

Алистер мрачно посмотрел на меня.

- Мы считали, что он убивал и раньше. Мы также знали, что он и раньше насиловал. Я сам разговаривал с жертвой.

- Но это невозможно! Его бы судили и заставили отвечать за прежние преступления!

Но Алистер медленно покачал головой.

- Девушка, которую, как мы полагали, он убил прежде, считалась беглянкой. У нее были непростые отношения с семьей, и полиция не склонна была рассматривать ее исчезновение как нечто из ряда вон выходящее. А девушка, которую он изнасиловал, была из бедной иммигрантской семьи; они не были готовы добиваться справедливости через суд.

- Вы могли бы поднять этот вопрос на суде. Это могло бы помочь!

- Думаешь, мы не пытались? - печально рассмеялся Алистер. - Судья не допустил.

- Тогда, при вынесении приговора.

- Но для того, чтобы вынести приговор, сначала нужно было добиться обвинения. - Алистер сложил руки. - Его вина в убийстве Салли Адамс была бесспорной, но косвенной. Веских доказательств не хватало. И Хьюго забеспокоился. - Алистер потянулся за программой поминальной службы Хьюго и уставился на нее; затем вытащил из кармана программу Ангуса и положил их рядом.

- Хьюго и Ангусу даже не пришлось стараться, - сказал он. - Присяжные всегда не против посадить таких людей, как Леруа Сандерс. Я заподозрил, *что* Хьюго сделал с помощью Ангуса, как только из ниоткуда появился напарник Леруа, готовый дать показания. Показания мистера Блотски были слишком идеальны. И присяжные поверили ему, - он глубоко вздохнул. - Судья приговорил Сандерса к пожизненному заключению в Оберне, а остальное ты знаешь.

- Не совсем, - ответил я, придвигаясь на краешек стула. - Ты хочешь сказать, что Хьюго Джексон сфабриковал показания мистера Блотски?

- Если уж совсем точно, - хмуро произнёс Алистер, - то Хьюго и Ангус заплатили Гарри Блотски, чтобы тот дал "правильные" показания.

- И когда ты об этом узнал?

- Наверняка? - приподнял он бровь. - Не так давно.

- Но всё это время ты подозревал - и ничего не сделал?

Алистер кивнул.

- Мы с Алланом Харттом вдвоём подозревали, и даже поспорили с Хьюго из-за этого.

Я выпрямил спину, заметив высокомерие Алистера.

- Вы поссорились с Хьюго не потому, что были с ним не согласны, - возразил я. - Вы с ним поссорились из-за уязвлённой гордости: ты был "архитектором" этого дела, а он с тобой даже не посоветовался!

- Хьюго работал топорно. Именно поэтому, спустя столько времени, Мэри Сандерс смогла выяснить правду. Если бы он поговорил со мной, мы могли бы спланировать всё гораздо лучше! - Даже сейчас Алистер злился, что его мнение никто не спросил.

Я уставился на него, не веря своим ушам.

- Так ты расстроен не тем, что в тюрьму попал невиновный, а тем, что вы не спрятали концы в воду?!

- Он не был невиновным! - Алистер хлопнул ладонью по столу.

Затем он взял себя в руки и произнёс уже тише:

- Ты должен понять, Зиль. Ты бы сделал то же самое, будь у тебя такая возможность. Он изнасиловал и убил ребёнка. Маленькую девочку. Как мы могли не воспользоваться шансом убрать с улиц этого ужасного монстра?

- Если не считать того, что он был невиновен, - хмыкнул я.

- В этом конкретном преступлении - да. Но не в остальных. - Алистер провел языком по губам. - Во рту пересохло.

Не говоря ни слова, я встал, подошел к графину, который всегда стоял над стойкой бара, и налил стакан. Алистер сделал несколько жадных глотков.

- Откуда ты можешь знать наверняка, *что* он совершил?

- Потому что я поверил предыдущим свидетелям, - сказал он. - Позже выяснилось, что убийство Адамс совершил другой человек. Через несколько лет после того, как Сандерса отправили в Обернскую тюрьму, произошло аналогичное убийство. За ним последовал еще один эпизод, потом - еще. Вот тогда я и понял: Хьюго с Ангусом переборщили с делом Адамс, и мы все ошиблись.

- Но вы не сделали ничего, чтобы очистить имя Сандерса? - я вопросительно посмотрел на Алистера.

- К тому времени Сандерс был уже мертв. К тому же, я искренне верю, что он не был невиновным человеком. Его руки были в крови, просто не в крови девочки Адамсов.

- Я тоже защищаю улицы этого города, как защищал и ты, - мрачно произнёс я. - Но не тогда, когда это означает осуждение человека за то, чего он не совершал.

- Иногда закон нас подводит. - Алистер осушил бокал. - Но и мы поступили с Сандерсом неправильно. Моя неудача заставила меня задуматься: что мы могли изменить? Сделать по-другому? Пусть Леруа Сандерс имел преступные наклонности, но неужели этого нельзя было исправить? Излечить? И я стал заниматься этим вопросом - но уже не с Сандерсом, потому что было слишком поздно, а с другими, оказавшимися в подобных обстоятельствах.

Вот как родился исследовательский интерес Алистера к формированию сознания преступника. Из-за неуместной вины и ошибочных суждений.

- Что сказали Хьюго и остальные, когда стало ясно, что вы совершили с Сандерсом серьезную ошибку? Они явно потребовали, чтобы ты молчал.

- Они, как и я, верили, что цель оправдывает средства, - сказал Алистер, бросив на меня холодный взгляд. - Иногда экстраординарные ситуации требуют экстраординарных решений. Леруа Сандерс убил бы снова, будь у него такая возможность. Кто-то должен был положить этому конец.

Я печально глянул на Алистера.

- Закон никогда не сможет оправдать подобный образ мыслей.

- Именно поэтому я стал проводить свои исследования вне рамок закона, - сказал он. - Для своих целей я действую за его пределами.

- Цель оправдывает средства, - повторил я его слова.

Алистер пожал плечами.

- А ты разве так не считал, когда вломился в мой кабинет с обыском?

Я вспомнил о том, как Алистер справился с делом Майкла Фромли в нашем первом совместном деле…

Или о Джонатане, который объяснял мне, почему связался с анархистами...

Или о комиссаре, чьи действия ставили безопасность своего города и его населения превыше всего…

Или о себе. Потому что Алистер был прав: когда ставки были достаточно высоки, я не раз убеждал себя перейти этическую черту.

* * *

Я хотел спросить еще многое, но в дверь постучали, и вошла, извиняясь, миссис Меллоун.

- Мне очень жаль, профессор, но этот человек ворвался в квартиру, я не смогла его остановить. Почему его внизу не остановили? - пожаловалась она.

Мимо неё протиснулся высокий блондин с чёрной повязкой на глазу и направился к нам.

- Кто вы такой и что, чёрт побери, себе позволяете? - поднялся с кресла Алистер.

Мужчина лишь улыбнулся.

- Не возражаете, если я присяду? Детектив Зиль объяснит, кто я такой.

- Это Павол Хлад, - тихо произнёс я. - Зачем вы здесь?

Он вытащил из черной сумки, висевшей у него на плече, конверт и сел между нами на стул. Затем окинул взглядом библиотеку, рассматривая чужеземные артефакты и обширную панораму.

- Милое местечко. Ладно, не будем тратить время на любезности. У меня есть кое-что для вас, профессор.

Он протянул Алистеру коричневый конверт.

- Что это? - спросил Алистер хриплым от гнева голосом.

- Откройте, - Хлад скрестил руки на груди.

Алистер разорвал конверт и уставился на лежавший внутри лист бумаги.

- Надеюсь, вы оцените мои старания, - ухмыльнулся Хлад.

Алистер нахмурился.

- Мэри Сандерс была истинным единомышленником, - сказал Хлад. - И хотя ее преданность делу была скомпрометирована личными мотивами, она была преданным работником.

- Вы знали..., - пробормотал я.

Павол улыбнулся так, что я понял: он знает все.

- Что на самом деле может знать такой мелкий человек, как я?

- Объяснитесь! - потребовал Алистер.

- Все очень просто. Я сделал несколько интересных открытий и хочу, чтобы вы поблагодарили меня за этот факт.

У меня вдоль позвоночника пробежал холодок.

- Благодарность может принимать разные формы, - произнёс Алистер. - Чего вы хотите?

Губы Павола скривились в усмешке.

- Штат Нью-Йорк предоставил мне иммунитет в обмен на мои ценные показания, - сказал он. - После этого меня, скорее всего, депортируют. Но я не собираюсь уезжать.

В этот момент я осознал, что мы понятия не имели, какую *на самом деле* роль играл Павол Хлад.

Эл Дрейсон. Джонатан Страпп. Мэри Сандерс. Прихвостень Саввас.

Все они были отдельными действующими лицами, связанными с анархистским движением. Но каждым из них управлял Хлад — виртуальный кукловод, стоящий за всем. И его слова это подтверждали.

- Я считаю своим долгом знать, чем занимаются сотрудники моей организации. Мэри, возможно, думала, что использует меня, - усмехнулся Павол Хлад, - но лучшие лидеры - это те, кто может использовать цели своих последователей для достижения своих собственных. В этом отношении Мэри была блестящей находкой. Она поставила в тупик полицию и помогла скрыть наш план относительно Дрейсона, даже не подозревая, что делает это.

- Потому что все считали, что убийства связаны с Дрейсоном, - сказал я.

Он кивнул и повернулся к Алистеру.

- Когда вы основали клуб "Беллерофонт"… когда вы продумывали стратегию в офисе окружного прокурора... когда вы вытаскивали из тюремных камер тех преступников, которые лучше всего служили вашим исследовательским целям… Вы всегда были экспертом в манипулировании желаниями других людей для достижения своих собственных целей. Разве нет?

Алистер побледнел.

- Что бы вы ни думали, я не...

- Я знаю о вас всё, профессор, - перебил его Хлад, - так что давайте не будем спорить.

Алистер откинулся на спинку стула, словно из него разом выпустили весь воздух.

Лист бумаги, который он держал в руках, упал на пол — и на нем я узнал знакомое послание, хотя теперь оно было написано незнакомой рукой.

Музыкальный шифр.

Я потянулся за ним, и Павол Хлад тихо выскользнул за двери.

* * *

Когда я вышел из квартиры, в коридоре меня ждала Изабелла.

- Ты поговорил с Алистером?

Я кивнул.

- А что за мужчины только что отсюда вышел? Я помню его по собранию анархистов.

- Это не важно, - покачал я головой.

Она подозрительно посмотрела на меня, но потом, похоже, всё поняла. Сегодня вечером мне не хотелось об этом говорить.

- Прогуляйся со мной, - её тон не допускал возражений.

Она на мгновение исчезла в своей квартире и появилась в пальто и с Обаном на поводке. Его золотистый хвост, казалось, вот-вот отвалится от радости.

Этим вечером мы гуляли по улицам города. Изабелла понимала, что я нахожу успокоение в ярких огнях и суете Бродвея. Несколько бакалейных лавок и аптек оставались открытыми, хотя уже темнело.

- Алистер сказал тебе то, что ты хотел знать? - На ее лице появилось странное выражение.

- Сказал. - Я не стал вдаваться в подробности.

Сухие листья шелестели под нашими ногами, а деревья тянули изломанные ветви высоко в унылую ноябрьскую ночь.

- Я часто думаю, что иногда те, кто обладает величайшими способностями, прокляты самыми серьезными недостатками. - Когда я недоуменно вскинул брови, Изабелла добавила: - Я видела нечто подобное даже в Тедди: те качества, которые делали его бесстрашным исследователем и археологом, также делали его далеко не идеальным мужем. Как бы я его ни любила.

- Думаю, такова природа: большинство людей нас разочаровывают, даже получив второй шанс. - Я подумал о собственном отце; особенно, о тех моментах, когда ему шла карта и появлялись деньги.

- Даже ты, Саймон?

Я уклонился от ответа.

- Хочешь знать, что сказал Алистер?

- Не хочу. - На ее лице появилось серьезное выражение, а глаза наполнились глубокой печалью. - Иногда лучше не знать.

Мы шли молча, пока не добрались перекрестка Восемьдесят второй и Бродвея. Потом Изабелла остановилась.

- Ну что, Саймон? Пойдём дальше или повернём назад?

Впереди тянулась длинная, тёмная улица - там было меньше баров, ресторанов и магазинчиков, освещающих тротуар. Конечно, учитывая постепенное разрастание города, скоро это измениться, но сегодня дорога перед нами, укутанная уютной тенью, так и манила.

Я перехватил у Изабеллы поводок Обана.

- Давай пройдем еще пару кварталов.

Изабелла взяла меня за руку, и я, впервые за вечер, улыбнулся.

Да, люди будут разочаровывать. Ложь, недосказанности, предательства и двуличность никуда не денутся из нашей жизни.

Но, возможно, они будут не всегда.

Не со всеми.

И уж точно не сегодня.